

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2005

ISSN 0131-2812

Исторические судьбы социализма
в странах Азии

●

Стратегическое партнерство
между Россией и Китаем

●

КНДР сегодня: сталинизм,
застой или ползучая перестройка

●

Модели интеграции
Дальнего Востока РФ в АТЭС

●

Социальная роль религии
и буддизм в КНР

Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН

27-29 сентября 2005 г. проводят XV Международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Организаторы конференции полагают, что тема «Усиление Китая: внутренние и международные аспекты» может представлять широкий интерес.

На конференции будут работать секции:

- Усиление Китая: новые моменты в общественно-политической жизни страны после XVI съезда КПК;
 - Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы;
 - Международно-политические проблемы усиления Китая в условиях глобализации;
 - История и историография Китая, традиции и современность;
 - Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации.
- В период работы конференции планируется провести заседание "круглого стола" по теме «Изменение роли Китая в мировой экономике и глобальной политике».

На конференцию приглашены ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США, Австралии и европейских стран.

Тезисы докладов: (объем не более 8000 символов с пробелами в формате RTF на дискете; в правом верхнем углу указать Ф.И.О., место работы и ученую степень автора; сноски нужно размещать после текста (просьба не отягощать тезисы большим количеством сносок). Направлять по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, а также по электронной почте rochagina@ifes-ras.ru с пометкой "Оргкомитет". Тезисы будут опубликованы только в том случае, если они полностью соответствуют вышеуказанным требованиям оформления и присланы в Оргкомитет не позднее 1 мая 2005 г.

Получить материалы Оргкомитета конференции является зам. директора ч (тел. 124-01-29), Ученым секретарем гина Ольга Валерьевна (тел. 124-03-02). ДВ РАН. конференции.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2005

Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- А.Клименко.* Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности..... 6
- Н.Омаров.* Эволюция и приоритеты Шанхайской организации сотрудничества через призму национальных интересов Кыргызской Республики..... 23
- Г.Яскина.* К вопросу об исторических судьбах социализма в странах Азии..... 28
- К.Асмолов.* КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка? Часть I..... 44
- Я.Бергер.* К кончине Чжао Цзыяна..... 57

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- И.Троекурова.* Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС..... 63
- С.Грибова.* Экономические взаимосвязи Забайкалья со странами СВА..... 80

© Российская академия наук, 2005 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2005 г.

1-4 экз

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

- Е.Баженова, А.Островский.* От Цинхая до Циндао (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР)..... 93
О.Почагина. Проблема суицида в современном Китае..... 104

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ.

- Из переписки И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.) (Публикация и предисловие А.И.Картуновой)..... 116

ФИЛОСОФИЯ

- О.Городецкая.* Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая..... 133

РЕЛИГИЯ

- С.Горбунова.* Идеологические интерпретации социальной роли религии и буддизм в КНР..... 144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Давыдов.* Семинар по тайваньской проблеме..... 155
В.Бородич. Обсуждение вопросов социально-политического развития КНР в ИДВ РАН..... 162
Е.Ким. Чон Чже Мун — Почетный доктор ИДВ РАН..... 165
В.Чуванкова, Е.Лапшина. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2004 г. 167

РЕЦЕНЗИИ

- С.Лузянин.* Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М.Л.Титаренко..... 171
В.Павлятенко. Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век..... 178
А.Желоховцев. Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие верх..... 182

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Игорю Николаевичу Коркунову 80 лет..... 184
Галина Вениаминовна Куликова..... 186
Николаю Петровичу Тебину 70 лет..... 188

Главный редактор *А.М. Григорьев*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

А.Клименко. Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности

Статья является своеобразным итогом двух "круглых столов", проведенных Институтом Дальнего Востока РАН в 2002 и в 2004 гг. В ней говорится о повышении роли и места Центральноазиатского региона в системе международных отношений. Обосновывается необходимость углубления и развития сотрудничества между Россией и Китаем в этом регионе. Рассматриваются сущность и содержание стратегического партнерства как новой формы взаимодействия двух государств в военной сфере. Раскрываются некоторые направления этого взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и предлагается ряд мер по дальнейшему повышению ее дееспособности в интересах укрепления региональной безопасности и стабильности.

Н.Омаров. Эволюция и приоритеты деятельности Шанхайской организации сотрудничества через призму национальных интересов Кыргызской Республики

Политолог из Кыргызстана прослеживает в своей статье национальные интересы Кыргызской Республики как участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Подчеркивая органичное сочетание в ШОС задач обеспечения безопасности и содействия экономическому росту стран-членов организации, Н.Омаров считает, что членство Кыргызстана в ШОС отвечает его национальным интересам и является наиболее значимым приоритетом внешней политики страны.

Г.Яскина. К вопросу об исторических судьбах социализма в странах Азии

Статья посвящена исследованию основных направлений, по которым сейчас развивается социализм в странах Азии (КНР, КНДР, СРВ, ЛНДР). В ней показаны роль и место азиатских социалистических систем в мировом историческом процессе. Автор отстаивает идею о том, что исторические судьбы социализма в Азии, несмотря на его специфику, те же самые, что у мирового социализма в целом, но пути и темпы его трансформации отличаются. Азиатский социализм неуклонно эволюционирует в сторону создания новой социально-экономической модели с рыночной экономикой, но сохраняющей у власти коммунистические партии до тех пор, пока они будут отражать коренные интересы большинства населения.

К.Асмолов. КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка?

Предпринимая попытку объективного анализа ситуации в современной Северной Корее, автор подчеркивает, что КНДР в настоящее время уже не яв-

ляется "идеальной антиутопией", и многие происходящие там процессы напоминают кризис командно-административной системы СССР в конце 1980-х гг.

И.Троекурова. Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС.

Автор доказывает, что Россия может занять достойное место в АТЭС и в мировой экономической системе, только мобилизовав хозяйственный потенциал своих регионов. А это возможно при условии активного участия государства в данном процессе, организации централизованного финансирования и привлечении крупных отечественных и зарубежных инвестиций.

С.Грибова. Экономические взаимосвязи Забайкалья со странами СВА

Статья посвящена экономическому сотрудничеству одного из восточных субъектов Российской Федерации — Читинской области, которая будучи приграничной, тесно связана с экономикой стран Северо-Восточной Азии. При этом ее внешнеэкономическое сотрудничество сегодня сводится только к отношениям с КНР и Монголией. В статье рассматриваются положительные и негативные стороны этого сотрудничества, говорится о вытеснении китайцами иностранных конкурентов с забайкальского рынка, о привязанности экспорта к китайским поставкам. Исследуются также процессы восстановления и наращивания экономического взаимодействия области с Монголией.

Е.Баженова, А.Островский. От Цинхай до Циндао

В статье анализируются основные научные результаты поездки авторов по Китаю с целью сравнения опыта осуществления реформы в экономически отсталых западных и экономически развитых приморских районах страны. Авторы подчеркивают, что в Китае существует несколько моделей развития реформы для регионов с определенными климатическими, демографическими, ресурсными и социальными условиями. В провинции Цинхай, например, исходя из местных условий, связанных с богатством природных ресурсов, взят курс на развитие инфраструктурных проектов. В то же время, в приморском городе Циндао с учетом хорошего транспортного сообщения с внешним миром в ходе реформы была создана сеть крупных промышленных предприятий в обрабатывающей промышленности. Продукция некоторых из них уже вполне способна конкурировать на мировом рынке.

О.Почагина. Проблема суицида в современном Китае

В статье на основе данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и китайских источников анализируются причины формирования суицидального поведения, основные мотивы самоубийств среди нескольких половозрастных и социальных групп населения КНР. Рассматриваются мнения китайских психиатров, социологов, представителей Всекитайской федерации женщин относительно причин увеличения количества самоубийств за последнее десятилетие и мер по профилактике суицидов в КНР. В целях адекватной оценки ситуации и для сравнительного анализа приводятся данные по самоубийствам в России, Японии и Республике Корея.

О.Городецкая. Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая

В статье рассматривается отражение в погребальных обрядах древнего Китая различных представлений о человеке. По мнению автора, вектор развития концепций личности и ценности человеческой жизни в Китае обусловлен по преимуществу взаимодействием древних культур эпохи Чжоу и южного царства Чу.

С.Горбунова. Идеологические интерпретации социальной роли религии и буддизм в КНР

В статье анализируется концепция “взаимного соответствия религии и социалистического общества” и ее интерпретация в буддийских кругах. Автор акцентирует внимание на том, что эта идея, выдвинутая руководством КНР в 1993 г., вплоть до 2000 г. оставалась спущенной сверху теоретической установкой, которая растворилась среди прочих идеологем, определявших государственную политику в отношении религии. Отмечается, что только на рубеже веков представители власти, работники организаций, призванных контролировать и регулировать религиозную деятельность, и руководители религиозных объединений стали активно содействовать ее последовательному сближению с реальной жизнью. Началось ее обсуждение в буддийских кругах. Проследившая историю формирования этой установки, автор особо выделяет ее буддийские истоки, в частности, теорию “Буддизм в жизни людей”.

Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности

© 2005

А. Клименко

1. Стратегическое партнерство как новая форма сотрудничества между Россией и Китаем

Сотрудничество между государствами может характеризоваться различными уровнями отношений и соответствующими этим уровням формами взаимоотношений — союз, нейтралитет, соперничество, конфронтация, включая и военную, и некоторые другие. Вместе с тем сравнительно недавно в практике международных отношений стали активно использоваться термины "партнер" и "партнерство"¹, "созидательное партнерство"², "стратегическое партнерство", которые пока не приобрели однозначного толкования. Чем же отличается партнерство от других форм сотрудничества, в первую очередь союзнических отношений?

Военный союз предполагает наличие конкретного противника и направлен против него. Военно-политическое сотрудничество в его рамках — прерогатива исключительно государственных институтов. Сотрудничество в рамках партнерства осуществляется не только в военно-политической, но и во всех других сферах и по всему спектру областей, представляющих взаимный интерес. И, во-вторых, это сотрудничество может иметь многоуровневый характер. От каждой из сторон в нем участвуют субъекты от регионального до государственного уровня, от государственных институтов до общественных организаций и предприятий различных форм собственности.

Проявляясь в разнообразных формах, партнерство может классифицироваться по различным основаниям. Для нас важно отличие обычного партнерства от партнерства стратегического. Последнее рассматривается в контексте широкой трактовки термина "стратегия" и характеризуется большими пространственными и временными показателями планируемых и осуществляемых действий, использованием долгосрочных прогнозов развития ситуа-

Клименко Анатолий Филиппович, генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ции, формированием и обоснованием моделей предстоящей деятельности. Поэтому под стратегическим партнерством понимается форма организации совместной деятельности государств в основных сферах, рассчитанная на долгосрочную прогнозируемую перспективу, основанная на договорно оформленном признании, уважении и соблюдении интересов друг друга, равных прав, обязанностей, выгод и ответственности и направленная на достижение общих стратегических целей.

Обобщение международного опыта, анализ содержания международно-правовых актов и экспертных оценок позволяют выделить два основных условия установления отношений стратегического партнерства. Первое — это наличие общих взглядов и подходов по ключевым проблемам международной политики, глобального и регионального развития. Второе — наличие принципиально важных для стран-партнеров общих стратегических целей, достижение которых в рамках обычного сотрудничества невозможно. Такими целями могут быть: обеспечение хозяйственного комплекса жизненно важными ресурсами (энергетическими, товарными, финансовыми); обеспечение надежного и безопасного доступа к жизненно важным регионам; совместное решение проблем безопасности (противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), воинствующему сепаратизму, терроризму, организованной преступности, нелегальной миграции, контрабанде оружия и наркотиков, пиратству) и др.

Стратегическое партнерство как правило базируется на следующих общих принципах:

взаимная заинтересованность партнеров в плодотворном сотрудничестве и отказ от дискриминационных действий относительно друг друга;

взаимовыгодный характер отношений, отдачу от сотрудничества должны ощущать обе стороны, причем не только государственно-политические элиты, но и субъекты экономической деятельности и рядовые граждане. Исключение действий, наносящих какой-либо ущерб каждой из сторон;

долгосрочный характер партнерских отношений, ибо стратегическое партнерство устанавливается не на два-три года, а на продолжительную (средне- и долгосрочную) перспективу;

соблюдение общих принципов международных отношений, суверенитета, территориальной целостности стран-партнеров, невмешательства в их внутренние дела;

готовность учитывать интересы другой стороны, идти на компромиссы для достижения общих стратегических целей;

правовое закрепление содержания и механизмов стратегического партнерства в двухсторонних документах, ибо стратегические цели сотрудничества не должны меняться в зависимости от смены руководства в государствах-партнерах;

наличие действенных механизмов реализации такого формата отношений; *дисциплинированность, последовательность и предсказуемость*, неуклонное выполнение партнерами своих обязательств;

Стратегическое партнерство в военной сфере — наиболее высокий уровень партнерства. Этот тип сотрудничества (в отличие от военно-блокового, суть которого, как говорилось выше, выражается в поиске вероятного противника и планировании совместной военной деятельности против него) не содержит военной угрозы другим странам. Его главная задача — поиск альтернатив военно-силовым методам решения проблем во взаимоотношениях между государствами. В этом плане весьма важное значение для обеспечения безопасности и поддержания стабильности приобретает мониторинг военно-политической обстановки, выработка общих позиций по отношению к дестабилизирую-

щим факторам и своевременное, по возможности, упреждающее воздействие на них.

С учетом всего этого к основным принципам стратегического партнерства в военной сфере, на наш взгляд, можно было бы отнести:

превентивность, активное использование мер упреждающего характера при решении проблем безопасности, обеспечивающее возможность воздействовать и управлять ситуацией раньше, чем проявятся ее негативные последствия;

приоритет политических и иных не военных средств в урегулировании возникающих проблем и конфликтных ситуаций;

координация политики безопасности, нанесение ущерба друг другу и остальным партнерам;

отказ от вступления в военно-политические союзы без согласия партнеров и неучастие в любых действиях, направленных против партнера или ущемляющих его интересы;

транспарентность деятельности в военной области;

взаимное благоприятствование контактам, способствующим решению проблем безопасности на различных уровнях.

Оба приведенных выше блока принципов партнерства созвучны пяти принципам мирного сосуществования, впервые провозглашенным Китаем и Индией в 1955 г.

При реализации политики стратегического партнерства в интересах обеспечения военной безопасности России на Центрально-Азиатском направлении необходимо исходить, прежде всего, из анализа реальных и потенциальных угроз ее интересам. В этом регионе можно выделить несколько **групп факторов риска**, способных привести к эскалации международной напряженности:

экономические — соперничество между центрами силы, транснациональными корпорациями и отдельными государствами за природные ресурсы, рынки сбыта товаров и услуг, за управление коммуникациями и финансовыми потоками;

политические — неурегулированность межгосударственных (США — Иран, Индия — Пакистан) и внутрисредствственных (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия — в СНГ, Синьцзянь-Уйгурский и Тибетский автономные районы — в Китае) отношений;

территориальные — претензии отдельных государств друг к другу; *военно-технологические* — неконтролируемое распространение ядерного оружия и других видов ОМУ, ракетных технологий;

международно-криминальные — международный терроризм под флагом воинствующих учений (социальных, религиозных и др.) и сопутствующие им организованная преступность, наркобизнес, торговля оружием, незаконная миграция и другие.

Интегрирующая составляющая этих факторов в Центральной Азии проявляется в религиозной форме, в идее создания некоего исламского "халифата", принятой на вооружение рядом исламистских организаций, действующих на территории региона и в прилегающем к нему пространстве. По этой причине в Центральной Азии сохраняется вероятность вооруженных конфликтов на почве попыток со стороны исламских экстремистов, националистов и международных террористических организаций расширить зону своего влияния путем свержения существующих в центрально-азиатских государствах светских режимов.

Характерная особенность ситуации в регионе состоит в том, что все расположенные здесь страны сталкиваются с угрозой терроризма, но содержание этой угрозы для каждого из государств имеет свои отличия. Для Таджики-

стана, Кыргызстана и Узбекистана это религиозный и национально-этнический экстремизм, выраженный в попытках свержения законной власти и ее захвата вооруженным путем. Казахстан и Китай связывают общие трансграничные угрозы в лице проживающих на северо-западе Китая свыше 1 млн этнических казахов, значительная часть которых находится под влиянием сепаратистских идей. Нельзя забывать о возможном повторении этнических конфликтов и в ряде других стран региона. Эти разные по своей сущности и происхождению угрозы объединяют методы достижения политических целей сепаратистами и экстремистами — массовый терроризм и опора на международные террористические организации.

Как известно, сегодня в мире насчитывается около 500 нелегальных террористических организаций. Их бюджет оценивается ежегодно суммой от 5 до 20 млрд долл, что сопоставимо с военным бюджетом России. Создана разветвленная структура центров и баз по подготовке боевиков. В результате международные террористические организации приобретают способность проводить не только отдельные акции, но и крупномасштабные террористические операции и представляют угрозу всему мировому сообществу.

Финансовая подпитка террористических организаций осуществляется в том числе за счет средств, получаемых от нелегальных поставок наркотиков из Афганистана в Россию и далее в страны Запада, а также путем захвата заложников, использования рабского труда и другой противоправной деятельности.

При всем этом в регионе пока еще не сложилось четкое понимание того, какая система безопасности наиболее эффективна. В настоящее время она многоуровневая и довольно расплывчатая. Региональная стабильность поддерживается за счет двухсторонних военно-политических соглашений США с Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Афганистаном, Пакистаном и т.д. Следует отметить, что Российская Федерация также связана разноуровневыми договорными партнерскими отношениями с центрально-азиатскими государствами в рамках СНГ (вопросы военной безопасности здесь призван решать Штаб по координации военного сотрудничества — ШКВС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), Центрально-Азиатское Сообщество (ЦАС) и частью из них — союзническими в рамках Организации Договора о коллективной безопасности — ОДКБ.

ОДКБ на сегодняшний день — наиболее динамично развивающаяся военно-политическая структура в СНГ. Завершается формирование ее нормативно-правовой базы. Организация зарегистрирована в ООН. Идет работа по созданию военной составляющей организации, предназначенной для парирования различных вызовов и угроз. Созданы Объединенный штаб ОДКБ, Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР). За последнее время почти в два раза увеличена их численность за счет усиления батальонов из Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. В планах организации — создание на базе КСБР не только мото- и горнострелковых подразделений, но и сил специального назначения. Они будут предназначаться для борьбы с террористическими группировками и перекрытия наркотрафика. В рамках КСБР развертывается российская авиабаза в Канте (Кыргызстан). Приоритетная задача сил быстрого развертывания — войсковое обеспечение борьбы с международным терроризмом, прикрытие и оборона, при необходимости, границ стран-участниц, их противовоздушная оборона и решение других задач.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), действующая на принципах стратегического партнерства, отличается от ОДКБ расширенными пространственными показателями и более широким кругом сфер сотрудниче-

ства за счет членства в ней КНР и открытости организации для взаимодействия с другими государствами по актуальным для них проблемам.

Следует заметить, что при таком внушительном количестве организаций пока еще ни одна из них не способна достаточно эффективно обеспечивать безопасность и стабильность и противостоять всем перечисленным выше традиционным и нетрадиционным угрозам и вызовам в регионе и, особенно, в прилегающем к нему пространстве. Следствием чего и явилось военное присутствие здесь США и НАТО.

Нельзя не видеть того, что Россия находится в сложной ситуации. С одной стороны, наше государство является союзником США в борьбе с международным терроризмом. И не без его согласия американские (натовские) военные базы появились на территории ряда государств региона. С другой стороны, странам Запада присуща политика двойных стандартов. Признавая Россию в качестве партнера, они продолжают сжимать вокруг нее свой "военный обруч", вытесняя нашу страну из постсоветского пространства и расширяя сферу своего влияния и на западе (страны Восточной Европы) и на юге (Закавказье, Центральная Азия). Эта политика двойных стандартов проявляется также и при определении терроризма. Террористические организации, существующие на Кавказе, в частности, в Чечне, они относят к национально-освободительным движениям и оказывают им определенную поддержку. Не случайно Президент России в своем выступлении по телевидению в первые дни после трагедии в Беслане, определяя ее истоки, отметил, что Россия не проявила понимания сложности процессов, происходящих в нашей стране и в мире в целом... Одни хотят оторвать от нее кусок пожирнее, другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей.

В этих условиях России нужна гибкая и многовекторная политика, направленная на создание возможностей для военно-политического маневра при тех или иных изменениях международной обстановки. С учетом того, что в Центральноазиатском регионе образовалось несколько уровней и кругов сотрудничества, возникает потребность для каждого из них определить приоритеты, о которых, в соответствии с принципом транспарентности, должны знать и понимать их причинную обусловленность и необходимость наши союзники и партнеры. В противном случае российская внешняя политика будет непоследовательной и противоречивой.

На наш взгляд, в будущем интересам России в большей мере соответствовала бы дихотомная система безопасности в Центральной Азии. Ее основными опорами могли бы стать: с одной стороны, военно-политический союз ОДКБ, предназначенный для коллективной обороны стран СНГ — первый радиус безопасности; с другой — стратегическое партнерство в рамках ШОС, направленное на нейтрализацию более широкого круга угроз, в первую очередь нетрадиционных, и в более обширном районе.

Следует отдавать себе отчет в том, что сотрудничество с Россией в борьбе с терроризмом для многих стран Запада, в первую очередь для США — лишь временная, тактическая задача. Для них она значима постольку, поскольку способствует на данном этапе закреплению в стратегически важном регионе. Тем не менее задача борьбы с терроризмом актуальна и для России, и для других ее центральноазиатских партнеров и союзников. Поэтому говорить ныне о размежевании по этой проблеме с США будет нелогичным. Однако в более отдаленной перспективе, по мере становления и укрепления ОДКБ и ШОС антитеррористическая коалиция в лице США и НАТО должна постепенно замещаться ШОС. А ничем не проявивший себя Штаб по координации во-

енного сотрудничества СНГ уже в ближайшем будущем может передать свои функции ОДКБ.

2. Стратегическое партнерство в сфере региональной безопасности и стабильности между Россией и Китаем в рамках ШОС: проблемы, целесообразность и необходимость

Россия и Китай являются крупнейшими государствами, соседствующими со странами Центральной Азии. И от того, смогут ли они разумно построить свои отношения, будут зависеть и их стратегическое партнерство и ситуация в этом регионе. Развивая стратегическое партнерство в рамках ШОС, обе стороны должны осознавать наличие отношений более высокого уровня — союзнических — между Россией и Центральноазиатскими странами СНГ, участниками Организации Договора о коллективной безопасности, интересы которых Россия не может игнорировать. Не могут также игнорироваться ее отношения с центральноазиатскими государствами в рамках ЕврАзЭС, ЕЭП, ЦАС и СНГ. В данном случае исторически складывавшиеся отношения России с ныне независимыми республиками СССР, их экономические, культурные, общественные и межличностные связи должны признаваться и учитываться другими партнерами этих стран.

Нельзя не принимать во внимание и то, что интересы России и Китая в регионе не во всем совпадают, а мотивация к сотрудничеству имеет свои нюансы. По мнению некоторых китайских аналитиков, стратегическое партнерство между нашими странами инициировано рядом внешних вызовов, затрагивающих общие интересы безопасности, и соответственно стремлением сообща противостоять им. К основным из этих вызовов они относят: расширение НАТО на Восток, укрепление союза между США и Японией, ощущение уязвимости Китая и России в фактически однополюсном мире. В Пекине обеспокоены тем, что расширение НАТО дойдет до Украины и Белоруссии и тогда у России не останется иного выбора, кроме присоединения к Западу. Многие также уверены, что, несмотря на разочарование российских либералов Западом, их стремление видеть Россию его частью не исчезло, а просто несколько ослабло. Сторонники подобного подхода исходят из того, что Россия использует Китай для торга с Западом, а нынешнюю политику России в отношении Китая считают вынужденной. Они полагают, что в случае возрождения в качестве сверхдержавы Россия откажется от нынешней благожелательной по отношению к Китаю политики.

Китайские аналитики обеспокоены также российским маневрированием, направленным на стратегический союз с Индией, в то время как последняя все еще настороженно относится к Китаю. У них вызывает тревогу и то, что некоторые российские деятели считают партнерство России с Индией более предпочтительным, чем с Китаем, находя подтверждение этому в отказе России осудить индийские ядерные испытания и в готовности Москвы поставлять Индии самое современное вооружение, включая те его типы, которые в Китай не поставляются по соображениям безопасности. С неудовольствием отмечается, что в политических кругах России все еще обсуждается вопрос, является ли Китай другом или противником, в то время как никто не сомневается, что Индия — это друг России.

Тревожен для китайцев и тот факт, что из-за недостатка контактов между гражданами и общественными организациями России и Китая наши двусторонние отношения не базируются на широкой народной поддержке. Если старшее поколение россиян и китайцев все еще питает добрые чувства друг к другу, молодежь, как китайская, так и российская обращает свои взоры на Запад,

Что касается российской стороны, то она испытывает беспокойство в связи с растущей военной мощью Китая, его подавляющим демографическим превосходством и, главное, — территориальными притязаниями, которые все еще выдвигаются в некоторых средствах массовой информации КНР.

Еще один блок противоречий двух стран связан непосредственно с Центральноазиатским регионом. Россия считает свое присутствие в нем обоснованным историческими связями российских народов с народами бывших республик СССР по праву их длительного даже по историческим меркам совместного проживания. Наличие экономических, военных, гуманитарных и иных связей лишь усиливает этот аргумент. Китай относится к этому с пониманием, однако в Пекине полагают, что тот, кто вкладывает больше средств в освоение и развитие региона, имеет соответствующие права на влияние в нем.

Несмотря на все это, ответственные российские аналитики понимают, что дружественные отношения с Китаем имеют исключительно важное значение, и настаивают на необходимости постоянно и целенаправленно укреплять партнерство с ним во всех сферах. В целом, большинство специалистов и Китая, и России уверены, что обе страны могут и должны быть вместе. Россия, стремящаяся к экономическому и политическому возрождению, просто не может позволить себе иметь враждебный Китай на своих восточных границах. Соответственно, и Китай не может допустить возвращения к ситуации 1960-х гг., когда он был вынужден противостоять двум великим державам. Следовательно, российско-китайское стратегическое партнерство — это жизненно важная необходимость для обеих стран. И одним из наиболее перспективных механизмов такого партнерства в Центральной Азии становится Шанхайская организация сотрудничества. Но и здесь ситуация не во всем безоблачная.

Ряд западных аналитиков полагает, что ШОС — это противовес США, поскольку является первой организацией подобного типа, созданной без участия Вашингтона. Высказываются сомнения и по поводу дееспособности организации, основываясь на том, что за время ее существования осязаемого улучшения ситуации в регионе не произошло. Отмечаются так же остающиеся политические противоречия между государствами-членами.

Одно из противоречий в российско-китайских отношениях некоторыми аналитиками усматривается в неприемлемой для России активности КНР по укреплению своего влияния в Центральной Азии. По их мнению, китайское руководство склонно рассматривать ШОС как инструмент укрепления китайской гегемонии в регионе.

Действительно, заявления китайских официальных лиц свидетельствуют о стремлении КНР играть лидирующую роль в этой новой международной организации. О китайских амбициях говорит напряженная работа ЦК КПК, МИД КНР, ряда профильных институтов и центров над тематикой ШОС. Однако на этом основании едва ли можно сделать вывод о том, что Китай будет проводить курс, противоречащий интересам России и вступать с ней в конфликтные отношения. Вероятнее всего, Китай будет продолжать политику сохранения баланса в отношениях с Россией.

Другое противоречие касается целей создания организации. Не секрет, что ШОС появилась, во многом, по инициативе Китая. Это просматривается в том, что важной составляющей концепции ШОС по стабилизации обстановки на территории стран, входящих в организацию, является борьба с гегемонизмом, политикой с позиции силы, а также сотрудничество в целях развития многополярного мира. В этих формулировках легко узнается политическая лексика Пекина, что, по мнению ряда политологов, свидетельствует о том, что «Китай добивается формирования в Азии мощного противовеса американскому

влиянию", а это не совпадает с интересами некоторых других участников организации. Однако в официальных документах ШОС подчеркивается, что Шанхайская организация сотрудничества не является союзом, направленным против других государств и регионов. Она выражает готовность развивать диалог, контакты и сотрудничество в любых формах с другими государствами и соответствующими международными и региональными организациями.

С другой стороны, нельзя отрицать того, что появление ШОС — это важный шаг на пути реализации проводимой и Россией и Китаем политики создания полицентричной системы международных отношений вопреки политики США, нацеленной на построение однополюсного мира. Однако это — политическая стратегия России и Китая, в то время как сегодня их главная тактическая задача — борьба с сепаратизмом, национализмом, экстремизмом и международным терроризмом. В этом совпадают интересы не только России и Китая, но и других, в том числе западных государств. В данном случае мы имеем дело с классическим проявлением закона единства и борьбы противоположностей.

Несомненно, что взаимодействие двух крупнейших азиатских государств — России и Китая — в борьбе с общей для них угрозой исламского экстремизма будет одним из основных направлений их взаимодействия в этой организации. Оно возможно также на расширенной основе — в рамках не только ШОС, но и ОДКБ. Здесь интересы государств — членов названных организаций соприкасаются самым тесным образом: с российской стороны — это Чечня, с китайской — Синьцзян-Уйгурский автономный район. Как известно, стремление уйгуров к созданию независимого государства — проблема не только Китая. Их организации активизируются в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. Уйгурский сепаратизм касается и России. По данным ФСБ РФ, в партизанских действиях на территории Чеченской Республики участвовали десятки многочисленных наемников из КНР. Серьезную опасность для России представляют планы уйгуров относительно бывшей советской Средней Азии, которую они называют не иначе, как "аннексированные Российской империей" территории. Уйгуры считают, что их путь к созданию самостоятельного государства лежит через этот регион. Реализация подобных планов чревата усилением наркотрафика, потока беженцев и криминалитета, который не остановит режим границы между Россией и Казахстаном. Чтобы обезопасить свои южные рубежи, Россия должна поддерживать Китай в уйгурском вопросе.

В Исламское движение Узбекистана (ИДУ) также входят не только этнические узбеки, но и уйгуры, таджики, киргизы, чеченцы, и именно в силу этого организация рассматривается руководством России и Китая как представляющая угрозу не только Узбекистану, но и всем другим государствам региона. В 1999 г. ШОС впервые осуществила практические меры, направленные против ИДУ. Тогда бандформирования исламистов атаковали позиции расположенных в Баткенской области подразделений киргизской армии. В тот момент в Бишкеке проходила встреча лидеров стран-участниц "Шанхайской пятерки", которые заявили Аскарму Акаеву о своей готовности оказать Киргизии необходимую помощь для борьбы с экстремистами. Год спустя боевики вновь напали на республику и, получив отпор, отступили за пределы ее границ.

Следует отметить важную роль, которую сыграла здесь Россия. Но во многом это заслуга и других партнеров по ШОС, оказавших Киргизии солидную военно-техническую помощь. Кроме того, в 2001 г. в рамках ШОС казахстанским и китайским спецслужбам удалось осуществить ряд совместных операций по поиску и задержанию руководителей уйгурских экстремистов.

Еще одной точкой соприкосновения интересов России и Китая в пользу укрепления сотрудничества в ШОС может быть постоянно будируемая Запа-

дом проблема "прав человека". Несмотря на наметившееся сближение России и Китая с Западом по проблеме борьбы с терроризмом, западные правозащитные организации продолжают осуждать акции Китая по борьбе с уйгурскими сепаратистами, и действия, предпринимаемые Россией против чеченских террористов. Эта практика "двойных стандартов" намеренно упускает из виду то, что чеченские и уйгурские боевики не только поддерживают друг друга, но и получают активную помощь со стороны международных исламских фундаменталистских движений, что наглядно подтвердил и акт захвата международными террористами школы в Беслане. И Россия, и Китай должны совместно и активно демонстрировать мировой общественности факты, подтверждающие связи лидеров Исламского движения Восточного Туркестана, ИДУ и чеченских боевиков с Аль-Каидой. Большое число уйгуров и чеченских сепаратистов были завербованы людьми Бен Ладена и переправлены в Афганистан, Россию и Ирак. Таким образом, противостояние мусульманским экстремистам и сепаратистам действующим на территории Центральной Азии, следует рассматривать в контексте общей для России и Китая задачи борьбы с исламским терроризмом и сепаратизмом.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что отношения между Россией и Китаем в сфере обеспечения безопасности имеют все необходимые предпосылки для того, чтобы развиваться в конструктивном плане.

3. Возможные направления дальнейшего развития сотрудничества в военной сфере между Россией и Китаем в рамках ШОС

Существует известная аксиома: прежде чем каким-либо государствам объединять усилия в борьбе против общих угроз, нужно устранить существующие между ними самими противоречия, являющиеся источниками нестабильности их политико-дипломатических и военно-стратегических отношений. В этом плане начальный этап деятельности тогда еще "Шанхайской пятерки" по урегулированию приграничных споров явился реальным шагом на пути ликвидации предпосылок конфликтных ситуаций на российско-китайской границе и границе КНР с центральноазиатскими государствами.

На саммите 1998 г. в Алма-Ате и 1999 г. в Бишкеке министрами иностранных дел стран-участниц были подписаны итоговое совместное заявление о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и декларация об основных направлениях стратегического партнерства. Намечены приоритетные направления будущего взаимодействия, среди которых основное место отводилось сотрудничеству в сфере региональной безопасности, а именно — борьбе с терроризмом, сепаратизмом, религиозным экстремизмом, контрабандой оружия и наркотиков.

В связи с обострением напряженности в Центральной Азии в 2001 г. деятельность организации в сфере укрепления безопасности значительно активизировалась. В июле того же года была подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ориентированная на практическое сотрудничество стран участниц и предусматривающая учреждение в Бишкеке антитеррористического центра. Главным итогом саммита явилось присоединение к "Шанхайской пятерке" Узбекистана и ее преобразование в "Шанхайскую организацию сотрудничества", документально зафиксированное в Декларации о создании этой организации.

Решающее значение для окончательного формирования структуры ШОС имел июньский 2002 г. саммит в Санкт-Петербурге, на котором был подписан базовый документ организации — Хартия ШОС, а также документально оформлена антитеррористическая структура организации. Итогом встречи ру-

ководителей стран-участниц стала также выработка правил принятия в организацию новых членов.

И, наконец, с открытием секретариата ШОС в начале 2004 г. этап ее организационного становления можно считать завершенным.

Таким образом, в ходе восьмилетней работы организации был устранен ряд конфликтогенных факторов во взаимоотношениях центральноазиатских государств и России с Китаем, а результаты этой работы свидетельствуют о нацеленности на совместное противодействие общим угрозам. В течение данного периода ШОС удалось выработать и отладить механизмы функционирования организации, значительно расширить поле ее деятельности и утвердить главные направления совместной работы.

Сегодня Шанхайская организация — это мощное межгосударственное объединение, охватывающее четверть населения Земли. Ее ядро составляют два крупнейших государства Евразии — Россия и Китай. И вполне естественно, что жизнеспособность этой организации зависит во многом от их взаимодействия, по мере усиления которого станет возможным переход к углублению сотрудничества между ними не только в политико-дипломатической, экономической и военно-технической, но и в собственно военной сфере — между вооруженными силами двух стран. Как известно, здесь как Россия, так и Китай придерживаются нового понимания безопасности, стержнем которого являются усиление взаимодововерия, снижение уровня вооружений, учет интересов сторон, обещание не применять силу друг против друга и не угрожать применением силы. Оба государства выступают за создание системы всеобщей безопасности на базе ООН, способной своевременно реагировать на современные вызовы и угрозы. Оба государства придерживаются оборонительной военной стратегии и проводят самостоятельную внешнюю и военную политику, что обеспечивает надежные предпосылки налаживания военного сотрудничества между ними. А Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный лидерами двух государств в 2001 г., заложил для этого прочную правовую основу.

В Министерстве обороны Российской Федерации считают, что “в случае дальнейшего укрепления политического и военно-политического потенциала ШОС сформируется зона мира и стабильности на юго-восточном и дальневосточном направлениях, исключающая возникновение крупномасштабной военной угрозы. Если произойдет полная или частичная ренационализация политики в области безопасности государств региона, Россия вынуждена будет рассматривать регион как потенциальный источник этнических конфликтов, пограничных споров и общей военно-политической нестабильности”³ со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для народов обеих стран. Поэтому одной из наиболее важных задач сегодня становится наполнение практическим содержанием стратегического партнерства между нашими странами.

Какими же могут быть возможные направления дальнейшего развития сотрудничества в военной сфере между Россией и Китаем в рамках ШОС?

В настоящее время между Генеральными штабами Вооруженных Сил России и Народно-освободительной армии Китая (НОАК) установлены прямые контакты. Ежегодно проводятся штабные переговоры. Ведется диалог с китайскими партнерами по вопросам стратегической стабильности и контроля над вооружениями. В полной мере это касается и военно-технического сотрудничества. Установлены также прямые связи между вооруженными силами двух стран в области печати, культуры, отдыха.

В рамках ШОС и других региональных структур в части, касающейся компетенции Минобороны России, ведутся консультации по проблемам обеспечения национальной безопасности и борьбы с проявлениями международного

терроризма. Таким образом, все подписанные ранее двусторонние соглашения наполняются реальным содержанием. Но, чтобы эффективность двустороннего военного сотрудничества становилась более очевидной, оно, как представляется, должно быть “многослойным” и “многоаспектным”, развиваться поэтапно, по нарастающей линии и избирательно — преимущественно в тех сферах и по тем направлениям, которые рассматриваются обеими сторонами как взаимовыгодные.

Для этого можно было бы предусмотреть следующее:

во-первых, активизировать обмен визитами различных делегаций, что способствовало бы укреплению взаимопонимания и взаимодоверия. Необходимо постепенно распространять этот обмен на более низкие уровни, создавать механизм всеохватывающего сотрудничества;

во-вторых, надо еще больше расширить сотрудничество в деле профессиональной подготовки специалистов и обмена военно-научной информацией. В организационном и правовом плане такая возможность значительно расширилась с принятием российским правительством в начале 2004 г. постановления “О мерах по укреплению научно-исследовательской базы и подготовке специалистов по Китаю”. Представляется, что, прежде всего, следует увеличивать число специальностей и специалистов в сфере совместной подготовки войск и сил, увеличить удельный вес слушателей военно-учебных заведений, проходящих учебу по обмену, наладить научные контакты и обмен между учебными заведениями и исследовательскими институтами двух армий, проводить научные конференции, симпозиумы, осуществлять обмен преподавателями. Представляется актуальным, с учетом нынешней тенденции развития сотрудничества, направлять российских военнослужащих в Китай для обучения китайскому языку, и наоборот.

Следует расширить каналы сотрудничества в информационной области. Особое значение имеет усиление двусторонних консультаций по проблемам военной безопасности. Важную миссию в деле углубления взаимопонимания между вооруженными силами наших двух стран выполняет военная пресса, поэтому надо усилить обмены и сотрудничество между военными журналистами;

в-третьих, необходимо углублять военно-техническое сотрудничество (ВТС). В последние годы оно развивалось весьма динамично, что в свою очередь способствовало укреплению стратегического партнерства между двумя государствами. ВТС зиждется на основе взаимного доверия и взаимной выгоды, соответствует национальным интересам обеих сторон, не направлено против третьих стран и не нарушает существующего баланса сил в регионе и в мире в целом;

в-четвертых, в рамках ШОС следует наращивать усилия по взаимодействию в сфере подготовки личного состава вооруженных сил обеих стран к проведению контртеррористических операций, а также взаимодействия между пограничными формированиями и спецслужбами.

Важной и вполне реализуемой задачей, как свидетельствует уже имеющийся опыт, является проведение антитеррористических учений. Но, наряду с этим, можно было бы подумать о проведении совместных учений и командно-штабных тренировок по спасению терпящих бедствие на море, по проведению миротворческих операций и других мероприятий по подготовке войск и сил флота. На первых этапах — на тактическом уровне. По крайней мере в этой сфере не следует допускать асимметрии по сравнению с уровнем взаимодействия между Россией и США, Россией и Японией, Россией и странами НАТО.

Вместе с тем следует отметить, что противодействие терроризму — далеко не единственное направление деятельности, где при достижении совместных политических целей мы можем опираться на поддержку вооруженных

сил. Поэтому одна из общих целей может состоять в том, чтобы придать вооруженным силам стран ШОС способность вести совместные действия при решении более широкого круга задач, в том числе в ходе проведения миротворческих операций.

На этом пути имеется множество трудностей. В первую очередь — различия в организации войск, в структурах органов военного управления и организации тылового обеспечения. “Оперативная совместимость” — то есть способность войск легко и эффективно действовать совместно для выполнения общей задачи — серьезно затрудняется наличием языкового барьера, несовместимостью применяемых средств и различиями в приемах и способах действий. Поэтому в интересах создания предпосылок для совместных миротворческих операций необходимо повышение оперативной совместимости, чему и российские и китайские специалисты должны уже сейчас уделить серьезное внимание. Потребуется проведение семинаров по системам управления и связи, терминологии, уставным документам тактического звена, военным доктринам и миротворческим концепциям.

В этом плане новым направлением учебной подготовки может стать сотрудничество между военными учебными заведениями по ознакомлению с вопросами стратегии и тактики. В ходе обменов преподавателями специалистами России и Китая могут проводить обычные занятия в военно-учебных заведениях друг друга, помогая внедрять результаты, полученные при реализации мероприятий в области совместной боевой подготовки, в соответствующие военно-образовательные системы. “Импорт образования” посредством обмена преподавателями позволит военным специалистам, практическим работникам, инструкторам и преподавателям России и Китая на практике отрабатывать и оценивать различные виды деятельности по оперативной совместимости. Долгосрочная цель состоит в том, чтобы создать условия для эффективных совместных действий войск и сил двух стран, когда в этом появится необходимость.

Но эта работа не принесет большой пользы, если ее результаты не будут подвергаться оценке, а на ее основе не будут делаться выводы. Поэтому потребуется проводить совместные конференции по изучению проблемы оперативной совместимости.

В целом, сотрудничество между вооруженными силами России и Китая соответствует коренным интересам двух стран. Что касается России, принцип многовекторности в отношениях нашего государства с другими странами, заложенный в российской концепции внешней политики, в военной сфере означает нечто иное, как создание возможности для военно-политического маневра при тех или иных изменениях международной обстановки, о чем уже говорилось выше. Еще накануне Первой мировой войны генерал-лейтенант А.Е. Снесарев, российский военный теоретик, разведчик, ученый-востоковед с мировым именем и геополитик, отмечал, что интересам России более всего соответствует “весьма счастливое положение посредника. Если международный баланс спасает заведомо слабые государства, то насколько больше шансов у России использовать этот прием для завершения внутренних реформ и укрепления своей мощи”. Поэтому мы должны, с одной стороны, через программы партнерства во имя мира с НАТО на Западе, через союзнические отношения в ОДКБ со странами СНГ на Юге, через военное сотрудничество с Китаем в рамках ШОС на Востоке создавать такую возможность. Тогда не потребуются расточительные и неоправданные расходы на содержание мощных группировок войск и сил на всех стратегических направлениях, как это было в бывшем СССР.

4. Некоторые рекомендации по совершенствованию дееспособности ШОС в интересах укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии

Основываясь на изложенном выше, можно сделать вывод о том, что дееспособность ШОС во многом зависит от эффективного сотрудничества России и Китая. Вместе с тем результаты работы проведенного в марте 2002 г. в Институте Дальнего Востока РАН “круглого стола”⁴ дают основание прийти к выводу о том, что сотрудничество между Россией и Китаем при решении задачи обеспечения региональной безопасности, равно как и их взаимодействие с другими центральноазиатскими государствами, является условием необходимым, но не достаточным. Еще одним важным фактором надежной защиты от экстремизма, терроризма, сепаратизма и других угроз может стать создание здесь расширенной системы безопасности при участии других заинтересованных государств, прежде всего прилегающих к Центральной Азии (Индия, Пакистан, Афганистан, Иран). Но для этого Центральная Азия должна стать не зоной, где сталкиваются интересы Запада, России и Китая, а своеобразным полигоном для отлаживания механизма взаимодействия между всеми заинтересованными государствами. И не только региональным. Следует иметь в виду и более широкую задачу: создание “дуги стабильности”, протянувшейся от Европы до Юго-Восточной Азии. Шанхайская организация сотрудничества при условии расширения ее возможностей вполне способна стать элементом такой дуги и связующим звеном между системами безопасности Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако двигаться по пути совершенствования ШОС следует без спешки, последовательно и поэтапно, создавая каждый раз благоприятные условия для реализации намеченных на очередной этап решений. Главной задачей в настоящее время является дальнейшее развитие договорно-правовой базы организации. Цель — превращение ШОС в базовый элемент региональной безопасности и в центральное звено будущей “дуги стабильности” от Западной Европы до Восточной Азии. На первом этапе совершенствования ШОС можно предпринять организационные меры по повышению ее дееспособности. Положительным в этом плане является уже записанный в Хартии ШОС принцип “открытого регионализма”. По мнению участников упомянутого выше “круглого стола” открытый регионализм обеспечит более благоприятные условия для постепенного вхождения в организацию новых участников через создание институтов наблюдателей, ассоциированного членства и др.⁵

Китайские эксперты считают, что с принятием в состав ШОС Узбекистана этот принцип уже начал реализовываться. В недалеком будущем эта организация пополнится новыми членами, а ее региональный характер и открытость станут еще более явственными”. Пакистан, Монголия, Индия и некоторые другие страны в той или иной мере также высказывали намерение присоединиться к ШОС.

Принцип “открытого регионализма” предоставляет возможность мобилизации ресурсов и возможностей ШОС, и других международных организаций и заинтересованных стран для совместного решения задач в сфере обеспечения региональной безопасности. При этом не обязательно расширять число постоянных членов организации (до выработки соответствующих механизмов функционирования ШОС и совершенствования ее правовой базы). Интерес к сотрудничеству в такой форме проявляется, например, со стороны США и Японии. Принцип открытости необходим и для того, чтобы снять возможные подозрения к ШОС как к объединению закрытого типа, направленного против иных стран.

Второй стороной принципа “открытого регионализма” является участие стран-членов ШОС в делах других государств, не членов организации, если последние того пожелают. Примером подобной ситуации могут послужить события в Афганистане. Следует заметить, что в конце ноября 2001 г. на московском Совете министров иностранных дел стран-членов ШОС были приняты основные принципы взаимоотношений этой организации с другими государствами. В них некоторые рекомендуемые подходы реализованы. Ближайшая задача состоит в том, чтобы ясно и четко разъяснить заложенную в Хартии ШОС возможность для других стран, заинтересованных в мире и стабильности в Евразии, к сотрудничеству с организацией на принципах “открытого регионализма”. Это крайне важно с точки зрения информационного воздействия на международное сообщество в целях создания благоприятной обстановки вокруг процесса развития организации.

На последующих этапах, по мере совершенствования структуры ШОС, целесообразно рассмотреть возможность расширения масштабов решаемых ею задач по нейтрализации существующих и перспективных угроз.

На пути реализации этой задачи имеются определенные трудности, связанные с тем, что в некоторых государствах ШОС считают приоритетным экономическое направление деятельности этой организации. Вспомним, например, суждение, которое высказал президент Казахстана Н. Назарбаев во время официального визита в Германию в октябре 2001 г.: “Шанхайская организация сотрудничества не имеет военной составляющей и нацелена исключительно на развитие экономического взаимодействия стран-участниц”. Аналогичное мнение высказывал и премьер-министр Таджикистана А. Акилов накануне алмаатинской встречи глав правительств в сентябре того же года. И действительно, в Хартии ШОС не просматривается создание Совета Министров обороны или начальников Генеральных (Главных) штабов в ряду других структур этой организации. Подробно к этому вопросу мы вернемся ниже.

Безусловно, было бы неправильным отрицать значимость экономического, равно как и других форм сотрудничества между государствами региона. Расширение мер доверия, политического взаимодействия, торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества культурно-гуманитарных связей в рамках ШОС является одной из важных предпосылок для укрепления региональной безопасности и стабильности

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в условиях, когда в Центрально-Азиатском регионе разрастаются национальный сепаратизм, религиозный экстремизм и международный терроризм, когда они представляют прямую военную угрозу конституционному строю и территориальной целостности многих государств, отрицать важность военной составляющей в Шанхайской организации сотрудничества было бы неразумно.

Конечно, события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне и последовавшая вслед за ними контртеррористическая операция на территории Афганистана послужили дополнительным стимулом для взаимодействия в рамках ШОС по вопросам безопасности. Главы правительств организации еще на встрече в Алма-Ате 13 сентября 2001 г. дали в специальном заявлении соответствующую оценку акциям террористов и наметили скоординированные действия по борьбе с этой угрозой. Было подтверждено, что противодействие сепаратизму, экстремизму и терроризму — одна из важнейших задач Шанхайской организации сотрудничества. Выражена готовность к тесной координации действий со всеми государствами и международными организациями в целях борьбы по искоренению глобальной опасности, исходящей от международного терроризма.

Не отрицая значения продекларированных намерений, следует заметить, что сегодня этого уже явно недостаточно для эффективного противодействия современным угрозам военного характера. С одной стороны, в рамках ШОС необходимы постоянные и тесные контакты для решения основной задачи борьбы с терроризмом — лишения террористических организаций экономической, финансовой, военно-технической и идеологической подпитки. С другой стороны, назрела потребность в пресечении возможности "международного" маневра подготовленными кадрами террористов и военными инструкторами, вплоть до проведения совместными усилиями стран-членов ШОС военных операций, подобных контртеррористической операции сил международной коалиции во главе с США в Афганистане.

Практика последнего десятилетия убедительно свидетельствует, что ориентироваться при этом лишь на правоохранительные органы и спецслужбы становится недостаточным.

Сепаратисты и фундаменталисты представляют собой серьезную и долговременную военную угрозу как для США и других западных стран, так и для России, Индии, Китая и иных многонациональных государств со значительной прослойкой населения мусульманского вероисповедания. Наблюдаемые в последнее время политические цели, масштабный размах и серьезные последствия терроризма поставили разделительную грань между традиционными военными угрозами, к отражению которых готовились государства в XX веке, и новыми угрозами, с которыми им придется столкнуться в XXI столетии. Обозначилась также грань между традиционными способами и формами ведения войн и вооруженных конфликтов, присущими уходящей эпохе и совершенно иными, которые должны осваивать вооруженные силы в эпоху глобализации. Все это обуславливает необходимость серьезного, профессионального с военной точки зрения подхода к организации борьбы с угрозами воинствующего сепаратизма, экстремизма и терроризма. Следует предусмотреть возможность нейтрализации этих угроз с помощью военной силы на ранней стадии, когда носители идей сепаратизма, экстремизма и терроризма начинают создавать организованные формирования войскового типа и выступают с оружием против конституционного строя того или иного участника организации. Именно по этим причинам ШОС должна иметь возможность проводить совместные специальные операции по типу антитеррористической операции в Афганистане с участием как полицейских сил и сил специальных операций, так и вооруженных формирований регулярных вооруженных сил. Следует проработать также, в соответствии с Уставом ООН, возможность проведения ШОС всего спектра миротворческих операций: гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации вышеназванных предложений ШОС может превратиться в военно-политический союз. Им следует возразить, указав, что такой союз возникает либо тогда, когда группа государств решает совместно защищать свою территорию или какие-либо жизненно важные интересы, либо преследует агрессивные цели. При этом обозначаются границы, нарушение которых становится причиной войны, или изыскивается удобный повод для развязывания агрессии. То есть, военный союз преследует конкретные военно-политические и стратегические цели и задачи, определяет, содержит и готовит объединенные вооруженные силы для их решения. ШОС не обладает такими признаками. Ее цель — обеспечение комплексной безопасности — от экономической составляющей до военной в пределах собственных границ. Вектор ее усилий не направлен во внешнюю среду.

Можно привести в пример программу партнерства во имя мира: никто не идентифицирует подготовку и проведение миротворческих операций совместными усилиями России и НАТО (например, в Боснии) как союзнические отношения. Зато наличие и регулярная демонстрация на учениях и маневрах боевых возможностей хорошо подготовленного контингента миротворческих сил, предназначенных для действий в рамках ШОС, могли бы служить серьезным сдерживающим фактором. Не секрет, что сепаратисты, экстремисты и международные террористы для проведения операций с участием достаточно крупных формирований войскового типа ищут наиболее уязвимые места. Наличие хорошо подготовленных и обученных для совместных действий контингентов регулярных вооруженных сил лишает их надежды на успех и может стать серьезным сдерживающим фактором, тем самым внося серьезный вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности.

Основываясь на опыте функционирования международных организаций по безопасности, для эффективного и своевременного реагирования на угрожающие ситуации не обязательно иметь в ШОС некий объединенный контингент войск на постоянной основе. Силы и средства, предназначенные для проведения операций в рамках организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров или решения конкретных задач. Однако соответствующий орган управления нужно создавать заблаговременно и на постоянной основе. Для этого целесообразно было бы рассмотреть вопрос об учреждении в структуре ШОС наряду с Советом Министров обороны или начальников генеральных (Главных) штабов, **штабного комитета стран-членов ШОС**, например, на базе Регионального антитеррористического центра в Ташкенте. Этот штабной комитет может функционировать в ограниченном составе по принципу ротации руководящего состава и оперативных сотрудников.

Задачи штабного комитета: мониторинг и определение конкретных источников угроз; выработка политических, информационных, экономических, финансовых, военных и иных мер по их предупреждению и нейтрализации; разработка соответствующих планов и программ; организация совместных учений и тренировок; руководство антитеррористическими, миротворческими и иными операциями по нейтрализации угроз, в первую очередь, нетрадиционных.

Можно было бы рассмотреть и другую систему управления, базирующуюся, как и контингент миротворческих сил, на принципе "выделения, но не отделения". Этот принцип предусматривает выделение из состава органов управления национальных вооруженных сил или коалиционных органов управления (например, ОДКБ, РАТС — Региональной антитеррористической структуры и др.) части подготовленного персонала, который используется для формирования оперативного штаба, ответственного за организацию и проведение конкретной миротворческой операции. При необходимости он может наращиваться соответствующими управленческими блоками ("компоновочными модулями") от обеспечивающих систем (тыла, технического обеспечения и др.) государств-участников ШОС. Это позволит максимально использовать ресурсы уже имеющихся органов управления и, соответственно, даст значительную экономию сил, средств и времени, что в условиях "кризисного реагирования" приобретает важное значение.

Особенностью нового направления совместной военной деятельности на пространстве ШОС по сравнению с контртеррористической операцией в Афганистане является то обстоятельство, что здесь речь идет не о войне с правящим режимом, поддерживающим терроризм, а о взаимодействии с легитимным правительством той или иной страны Центральной Азии, на территории которой действуют экстремисты и террористы.

Для придания противодействию новым угрозам должной легитимности целесообразно разработать и официально принять в рамках ШОС документ (концепцию или доктрину) по региональной безопасности для Центральной Азии. Этот документ должен определить критерии и принципы мониторинга источников новых угроз, установить процедуру вынесения и исполнения соответствующих решений руководящих органов организации.

Эффективность совместной деятельности государств-членов ШОС серьезно снижается в связи с тем, что сфера их деятельности ограничивается рубежами ряда стран СНГ и Китая, не охватывая всех "горячих точек" региона, например, на стыках границ между СНГ и Афганистаном, Индией и Пакистаном.

Вопрос о расширении сферы ответственности ШОС, вплоть до ее совмещения с границами прилегающих к региону конфликтных зон, будет связан с приемом в состав организации новых членов. Реальная возможность для этого имеется. Однако к этому вопросу следует подходить осторожно и дифференцированно. В первую очередь это относится к Афганистану и Пакистану, учитывая их тесные связи с США. В случае проведения Вашингтоном деструктивной политики по отношению к ШОС это может серьезно сказаться на дееспособности организации.

С другой стороны, вступление в ШОС государств с не совпадающими интересами также скажется на ее эффективности. Поэтому процесс расширения организации должен растягиваться по времени. Уменьшению негативных моментов может послужить создание устойчивой основы из стран-учредителей, объединенных долгосрочными общими интересами и целями. Степень участия других претендентов может быть дифференцированной. Следует предусмотреть возможность того, чтобы страны-претенденты не обязательно становились участниками всех программ и мероприятий организации. Они могли бы участвовать в отдельных соглашениях и с неодинаковым статусом.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что Шанхайская организация сотрудничества может превратиться в реальный фактор региональной и мировой политики лишь при определенных условиях. В качестве основных из них можно отметить: прием в состав ШОС не только государств региона, но и прилегающих к нему стран; разработка соответствующей нормативно-правовой базы; развитие структуры ШОС и придание ей способности комплексно решать задачи по обеспечению безопасности не только мирными, но и военными средствами; налаживание эффективного взаимодействия с другими международными организациями и заинтересованными государствами.

1. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июля 1992 г.; Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Корфу, 24 июня 1994 г.; Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной. Киев, 28 мая 1997 г. и др.
2. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией. 13 ноября 1998 г.
3. Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации: Минобороны РФ, 2003. С. 63.
4. Болятко А., Клименко А. и др. Проблемы повышения эффективности работы Шанхайской организации сотрудничества: ИДВ РАН. М., 2002. С. 92.
5. Там же.

Эволюция и приоритеты деятельности Шанхайской организации сотрудничества через призму национальных интересов Кыргызской Республики

© 2005

Н. Омаров

Участие Кыргызской Республики в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), (до 2001 г. — Форум "шанхайской пятерки") прошло несколько этапов, совпадающих с основными этапами трансформации этой региональной организации нового типа, гармонично сочетающей в себе элементы классической международной организации и надгосударственного интеграционного образования с широким спектром решаемых задач.

Исходя из внутренней динамики возникновения и эволюции ШОС, представляется возможным выделить три этапа в ее развитии. Основным критерием в предлагаемой периодизации является последовательная трансформация основных направлений деятельности данной организации в 90-е гг. XX века и в начале 2000-х гг. Необходимость выработки принципиально новой периодизации деятельности ШОС вызвана использованием в предложенной ранее классификации формальных признаков, по мнению автора, неадекватно отражающих детерминированную внутренними факторами глубинную природу эволюции этой международной организации¹.

Главным содержанием первого, "подготовительного" этапа деятельности Форума "шанхайской пятерки" с сентября 1992 г. до 26 апреля 1996 г. было создание необходимых условий к его успешному функционированию. В этот период времени КНР и четыре государства (Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан) проводили двусторонние переговоры в формате "Совместная делегация — КНР" по урегулированию пограничных вопросов и обеспечению взаимных мер доверия в приграничных районах.

Для Кыргызстана их позитивное значение выразилось в том, что ему удалось достигнуть договоренности относительно четырех из пяти спорных участков на кыргызско — китайской границе, общая протяженность которой превышает 1000 км. Соответствующее соглашение было подписано 26 апреля 1996 г. в Шанхае. Затем, 4 июля 1996 г. между Кыргызской Республикой и КНР было подписано Соглашение о кыргызско-китайской границе с особым статусом участка Узенгу — Кууш, переговоры по которому планировалось продолжить в последующем.

На втором этапе (26 апреля 1996 г. — 15 июня 2001 г.) происходил постепенный переход от ограниченного к расширенному формату отношений, включающему в себя как урегулирование пограничных вопросов, так и противодействие новым угрозам безопасности и экономическое сотрудничество.

В нем, в свою очередь, представляется возможным выделить два подэтапа. В рамках первого из них (апрель 1996 г. — август 1999 г.) общими усили-

ями участников "шанхайской пятерки" удалось согласовать оставшиеся спорные участки на совместных границах и создать эффективно действующий механизм взаимных мер доверия, опирающийся на сокращение вооруженных сил в стокилометровой зоне и регулярный обмен военной информацией². Это зафиксировано в Шанхайском (26 апреля 1996 г.) и Московском (24-25 апреля 1997 г.) соглашениях. Излишне упоминать о том, какое позитивное значение это имело для Кыргызской Республики, вооруженные силы которой вплоть до настоящего времени переживают крайне сложную и болезненную трансформацию. Одновременно происходил значимый для участников соглашения переход от двусторонней ("4+1") к многосторонней формуле отношений.

Второй подэтап, начавшись в августе 1999 г., продлился до 15 июня 2001 г. Успешное решение задач первого подэтапа по стабилизации ситуации в районе совместных границ сделало возможным постепенный переход государств-участников к комплексному решению проблем безопасности с упором на противодействие международному терроризму и факторам, способствующим его распространению. Вне сомнения, роль "толчка" своего рода в этом сыграла Баткенская кампания августа-сентября 1999 г., предметно продемонстрировавшая серьезность намерений "мирового террористического интернационала" по дестабилизации ситуации внутри новых независимых государств региона.

В августе 1999 г. главами ШОС была подписана Бишкекская декларация, в которой отмечалось, что государства, входящие в Форум "шанхайской пятерки" предпримут активные практические действия по борьбе с новыми, нетрадиционными угрозами. Для этого в 1999 — 2000 гг. было предложено провести согласование конкретных мероприятий между компетентными министерствами и ведомствами. В ходе Бишкекской встречи большинством участников ШОС была поддержана инициатива делегации Кыргызстана об учреждении Региональной антитеррористической структуры (РАТС) с местом расположения в г. Бишкек.

На состоявшемся в июле 2000 г. саммите глав государств-членов ШОС в Душанбе впервые в качестве наблюдателя принял участие Президент Республики Узбекистан И. Каримов. В частности, о серьезности намерений официального Ташкента по отношению к ШОС свидетельствует то обстоятельство, что "Президент Узбекистана предпочел пятый саммит форума в Душанбе встрече с генсеком НАТО..."³. Интерес Узбекистана к участию в ШОС был связан со все более возрастающей угрозой международного терроризма и исламского радикализма. В свою очередь, страны — участники ШОС не могли проигнорировать стремление одного из наиболее крупных государств региона к полноправному включению в процесс укрепления системы региональной безопасности.

Логическим завершением второго этапа стало подписание 15 июня 2001 г. Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, переход Форума "шанхайской пятерки" к более высокому уровню взаимодействия в виде Шанхайской организации сотрудничества и ее расширение до шести участников.

Последний по времени третий этап продолжается с 15 июня 2001 г. по настоящее время. Принципиальное отличие нового этапа от предыдущих заключается в том, что Шанхайская организация сотрудничества сконцентрировала свои усилия преимущественно на противодействии новым угрозам безопасности и активизации экономического вектора своей деятельности. Это стало возможным благодаря успешному выполнению задач первых двух этапов, направленных на стабилизацию положения в районе совместных границ и выработку единых приоритетов в области международной безопасности.

События 11 сентября 2001 г. не могли не оказать корректирующего влияния на ШОС, выявив определенную противоречивость во внутренней динамике ее развития.

В первую очередь это выразилось в своего рода "ограничении" влияния и роли ШОС как одного из лидеров в сфере безопасности в Центральной Азии из-за размещения здесь иностранного воинского контингента. Данное обстоя-

тельство на некоторое время снизило позитивный потенциал и эффективность взаимодействия внутри ШОС⁴. Возникла неоднозначно трактуемая ситуация, в которой происходил стремительный рост двусторонних отношений между государствами ШОС и США на фоне определенной утраты интереса к ШОС со стороны ее участников.

Несмотря на отмеченные негативные обстоятельства, они не могли остановить процесс дальнейшего организационного и структурного оформления ШОС.

Атака международных террористов на военные и гражданские объекты в США способствовала консолидации позиции государств-участников ШОС по основным направлениям ее развития. В этой связи следует отметить наличие до 11 сентября 2001 г. определенных разночтений в видении будущего этой организации со стороны входящих в нее государств.

Кыргызстан первым призвал создать антитеррористическую структуру в ШОС. Эта позиция нашла понимание и поддержку со стороны Узбекистана и Таджикистана. Казахстан и Россия, не проявляя особого интереса к этому начинанию, предлагали сосредоточить усилия на развитии экономической составляющей ШОС⁵. В результате несмотря на то, что к этому времени в рамках ШОС уже были приняты крайне важные документы по борьбе с терроризмом (Шанхайская конвенция), «ШОС не смогла выработать эффективной, комплексной и скоординированной стратегии незамедлительных действий с учетом изменившейся ситуации. Это можно охарактеризовать как серьезный промах, допущенный после беспрецедентного террористического акта и в последующей борьбе с терроризмом»⁶.

Признавая справедливость приведенной оценки, следует отметить, что эта ситуация возникла вследствие переходного состояния ШОС и отсутствия в ней эффективно действующего организационного ядра.

Было бы несправедливо полагать, что ШОС и ее участники пассивно воспринимали происходящее. Главы государств-членов ШОС в числе первых выступили со специальным заявлением, в котором резко осудили террористические акты в США. Одновременно ими была высказана поддержка возможным действиям руководства этой страны в противодействии международному терроризму.

По инициативе глав государств-членов ШОС 11 октября 2001 г. в Бишкеке состоялось внеочередное заседание «Бишкекской группы». В специальном заявлении, принятом по итогам ее работы, высказана обеспокоенность эскалацией насилия в мировом масштабе, и определены конкретные мероприятия, направленные на противодействие проявлениям международного терроризма и экстремизма в Центральном азиатском регионе.

Большое значение для закрепления успеха антитеррористической операции в Афганистане имела внеочередная встреча министров иностранных дел стран-членов ШОС 7 января 2002 г. в Пекине⁷. Как отмечалось в совместном заявлении глав МИД, государства-члены ШОС полностью поддерживают меры, предусмотренные резолюциями Совета Безопасности ООН, и готовы помочь Афганистану, государствам региона и всему международному сообществу в обеспечении надежных гарантий того, что Афганистан больше не будет очагом распространения терроризма, сепаратизма, экстремизма и наркотиков. Особый акцент был сделан на том, что деятельность международных сил содействия безопасности должна осуществляться в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН при согласии законных властей Афганистана.

Участники ШОС поддерживают оказание международной гуманитарной помощи афганскому народу путем предоставления транспортных коридоров для поставок других стран и международных организаций⁸. Наряду с этим, высказано единодушное мнение о необходимости быстрого создания РАТС в Бишкеке и завершения процесса институционализации ШОС⁹.

Вышеприведенные данные позволяют судить о том, что события 11 сентября 2001 г. в США способствуя консолидации ШОС, одновременно стимулировали процесс ее организационного оформления.

Ярким примером тому служат решения Санкт-Петербургского (июнь 2002 года) и Ташкентского (июнь 2004 г.) саммитов глав государств-членов ШОС.

Санкт-Петербургский саммит продемонстрировал качественные изменения, происшедшие на новом этапе развития ШОС. Принятие Хартии, Устава ШОС и Соглашения о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Бишкеке ознаменовали переход к созданию постоянно действующих структур ШОС и углублению сотрудничества в противостоянии новым угрозам безопасности в Центральной Азии. Важным промежуточным событием между встречами в Санкт — Петербурге и Ташкенте стало принятие Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС (сентябрь 2003 г., Пекин).

Принятие Ташкентской декларации ШОС позволяет судить о завершении переходного этапа в институциональном строительстве ШОС и начале ее практической деятельности по реализации заявленных уставных целей. Основными пунктами Ташкентской декларации стали борьба с терроризмом, экстремизмом и наркотиками. В ней отмечается, что глобальной угрозе терроризма должна быть противопоставлена глобальная система противодействия — с ООН в качестве ее центрального ядра, которая должна опираться на региональные, субрегиональные и национальные структуры.

Главами государств было выдвинуто предложение разработать в рамках ШОС программный документ о партнерстве в противодействии современным угрозам и вызовам. Это позволит ШОС стать одним из ключевых звеньев глобальной антитеррористической коалиции. Реально действующим и координирующим центром выступит Региональная антитеррористическая структура ШОС, призванная обеспечивать активное участие стран-участниц в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Определенные опасения вызывает лишь возможность очередного изменения своих позиций со стороны отдельных участников ШОС.

Анализ характера и конкретных форм участия Кыргызской Республики в Шанхайской организации сотрудничества позволяет сделать ряд выводов, существенных для правильного понимания перспективных направлений ее деятельности в этой организации.

Шанхайская организация сотрудничества на всем протяжении ее существования рассматривается в Кыргызстане как один из наиболее значимых механизмов обеспечения региональной безопасности и стабильности. Современная обстановка выдвинула ШОС на передовую линию в противостоянии новым вызовам и угрозам, особенно международному терроризму. **Антитеррористическое направление** деятельности ШОС должно органично вписаться в общие международные усилия, еще теснее сопрягаясь с усилиями государств-членов ШОС, предпринимаемыми на национальном уровне¹⁰. Данное положение выглядит весьма актуальным и перспективным для Кыргызстана, занимающего вполне определенную позицию в противодействии международному терроризму.

Кыргызская Республика, будучи одним из наиболее последовательных сторонников дальнейшего укрепления ШОС, прилагает со своей стороны все необходимые усилия для достижения этой цели.

Конкретным подтверждением тому являются практические действия Кыргызстана, направленные на безусловное выполнение основных договоренностей, достигнутых за время существования Форума “шанхайской пятерки” и ШОС. Членство в ШОС позволило Кыргызстану, активно используя свой внешнеполитический потенциал, добиться положительного решения ряда значимых для него вопросов в сфере безопасности.

Среди них стоит отметить следующие:

1. Урегулирование по пяти спорным участкам и стабилизация военно-политической ситуации на кыргызско-китайской границе;
2. Создание правовой и институциональной базы совместного противодействия глобальным угрозам безопасности, в равной степени угрожающим государствам Центральной Азии и Кавказа;

3. Формирование выгодного для Кыргызской Республики режима многостороннего сотрудничества в политической, экономической, транспортно-коммуникационной, энергетической сферах деятельности в Центральноазиатском регионе как неотъемлемой части Центральной Евразии.

Значительные резервы для повышения позитивного потенциала участия Кыргызстана в ШОС существуют в сфере экономической дипломатии. Особый интерес представляет реализация проектов в таких отраслях экономического сотрудничества как энергетика, транспорт, связь, экология, банковская сфера.

Именно через призму подобного подхода формировалась позиция делегации Кыргызстана на прошедшем 23 сентября 2004 г. в Бишкеке заседании Совета глав правительств стран-членов ШОС. В ходе данного заседания были подведены некоторые итоги экономического сотрудничества в ШОС и определены конкретные мероприятия по его углублению и интенсификации. В частности, среди приоритетов многостороннего экономического сотрудничества определены развитие телекоммуникаций, строительство ГЭС и новых транспортных коммуникаций, разработка нефтяных месторождений и унификация таможенного сотрудничества. По результатам встречи был принят Комплекс мер по реализации программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, одобренной в Пекине¹.

Органичное соединение в Шанхайской организации сотрудничества широкого спектра задач безопасности, включая противодействие терроризму, и содействия экономическому росту государств-участников, позволяет судить о тенденции ее стабильного роста и усиления значимости в евразийском геополитическом и геоэкономическом пространстве. Это обусловлено тем, что ШОС представляет собой принципиально новый тип международной организации, деятельность которой направлена на практическую реализацию принципов кооперативной безопасности, адекватных современному, расширенному пониманию проблематики международной безопасности.

Исходя из подобного понимания, членство в ШОС представляет для Кыргызской Республики первостепенную значимость как один из наиболее очевидных приоритетов ее внешней политики.

1. Ся Ишань. Механизм "Шанхайской пятерки" и стратегическое взаимодействие Китая и России//Китай в мировой политике/Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2001. С. 336-341.
2. Ся Ишань. Указ. соч., С. 338-339; Трофимов Д. Шанхайский процесс — от "пятерки" к "организации сотрудничества": итоги 1990-х, проблемы и перспективы развития//Центральная Азия и Кавказ. № 2. 2002. С. 100-102; Trofimov D. Arms Control in Central Asia//Armament and Disarmament in the Caucasus and Central Asia/SIPRI. Stockholm, July 2003. P. 47-56.
3. Боришполец К.П. Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений //Восток /Запад Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений /Под ред. А.Д. Воскресенского. М.:РОССПЭН, 2002. С. 199.
4. Пан Гуан. Шанхайская Организация Сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании//Центральная Азия и Кавказ. № 3(27). 2003. С. 58.
5. Пан Гуан. Указ. соч. С. 56-57.
6. Там же. С. 57.
7. Главы внешнеполитических ведомств стран ШОС приняли совместное заявление — КНИА Кабар. 8 января 2002 — [Error! Bookmark not defined.](#)
8. Главы внешнеполитических ведомств стран ШОС приняли совместное заявление — КНИА Кабар. 8 января 2002 — <http://www//Kabar.Kg>.
9. Процесс создания основных организационных структур ШОС будет ускорен. — КНИА Кабар. 8 января 2002 — <http://www, Kabar. Kg>
10. Выступление Президента Кыргызской Республики А.А.Акаева на заседании Совета Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 17 июня 2004 г.- <http://www. President. Kg/press/appearance/1077>
11. Встреча глав правительств ШОС в Бишкеке 23 сентября 2004 г.— КНИА Кабар — www.kabar.kg

К вопросу об исторических судьбах социализма в странах Азии

© 2005

Г. Яскина

Краткое введение

К настоящему времени социализм (коммунизм)¹ в силу фундаментальных исторических перемен фактически трансформировался в синоним несоместимого с демократией репрессивного режима, подавляющего инициативу, идеологический капкан, в который искусственным образом загонялось массовое сознание, и, в итоге, отождествляется со сталинской моделью социализма. Распад СССР окончательно способствовал определенному смещению понятия "социализма" как теории, утверждающей возможность построения идеального общества всеобщего благосостояния и полной духовной свободы человека, с провалившейся политикой реализации ее на практике в ряде государств. Между тем, если социализм как система, претендующая на универсальность, похуже, себя изжил, то это не значит, что он уже окончательно ушел с исторической арены. Действительно, история свидетельствует, что идеи, владеющие или когда-либо владевшие массовым сознанием, не умирают, они часто возрождаются и продолжают развиваться. В современном мире социализм существует в симбиозе с демократией (социал-демократизм²), в практической деятельности социал-демократических партий — пусть социалистические идеи и не представлены в них в своей ортодоксальной форме. После событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине (1989 г.) социализм в Европе и в Азии пошел разными курсами. Компартия в России теперь замкнута на ее территории. Все коммунистические режимы в Восточной Европе, основанные Сталиным после Второй мировой войны, прекратили свое существование. По контрасту — режимы, созданные Мао Цзэдуном, Хо Ши Мином, Ким Ир Сенем, Суфанувонгом и Фиделем Кастро устояли до сих пор. Численность компартий в этих странах превышает миллиард человек. В результате в современном мире продолжают существовать и развиваться несколько государств, официально именующихся социалистическими и ставящих перед своими народами стратегические цели построения социалистического общества. Это — Китайская Народная Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Кореяская Народно-Демократическая Республика и Республика Куба³. Первые четыре из этой пятерки территориально расположены в Восточной Азии⁴. Следует отметить также, что в ряде других азиатских стран, ориентированных на создание социализма, произошла смена модели развития, включая политические системы и социально-экономические

структуры. Это — Мьянма (бывшая Социалистическая Республика Бирманский Союз), Афганистан (бывшая Демократическая Республика Афганистан) и Монголия (бывшая Монгольская Народная Республика). В первых двух дорогах социализму преградила внутренняя реакция, в третьей — произошла либерально-демократическая революция (1990 г.), после которой Монголия встала на путь демократических преобразований.

Итак, то обстоятельство, что четыре социалистических государства, официально ставящие перед своими народами задачу строительства социализма, территориально расположены в Азии, превращает этот континент в достаточно обширное геополитическое пространство, в пределах которого продолжается сосуществование и сотрудничество стран социализма с другими государствами. Данный факт придает современному геополитическому положению Азии историческую уникальность и ставит перед наукой целый ряд фундаментальных вопросов⁵. Среди них наиболее актуальными на сегодняшний день, очевидно, остаются следующие: в каком направлении эволюционируют социалистические режимы и социально-экономические системы, на которые они опираются; какие черты приобретает современная теория социализма под влиянием практики модернизации, то есть перехода традиционного общества к современному индустриальному и далее — постиндустриальному.

Ответ на эти вопросы, даже в самом первом приближении, представляется чрезвычайно важным, особенно с учетом потребности в уточнении сущности общих закономерностей глобального развития мирового сообщества в новом столетии. Тем более, что от пути развития социалистических стран Азии, очевидно, во многом будет зависеть политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, соответственно, азиатская политика России.

Изучение социалистической проблематики на примере стран Азии после распада мировой социалистической системы уже ведется. С разных позиций их опыт рассматривается в отдельных работах ученых России, Запада и Востока⁶. Появление таких трудов, несмотря на их дискуссионный, в основном, характер, облегчает понимание проблем развития социализма в мире в целом, и, что не менее важно — направлений общественного развития в целом. Автор данной статьи, естественно, не берет на все вопросы, связанные с проблемами социализма в Азии, ставя перед собой более узкую и прагматичную задачу — еще раз подчеркнуть необходимость более глубокого и комплексного изучения эволюции социализма на примерах четырех стран Азии, попытаться сформулировать причины, предотвратившие там распад социалистических режимов, а также в самом общем виде высказать собственное мнение о направлении, в котором эволюционирует современный социализм в этой части света⁷.

Говоря о причинах, отметим, что при всем значении внешнего фактора сохранение курса на социализм в странах Азии было обусловлено внутренними факторами: в первую очередь силой и авторитетом правящих коммунистических партий, выражающих национальные интересы своих стран и в сложившихся условиях фактически не имевших политической оппозиции в форме сколько-нибудь значительного организованного демократического движения. Эти страны долгое время были изолированы от широкого общения с внешним миром, что ограждало их население от влияния несоциалистической идеологии.

Еще одна причина состоит в том, что азиатские страны социализма признают необходимость длительного перехода к социализму и не препятствуют созданию и развитию рыночной экономики. Это открывает им возможность эффективно мобилизовать внутренние ресурсы и органично вписаться в процесс глобализации мира. Развитие экономик КНР, СРВ, ЛНДР, если судить по динамике их ВВП, происходит высокими темпами. За период с 1995 по

2001 г. ВВП вырос во Вьетнаме (население — 79,18 млн чел.) на 49,5 в Лаосе (население — 5,4 млн чел.) — на 42,5, в Китае (население — 1 млрд 285 млн чел.) — 48,7%. В одном только 2003 г. китайский ВВП увеличился на 9,1%. В Северной Корее (население, по данным 1992 г., — около 22 млн чел.) отрицательные темпы роста ВВП в 1999 г. сменились медленным, хотя и далеко неустойчивым ростом: 1999 г. — 6,2; 2000 г. — 1,3; 2001 г. — 3,7; 2002 — 1,2%¹⁰. В КНР, СРВ, ЛНДР и КНДР социалистическая теория постепенно подвергается обновлению, однако цель развития остается неизменной — правящие партии этих государств утверждают, что они строят социалистическое общество. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было заявлено, что миссия, возлагаемая на партию историей и эпохой, заключается в том, чтобы “осуществить великое возрождение китайской нации на пути социализма с китайской спецификой”¹¹. В своих последних решениях руководство Коммунистической партии Вьетнама и Народное собрание СРВ (высший законодательный орган республики) вновь подтвердили курс на строительство социализма. В конце 2001 г. в действующую Конституцию СРВ был внесен целый ряд добавлений и поправок, большинство из которых призвано отразить реалии “социалистически ориентированной рыночной экономики Вьетнама”¹². В целом обновленный текст Конституции определяет Вьетнам как “управляемое законом социалистическое государство”¹³.

В Лаосе перспективу развития страны также связывают с социалистической доктриной. На VII съезде ЛНРП (правящая Лаосская народно-революционная партия) в марте 2001 г. вновь было заявлено о социалистической ориентации страны и готовности партии следовать принципам марксизма-ленинизма¹⁴. С проблемами строительства социализма связаны дополнения, внесенные в 2003 г. в текст действующей Конституции ЛНДР 1991 г.

Трансформация экономических основ социализма

Строительство социалистической экономики в странах Азии происходило в замкнутом международном пространстве, ориентировалось на помощь других социалистических стран, при этом копировались многие черты советского опыта и часто игнорировались собственные реальные условия.

Дезинтеграция СССР, последовавший за ней тяжелый экономический кризис в России вызвали прекращение советской внешней помощи Монголии, Северной Корее, Лаосу, Вьетнаму и многим другим развивающимся странам. Руководство новой России как правопреемника СССР поставило перед ними вопрос о расплате по финансовой задолженности перед бывшим Советским Союзом. В данных обстоятельствах социалистические страны Азии ускорили поиск новых путей экономической модернизации, избегая при этом “шоковой терапии”. Они сохранили построение социализма как стратегическую задачу на перспективу, но обосновали необходимость выбора собственных форм и методов социалистического строительства, подчинив их логике создания рыночной экономики. Это стало одной из главных причин, вызвавших к жизни новые подходы в экономической политике¹⁵. Соответственно был инициирован поиск ответа на вопрос, каким образом приспособить социалистическую теорию к экономическим реалиям на первоначальном этапе строительства социализма, то есть сохранить общественную собственность как базовую основу социализма, используя потенциальные возможности других, несоциалистических форм собственности. В экстремальных условиях разрухи и нищеты, закономерным, по-видимому, было возвышение правящими коммунистическими партиями базового принципа организации основ социализма, известного требования создания общественной собственности на основные средства производства.

Общественная собственность создавалась не только путем экспроприации частной собственности, но и в процессе форсированной социалистической индустриализации, призванной обеспечить научно-технический прогресс и рост производства, и в ходе социалистического кооперирования крестьянства с целью роста сельского хозяйства, преодоления нищеты и бедности.

Первым социалистическим государством, признавшим необходимость радикальных рыночных преобразований для вывода страны из экономического и политического тупика, созданного в последние годы жизни Мао Цзэдуна, стал Китай. Огромные масштабы аграрной экономики, неудачный опыт создания деревенских коммун, крайне низкий жизненный уровень крестьянства продиктовали новому китайскому руководству необходимость отказа от еще какой-либо попытки форсированного строительства социализма в сельской сфере. Китайскому крестьянину было разрешено проявлять частную инициативу, он получил возможность активно участвовать в формировании рыночной экономики. Другим источником подъема производительных сил должна была стать реформа государственного сектора, основанного исключительно на собственности государства. В КНР основной формой преобразования государственной собственности в более эффективную форму стало акционирование предприятий, то есть фактическое преобразование государственной собственности в кооперативную.

В целом радикальные меры типа скоростной российской приватизации оказались неприемлемыми в социалистических странах Азии, где компартии прочно удерживали власть в своих руках. Здесь требовалось найти новый подход, что первыми и сделали китайцы, выдвинув тезис о различных формах реализации общественной собственности. При всей видимой простоте этой формулировки она дает партии огромный выигрыш: избавляет ее от необходимости признавать отступление от марксизма и одновременно преобразовывать государственную экономику на рыночных началах. Таким образом, речь в Китае идет не только о превращении государственной собственности в один из элементов новой экономической структуры народного хозяйства, но и о новых, рыночных формах ее использования. В Конституции КНР за общественной собственностью по-прежнему признается ведущая роль.

Поправки к Конституции 1982 г., принятые 15 марта 1999 г. 2-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва, узаконили такие важные положения как роль частного сектора в социалистической экономике, задачу создания социалистического правового государства. Они подтвердили признание партией длительной продолжительности начального этапа построения социализма с китайской спецификой и провозгласили ведущую роль теории Дэн Сяопина в общественной идеологии. Первый решительный шаг по пути придания частной собственности законного правового статуса также сделан Китаем. В марте 2004 г. 2-я сессия ВСНП внесла положение в ныне действующую Конституцию КНР 1982 г. о защите частной собственности. На сессии было установлено, что в Китае «все отчетливее будет выявляться важная роль индивидуального частного сектора как составной части социалистической рыночной экономики»¹⁶. Сделанная в связи с этим поправка в Конституции гласит: «государство защищает законные права и интересы негосударственного сектора экономики, включая индивидуальный и частный секторы..., поощряет и поддерживает развитие негосударственного сектора экономики, одновременно осуществляя контроль и управление над ним»¹⁷.

Китайское руководство считает, что эти дополнения соответствуют духу XVI съезда КПК и отвечают объективным требованиям развития производительных сил Китая.

В СРВ до IX съезда Коммунистической партии Вьетнама (апрель 2001 г.) экономика официально определялась как многосекторная товарная экономика, управляемая рыночным механизмом под руководством государства в соответствии с линией на строительство социализма. В политическом докладе IX съезду экономика определена как "социалистически ориентированная рыночная экономика"¹⁸. В конце 2001 г. Национальное собрание внесло соответствующие дополнения в Конституцию СРВ 1992 года. Съезд признал неэффективность государственной собственности и выдвинул в качестве ведущей задачи экономической реформы преобразование государственного сектора. На третьем пленуме ЦК КПВ в августе 2001 г. было установлено, что государственные предприятия "должны служить инструментом в руках государства, для того чтобы регулировать экономику, обеспечить продвижение страны по социалистическому пути и утвердить политическую, экономическую и социальную стабильность"¹⁹. Задаче в области реформы госсектора был придан политический характер, напрямую связывающий ее с социальной и экономической стабильностью в стране. Однако преобразование государственной собственности в акционерную во Вьетнаме происходит медленно. Во многом это объясняется недостатком опыта акционерных предприятий, а также разногласиями во вьетнамском руководстве: одни настаивают на сохранении государственного контроля над экономикой, а другие требуют предоставить полный контроль рыночным силам.

В ЛНДР экономические основы социализма в двух формах общественной собственности — государственной и кооперативной закладывались, как и в других социалистических странах, посредством проведения социалистической индустриализации с целью создания тяжелой промышленности и кооперированием крестьянства. Создание кооперативной собственности в деревне происходило согласно закону о "Временных регуляторах", которым устанавливалось, что "сельскохозяйственный кооператив является социалистической коллективной экономической организацией, созданной трудовыми фермерами разных национальностей по их собственной воле под руководством ЛНДРП и по совету и помощи государства"²⁰.

Создание кооперативов рассматривалось как наилучший способ модернизации сельского хозяйства в период перехода к социализму, минуя капитализм. Все руководящие органы получили инструкцию — использовать все свои организационные возможности и "поддержать движение крестьянства к коллективизации"²¹.

Государственный сектор создавался путем национализации банков и малочисленных крупных предприятий, а также путем строительства новых промышленных объектов в городе и государственных хозяйств — в деревне.

Помимо социалистического уклада, в стране признавалось существование и других укладов — госкапиталистического, частного и натурального. Но существование их считалось временным: IV съезд НРПЛ (1986 г.) указал, что на определенном уровне развития производительных сил несоциалистический уклад "должен быть преобразован в социалистический" как единственный экономический уклад, представленный государственной и кооперативной формами собственности²². Серьезные социально-экономические трудности, с которыми руководство Лаоса столкнулось в середине 1980-х гг.²³, сделали неизбежными поддержку всех народнохозяйственных секторов и переход, начиная с 1986 г. к политике обновления. Соответственно создание экономических основ социализма в Лаосе было отсрочено: приостановлена форсированная коллективизация крестьянства, на более отдаленный период отнесена социалистическая индустриализация. В настоящее время экономическая система ЛНДР "представляет собой многоукладное хозяйство, направленное на расширение

производства, увеличение товарооборота, превращение натурального хозяйства в товарное, укрепление материальной базы страны, постоянное повышение уровня материальной и духовной жизни народа”²⁴.

С момента раздела Корейского полуострова в КНДР в отношении всех средств производства, включая землю, а также средние и мелкие предприятия, проводилась политика трех этапов: “использование — ограничение — изменение”. Социалистическая собственность в КНДР представлена двумя видами — государственная и общественно-кооперативная. В статье 21-й Социалистической Конституции КНДР (дополнена 5 сентября 1998 г. на первом заседании ВНС КНДР 10-го созыва) подтверждено, что все природные богатства, железные дороги, авиация, транспорт, связь, ключевые заводы и предприятия, порты, банки и другие объекты могут быть только государственной собственностью.

Что касается общественно-кооперативной собственности в аграрном секторе, то в стране ее рассматривают как несовершенную форму коллективной собственности, возникающей в период перехода от капитализма к социализму. По заявлению руководства КНДР, “она формируется в процессе объединения под руководством и при содействии партии всех средств производства крестьян и ремесленников, средних и малых предприятий”²⁵. Эта форма является незрелой и подлежит превращению в государственную собственность. Однако можно утверждать, что эти две формы собственности имеют различия лишь по степени обобществления. Фактически они относятся к одной форме собственности — государственной. Раньше признавалось два собственника — государство и кооперативные организации. С внесением поправок в Конституцию в сентябре 1998 г. ими стали общественные организации — молодежный союз, союз трудящихся сельского хозяйства и женский союз (статья 20-я Социалистической конституции КНДР). Эти новые элементы в экономической политике страны, а также курс на большую открытость внешнему миру свидетельствуют о том, что в Северной Корее тоже проводятся рыночные реформы, но в рамках социалистического выбора. С июля 2002 г. руководство КНДР объявило о введении в свою централизованную экономику элементов рынка (так называемая кампания “1-е июля”). Важно отметить, что в КНДР признают в последнее время наличие частной собственности, однако рамки ее строго ограничены. Некоторые ученые считают, что по существу ее можно назвать личной собственностью²⁶. В целом реформирование привело к изменениям в планово-распределительной системе народного хозяйства, постепенной модернизации производства при участии предпринимательского иностранного капитала. Однако по вопросу о хозяйственной реформе в КНДР есть и другие мнения. Отдельные исследователи считают, что посещение России и Китая руководством КНДР в 2001-2002 гг. способствовало формированию северокорейской концепции реформы, основу которой составляет частичный отказ от монополии государственной планово-распределительной системы и переход на рыночные принципы ценообразования и оплаты труда”²⁷. Другие полагают, что реформа в стране не ведется вообще. Тем не менее, игнорировать перемены, происходящие в северокорейской экономике, не следует. Другое дело, что ведутся они медленно. Во многом это объясняется тем, что главной задачей северокорейского руководства остается укрепление обороноспособности государства. Военный бюджет поглощает примерно 15% северокорейского ВВП (по другим данным — до 50%). Встречаются утверждения, что на военно-промышленный комплекс и содержание армии работает около 70-80% северокорейской экономики²⁸.

Таким образом, как показывает опыт развития экономики в социалистических странах Азии на первоначальном этапе строительства социализма, общепризнанным является использование потенциала всех форм собственности

(при этом преобразованию подвергается государственный сектор) признание значения негосударственных секторов. Практически это означает, что все хозяйственные сектора получают право участвовать в развитии рыночной экономики и конкурировать между собой. Результаты реформирования государственной собственности и основанного на ней госсектора национальных экономик имеют общие и отличные черты. К общим чертам относится устойчивая тенденция к значительной трансформации государственной собственности в коллективную, акционерную, и участие их в утверждении многоукладной экономики. Тем не менее, довольно часто за основной критерий степени продвижения стран к рыночной экономике принимаются масштабы приватизации государственного сектора. Такой подход, вполне укладывающийся в понимание прогрессивности социальной структуры национальных экономик, ориентирующихся на развитие частных секторов, однако, еще не отвечает на вопрос о том, за счет чего и каким образом должны быть модернизированы производительные силы общества в целом. Исследование взаимосвязи между этими двумя задачами на материалах четырех стран, приводит к выводу о том, что для модернизации производительных сил не менее важными условиями, чем приватизация являются уровень инвестиций в основной капитал и повышение экономической эффективности производства за счет новых технологий и передовой техники. О плюсах и минусах инвестиционной политики свидетельствует практика привлечения иностранных капиталов в Китай, которая обеспечила высокие темпы роста ВВП, но и привела в начале 2000-х гг. к перегреву экономики, темпы роста которой в первом квартале 2004 г. составили 9,8%²⁹. Это указывает, что роль государства в регулировании макроэкономических параметров экономики в период становления рыночных отношений, очевидно, должна выступать на первый план.

Об эволюции характера политической власти

Общей особенностью модернизации общества в большинстве социалистических стран Азии стала высокая динамика экономических реформ по сравнению с политическими реформами. Преобразование национальных экономик на рыночных началах, возникшее под воздействием основных тенденций развития мирового сообщества и собственных внутренних потребностей, стало решающим фактором, способствующим политическим реформам в странах социализма.

Существующие политические системы в рассматриваемых странах Азии видоизменяются чрезвычайно медленно. Но накопление изменений в экономике, способствующих либерализации идеологии, отдельные попытки смягчить ситуацию в области прав человека, расширить сферу компетенции выборных органов на местах и т.п., могут в перспективе стать одной из реальных предпосылок ускорения эволюции этих систем в сторону демократии. Рыночные системы неизбежно ведут к возникновению новой социальной структуры общества, каждый из слоев которой отстаивает свои собственные интересы, и правящие коммунистические партии будут вынуждены учитывать их.

Политическая система КНР, авторитарного республиканского государства, типична для всех стран социализма с их авторитарными политическими режимами, руководимыми коммунистическими партиями. Однако чем глубже рыночные преобразования, тем настоятельнее выступает потребность в реформировании самой системы политической власти. Это особенно ярко демонстрирует практика Китая. Его руководство, разрабатывая курс на рыночные реформы, предусматривало проведение и политической реформы, которая отошла на задний план после событий 1989 г. в Пекине, сигнализировавших об опасности нарушить стабильность в обществе, поколебать монополию КПК на власть.

В настоящее время внимание к политической реформе заметно возросло. XVI съезд КПК расценил политическую реформу как важный фактор поддержания внутренней стабильности. Действительно, в ходе экономической реформы в стране возникает ряд противоречий, бросающих вызов политической системе китайского общества. К ним, прежде всего, относятся:

- Огромная численность населения. Если немногим более одного миллиарда человек проживает почти в пятидесяти странах Европы и Латинской Америки, то такая численность сконцентрирована в одном только Китае.

- Преобладание в нем крестьянства с низким уровнем грамотности, что не позволяет говорить о его способности правильно использовать демократические права и нести при этом соответствующую ответственность.

- Ряды КПК слабо пополняются рабочими с новых частных предприятиях. Таким образом, КПК рискует утратить контроль над частным сектором в целом, тем более что на местах большое влияние имеют кланы, образованные по принципу родственных или корпоративных связей, они конкурируют в борьбе за власть с местными органами управления. Это в известной мере угрожает потерей партийного контроля над наиболее динамичными секторами экономики.

- Вступление КНР в ВТО означает появление еще одного мощного канала западного влияния на население Китая, в первую очередь, на его молодежь. Оградить ее от этого влияния дисциплинарными методами будет все труднее. Им будут противостоять рост численности китайских студентов в учебных заведениях западных стран, проведение в Китае Всемирной олимпиады, разного рода международных фестивалей, Интернет, число пользователей которым в стране быстро растет. Не исключено также, что в стране легализируется движение за права человека, так как Китай стал официальным участником целого ряда международных соглашений по политическим и гражданским правам человека. В КНР уже появились высказывания о том, что социалистическая демократия должна сочетать коллективные права и индивидуальные права.

Следовательно, в Китае возникает противоречие между рыночной экономикой и политической системой. Руководство КПК появление этого противоречия осознает и стремится не доводить его до обострения, принимая меры по либерализации политической жизни страны, но в таком направлении, чтобы сама политическая система оставалась стабильной. Большую роль в сплочении китайского общества продолжает играть национальная идея превращения Китая в могучее и процветающее государство, признаки которого уже налицо.

Эволюция социалистической политической системы в СРВ и ЛНДР происходит, примерно, по китайскому сценарию, ориентирующему, прежде всего, на реформирование внутрипартийной жизни, но с отдельными особенностями: во Вьетнаме — медленнее, чем в Китае, в Лаосе — медленнее, чем во Вьетнаме.

Политической системе СРВ присуща авторитарность верховной власти. Решающая роль в политической системе государства принадлежит КПВ, IV съезд которой определил курс на строительство социализма в масштабах объединенного государства. В Конституции СРВ за коммунистической партией закреплена роль руководящей силы государства и общества. Сейчас Коммунистическая партия Вьетнама особое внимание уделяет поддержанию стабильности в стране, считая ключом к решению проблемы в дальнейшем укрепление своих позиций в обществе. В 2001 г. подготовка к IX съезду партии велась в условиях нарастания разногласий в политическом истеблишменте, вызванных массовыми демонстрациями протеста (около пяти тысяч человек) этнических меньшинств в 3-х центральных провинциях Вьетнама против коррупции в

партийных и государственных органах³⁰. Делегаты съезда осудили рост в партии коррупции, nepoтизма и пр., что стало серьезно угрожать ее авторитету среди населения.

IX съезд КПВ выдвинул две основные задачи: установление политической стабильности и продолжение экономической реформы. Он провел ротацию партийных кадров, значительно обновил руководящий состав КВП и внес изменения в структуру Центрального комитета: упразднил Постоянный комитет Политбюро, заменив его Секретариатом. Это было расценено как углубление демократизации партии.

Новое партийное руководство приняло курс на укрепление роли партийных комитетов в государственных органах, приоритетными были названы их функции в следующих сферах: руководство страной, экономическое развитие, партийное строительство, реформа государственных предприятий, улучшение положения этнических меньшинств, законодательная реформа.

В ЛНДР, как и в других социалистических странах Азии, существует однопартийная политическая система с характерным сращиванием государства и партии. Являясь демократической республикой, Лаос, несмотря на демократический характер своей конституции (1991 г.), по сути дела представляет собой авторитарное государство, в котором сохраняется фактическая монополия НРПЛ на власть. Развитие экономических свобод во многом ограничивается авторитарными методами правления. Тем не менее, НРПЛ стала инициатором рыночных реформ в стране. В 1986 г. IV съезд коммунистов Лаоса выдвинул довольно амбициозную программу рыночных реформ под названием "Новый экономический механизм", в 1991 г., V съезд призвал страну ускорить экономическую реформу.

Заметное устранение государства от руководства реформой привело к тому, что в 1996 г. на VI съезде пришлось признать, что контроль над ходом реформ со стороны партии может быть утрачен. Для этого были веские основания: в 1999-2002 гг. перед президентским дворцом во Вьентьяне проходили массовые демонстрации с требованием демократических свобод и прав человека³¹.

Политическая система ЛНДР в своем развитии испытывает значительное влияние извне. VII съезду НРПЛ (2001г.), последнему на сегодняшний день, предшествовали широкие дискуссии в партии, которые, по неофициальным источникам, проходили между старой, "провьетнамской гвардией" и молодыми фракционерами, ориентирующимися на Китай. Однако влияние Вьетнама пока преобладает, и съезд дал этому подтверждение — главный сторонник новой фракции в правительстве министр иностранных дел не был избран в состав Политбюро³². Новые же члены Политбюро имеют тесные связи с Вьетнамом, где они получили образование. С 2001 г. влияние Вьетнама в Лаосе усилилось, ранее оно проявлялось прежде всего в политике и в военной сфере, теперь оно распространяется на образование, юстицию, профсоюзы, банковское дело и торговлю, сельское хозяйство, транспорт и другую инфраструктуру. Но в целом объем внешнеэкономических связей Лаоса и Вьетнама все еще не велик, ограничены и масштабы экономической и гуманитарной помощи, которую СРВ оказывает ЛНДР, так как сама является реципиентом иностранной помощи. Китай же, наряду с США и Японией, является одним из самых солидных инвесторов Лаоса, что, безусловно, очень важно для него в виду многих проблем в лаосской экономике.

Эволюция политической структуры КНДР происходит под решающим воздействием внешней обстановки на Корейском полуострове и внешней политики держав в этой части мира, что не может не отражаться на характере этой эволюции. Так, из политической структуры КНДР ныне конституционным

путем исключен институт президентства, вся полнота политической власти сконцентрирована в руках Государственного комитета обороны, возглавляемого преемником Ким Ир Сена — Ким Чен Иром. Комитет выполняет важнейшие политические, военные и экономические функции, хотя официально возглавляет государство Президиум Верховного народного собрания. Процесс военизации является, на наш взгляд, закономерной реакцией на экстремальную обстановку, в которой оказалась страна на сегодняшний день.

Но есть и другие мнения, в частности о том, что Северная Корея давно уже находится на стадии окостенелости, которая, скорее всего, исключает любые перемены", и что в стране существует политическая система "вождизма, национализма и казарменного коммунизма". В самом северокорейском государстве, очевидно, так не считают. В случае изменения ситуации на Корейском полуострове в лучшую сторону, особенно если произойдет объединение Северной и Южной Кореи, КНДР готова пойти на ослабление репрессивной стороны существующего режима. Об этом свидетельствуют конкретные пункты из Программы по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов³³ (утверждена Верховным народным собранием КНДР в апреле 1993 г.).

Кроме того, представители северокорейского правительства высказываются о готовности руководства освободить страну от бремени военизации, если Соединенные Штаты откажутся от попыток свержения северокорейского режима под прикрытием задачи заставить КНДР отказаться от ядерной программы³⁴.

Очень немного известно о внутривнутрипартийной жизни Трудовой партии Кореи, но, скорее всего, там продолжается искусственное сдерживание развития внутривнутрипартийной демократии, хотя некоторые признаки обновления политической системы КНДР все-таки наблюдаются. Они проявляются, например, в том, что северокорейское руководство сейчас стремится проводить более открытую внешнюю политику. Об этом свидетельствуют попытки привлечь иностранный капитал (до настоящего времени годовой объем иностранных капиталов, поступающих в Северную Корею, вряд ли превышает 100 млн долл.), создать для этого необходимую правовую базу. В стране действует ряд законов, обеспечивающих иностранным инвесторам благоприятные условия для организации бизнеса на ее территории. В Северной Корее действуют также Закон об инвестициях иностранцев и Закон об иностранных предприятиях. В 1998 г. были принят новый закон — О внешней торговле, а в новой редакции Конституции КНДР (сентябрь 1998 г.) указывалось, что в свободных экономических зонах будет поощряться свободная предпринимательская деятельность. Следует назвать также принятый в 2001 г. Закон о торговле, разрешающий северокорейским государственным компаниям создавать в отдельных районах страны совместные с иностранными инвесторами проекты. Отечественные хозяйствующие объекты получили возможность командировать за рубеж своих представителей для обучения новым технологиям³⁵. Любые послабления в доктрине чучхе (это идеи, базирующиеся на философском принципе, "гласящем, что человек — хозяин всего, что он решает все"³⁶) будут способствовать расшатыванию идеологических основ существующего политического режима Ким Чен Ира. Как считает один из представителей южнокорейских научных кругов, конец этого режима связан с переходом к открытости и реформам в КНДР³⁷.

Вполне вероятно, что серьезная экономическая ситуация, вынуждающая Северную Корею принимать донорскую помощь со стороны мирового сообщества, приведет ее к пониманию необходимости более радикальных реформ. Возможно, КНДР в чем-то последует примеру Китая. Во всяком случае,

сейчас Северная Корея стремится преодолеть экономической изоляцию, руководствуясь установкой на создание сильного, экономически развитого государства (Ким Чен Ир: "Курс нашей партии — развивать нашу экономику на уровне мировых стандартов"³⁸), имеющего широкие международные связи. Последние, несомненно, сделают северокорейское общество доступным внешнему влиянию. Таким образом, отдельные перемены во внешней политике КНДР еще раз подтверждают, что в целом модернизация и изоляция — явления взаимоисключающие.

Краткие итоги.

Изменения во внутренней и внешней политике правящих коммунистических партий есть результат глубокого осознания ими новых условий и соответственно — необходимости новых форм модернизации, признания того факта, что их страны постепенно, но неизбежно втягиваются в процесс глобализации всех аспектов жизни мирового сообщества. Вместе с тем, характер движения социалистических стран Азии в общем направлении весьма своеобразен, он в значительной степени определяется прошлой историей, менталитетом населения, особенностями политической культуры, в том числе и сохранением авторитарных традиций политической власти. В том же ряду находится и неготовность основной массы аграрного населения этих стран, где оно составляет большинство, к восприятию, защите и продвижению демократических идей в их западной интерпретации. В этих странах продолжается расслоение общества, медленно решаются такие острые социально-экономические и политические проблемы как нищета и бедность, неравномерность развития отдельных районов, отсталость территорий, населенных национальными меньшинствами, и т.д. Там формируется новый прогрессивный класс современных предпринимателей, заявляющий о своем праве принимать участие в политической жизни своих стран, влиять на ее развитие. Поэтому есть веские основания считать, что эволюция социализма в странах Азии ведет к формированию новой разновидности восточного общества с собственным пониманием демократических ценностей, с выдвиганием на первый план политической и экономической стабильности, с общим представлением о цели социально-экономического развития: создание мощного процветающего государства с высоким авторитетом на мировой арене. Рыночные преобразования в Китае, Вьетнаме и Лаосе (в силу малых масштабов, в значительно меньшей степени — в Северной Корее) показывают, что социалистический экономический строй этих государств подвергается системным изменениям, которые не соответствуют марксистскому пониманию экономических основ социализма. Построение социализма как цель остается, но методы и пути его достижения кардинально меняются. Монополия государственной собственности подвергается активной эрозии, чего не могут скрыть попытки представить, например, акционерную собственность как форму ее реализации. Таким образом, цель остается и по своей социальной направленности получает поддержку населения, но методы достижения цели меняются радикальным образом. В результате политика в странах социализма направлена на создание экономической системы, схожей с той, которая создана в странах с развитой рыночной экономикой и обеспечивает их процветание, национальную безопасность и высокий жизненный уровень населения. Но такая система, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, пока не стала всеобъемлющей. Мелкотоварное производство в деревне продолжает демонстрировать свою неустойчивость, несмотря на то, что метод семейного подрыда принес первый успех рыночной реформе в социалистических странах Азии. Оказалось, что признания частной собственности, развязывающей трудовую инициативу, еще недостаточно для длительного стабильного экономиче-

ского роста, который требует новых технологий, передовой техники и увеличения материальных ресурсов³⁹.

Что касается политической системы, то авторитаризм не является исключительной прерогативой социалистического государства, он существует во многих странах с разными социально-экономическими системами. Но нежелание азиатских стран социализма расставаться с социалистической риторикой — отнюдь не только политический прием. За ним, безусловно, скрывается задача — защитить авторитет правящих коммунистических партий, на протяжении многих лет пропагандирующих социализм. Тем более, что за этим авторитетом действительно стоят отвечающие реальному положению вещей крупные теоретические обобщения, вытекающие из опыта модернизации экономики и отдельных политических реформ.

И, наконец, далеко неслучайно социализм выжил в рассматриваемых странах Азии. Сохранение социалистической ориентации рядом стран Азии свидетельствует: эволюционный, поэтапный путь смены модели развития предпочтительнее революционного, а определенная твердость, последовательность и умеренность в политике может оказываться эффективнее революционного радикализма. Все социалистические страны Азии закладывают основы нового общества, отличного от советского типа, от классического представления об экономике социализма. Но при этом они унаследовали от своего первого социалистического опыта, приобретенного в соответствии с такими представлениями, ряд базовых черт: монополию коммунистической партии на власть, ограничение демократических свобод и прав человека, решающую роль государства в управлении политическими, экономическими и культурными процессами.

Примечательно то, что вытеснение ортодоксальной социалистической идеологии не вступает в открытый и агрессивный конфликт с новым политическим курсом этих стран. Например, в Китае XVI съезд КПК в своих решениях и в новом Уставе партии утвердил тезис о так называемом тройном представительстве в качестве идеологической основы в КПК, поместив его в один ряд с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина. Сейчас в Китае мало кого можно ввести в заблуждение словами о социализме и коммунизме. Деньги, выгода, материальное благополучие — вот что сегодня побуждает к труду китайцев, и руководители КПК не могут не понимать этого, констатирует Л.Делюсин⁴⁰.

Отдельные исследователи полагают, что в Северной Корее на смену идеологии чучхе приходит идея сильного процветающего государства. Последней придерживаются сейчас Вьетнам и Лаос. Таким образом, социалистическая идеология в странах Азии все больше подчиняется прагматическим интересам, связанным, в первую очередь, с развитием рыночной экономики.

Однако общность политического курса на социализм еще не позволяет утверждать, что практическое наполнение их современной социалистической модели развития тоже одинаково. Напротив, конкретный социализм в Азии многовариантен: социализм в каждой из стран имеет свою национальную окраску, специфические черты. В этих странах — разный уровень развития производительных сил, разновеликий ресурсный и трудовой потенциалы. Большой разрыв существует и в уровнях благосостояния их народов. Поэтому многовариантным видится и будущее социализма в Азии.

Известны различные прогнозы развития азиатского социализма, предлагаемые учеными. Наиболее детальная разработка таких прогностических сценариев представлена в книге известного американского политолога Роберта Скалапино в его книге "Последние Ленинисты. Неопределенное будущее коммунистических государств Азии"⁴¹. Коротко перечислим их. Первый сцена-

рий — “muddling through” (дословно: “выкручиваться”). По такому сценарию, частный сектор экономики должен производить столько средств, чтобы их было достаточно для удовлетворения минимальных потребностей большинства граждан. Сохраняются государственная собственность и контроль государства над всеми формами собственности. Модификация политической структуры, якобы допускающая плюрализм, представляет собой только камуфляж, соответствующий текущей политике компартии “прислушиваться к гласу народа”, консультироваться с партиями, созданными ею же самой. Что касается интеллектуалов и более искушенных лиц, то их деятельность будет тщательно ограничиваться и проверяться, когда возникнет в этом необходимость, особенно тех, кто “заступит за линию”, станет сомневаться в самой сути политической системы². Р. Скалалино считает, что для азиатских руководителей это был бы наиболее подходящий вариант.

Другой сценарий — “big bang” (“большой удар”) или сценарий хаоса. По этому сценарию должна произойти дезинтеграция социалистических стран Азии. Так, в Китае произойдет создание ряда квазинезависимых регионов с возвращением их к хаосу и военной власти. Северную Корею постигнет судьба Восточной Германии. Вьетнам станет неуправляемым, там снова может произойти политический раскол³.

Сценарий неуправляемого хаоса, по-видимому, не исключают и нынешние коммунистические руководители, и это заставляет их стремиться обеспечивать лояльность народа к существующей власти. Но чтобы подобный сценарий реализовался, необходимы, по меньшей мере, два условия: длительные неудачи в экономике и глубокий раскол в политических и военных элитах.

Еще один вариант — сценарий быстрого перехода к политическому плюрализму и открытому обществу желателен либералам и нежелателен кучке интеллектуалов-диссидентов в некоторых социалистических странах Азии. Хотя этот сценарий не может быть отвергнут как абсолютно нереальный, но сейчас он вряд ли может осуществиться. Движение к парламентской демократии в ближайшее время привело бы к большим трудностям на политической арене.

Сейчас существуют новые поколения интеллектуалов-космополитов, готовых встать под знамена демократии, но они еще малочисленны и влияние их слабо.

Только чрезмерно убежденные оптимисты среди либералов могут утверждать, что демократия выступает перед социалистическими странами (ленинистскими государствами — в оригинале текста) Азии в качестве перво-степенной задачи.

И по последнему сценарию, названному “авторитарным плюрализмом”⁴, предполагается больше политических перемен, чем по первому сценарию, но значительно меньше, чем того требует подлинная демократия. Политические свободы типа свободы слова, печати и собраний, будут ограничены, но степень ограничений будет постепенно смягчаться.

Основания для прогнозирования будущего социализма в странах Азии, например, в Китае, дают высказывания бывшего генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя накануне XVI съезда партии. Судя по публикации известного российского китаевода Л. Делюсина (со ссылкой на гонконгскую прессу), в одном из своих выступлений Цзян Цзэминь заявил, что “если не произвести коренного обновления, возмущение народа может принять такие размеры, что КПК утратит свою власть и в государстве воцарится хаос”. Китайский лидер высказал также предположение, что к руководству в КПК могут прийти деятели типа М. Горбачева или Б. Ельцина, и тогда партию и Китай постигнет участь КПСС и СССР⁵.

Несмотря на то, что описанные выше сценарии и прогнозы имеют под собой определенные основания, ни один из них не отвечает на такой важный теоретический и практический вопрос — способен ли жесткий авторитаризм действительно обеспечивать стабильность в обществе на протяжении длительного времени? Это пока не доказано ни опытом Запада, ни событиями, происходящими сейчас в некоторых социалистических государствах Азии, где процесс радикальных экономических преобразований сам по себе, безусловно, способствует накоплению противоречий, бросающих вызов политическим системам, лимитирующим возможности проведения реформ. Изменения, действительно происходящие в социально-экономических системах этих стран, могут оказаться настолько значительными, чтобы спровоцировать дезинтеграцию существующего политического строя, или, напротив, вызвать к жизни политический плюрализм. Но это только в том случае, если компартии, стоящие у власти, утратят социально-экономические ориентиры и потеряют доверие масс. Реальнее предположить, что поскольку социализм в странах Азии эволюционирует в том же направлении, в котором развивается все мировое сообщество, интегральной частью которого они являются, реализация даже негативных сценариев будет только временным препятствием на этом пути. В 1990-е гг. и в начале этого столетия в конституции КНР, СРВ, ЛНДР и КНДР вносились дополнения, направленные на смягчение отдельных застывших сторон режимов, свидетельствуя о том, что движение к конституционному либерализму со временем может проложить дорогу к утверждению полнокровной демократии.

Политические системы в социалистических странах Азии испытывают давление внутренних и внешних обстоятельств, к которым они приспосабливаются, и развитие их в сторону демократии практически неизбежно. При этом важно отметить, что в виду заданных историческим прошлым различий в культурном, экономическом и прочем развитии, нет причин ожидать установления политической идентичности в рассматриваемых странах Азии. Иными словами, общее направление развития не исключает национальных различий в моделях развития. Таким образом, исторические судьбы социализма — трансформация в новую социально-экономическую модель, имеющую большое сходство (но и различия — тоже) с капитализмом, главную роль в которой предстоит играть рыночным экономикам и таким политическим системам, которые в каждый данный исторический момент смогут обеспечить социально-экономический прогресс. В конечном итоге, социализм в странах Азии доказал возможность эволюционного пути его преобразования без тех колоссальных издержек, присущих пути так называемой шоковой терапии в других социалистических странах.

1. Автор считает, что социализм и коммунизм не следует противопоставлять, несмотря на то, что в XX столетии революционеры и политики, считавшие себя коммунистами и социалистами, разошлись между собой в политической практике. Социализм был приравнен к его сталинской версии и с тех пор воспринимается многими как его синоним (подробнее об этом см. книгу Т.И. Ойзермана "Марксизм и утопия". М.: Традиция, 2003).
2. Автор рассматривает социал-демократизм в качестве умеренного, способного к компромиссам типа политической культуры, готового служить задачам достижения согласия между враждующими социальными силами, то есть противостоящего непримиримости коммунистического и либерального подходов.
3. Попытки создания предпосылок для строительства социализма наблюдались также в третьей стране Индокитая — Мьянме (бывшая Социалистическая Республика

- Бирманский Союз), Афганистане (бывшая Демократическая Республика Афганистан), Камбоджа (бывшая Народная Республика Кампучия).
4. Есть основания считать, что на сохранение социализма странами Азии в качестве перспективы в числе многих обстоятельств повлияло их геополитическое положение, степень их привязки к экономике СССР. Это, несмотря на широту их политических контактов, не могло не препятствовать влиянию его распада на внутреннюю ситуацию в этих странах. К примеру, Китай примыкал своими наименее развитыми районами к границам российского Дальнего Востока, также недостаточно освоенного экономически. Период длительного охлаждения советско-китайских отношений также сократил сроки влияния советского опыта на экономическое строительство в КНР. Удаленность СРВ от России также стала фактором, смягчившим удар по вьетнамскому социализму, хотя это и вызвало законную тревогу у руководства КПВ за ее позиции в стране. То же самое можно сказать и о ЛНДР. Представляется, что курс на прагматичную экономическую политику в Лаосе идеологически вытекал из распада социалистической экономики в европейских странах.
 5. К ним относятся такие проблемы: остается ли в силе марксистская теория формационной модели развития человеческого общества; по каким причинам социализм как официальная доктрина и практика, хотя и в резко сократившемся масштабе, не исчез из общественной жизни в целом; что способствовало сохранению социалистической ориентации в ряде азиатских стран; какова роль социализма в дальнейшей модернизации политической и общественной жизни мирового сообщества и ряд других.
 6. Это работы российских ученых — М.Л. Титаренко, Л.П. Делюсина, Я.М. Бергера, В.В. Михеева, А.П. Бутенко, М.Е. Тригубенко, А.З. Жебина, Ю.В. Ванина, Г.В. Грязнова, Л.А. Аносовой, С. И. Иоанесян, китайских — академика Ле Теина, выдающихся политиков и теоретиков современного Китая — Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, американских авторов — М. Оксенберга, Г. Эванса, Р. Скалапино и других. Несомненный интерес представляют взгляды северокорейского руководителя Ким Чен Ира, изложенные в его сочинениях: "Социализм — это наука". М.: Палей, 1995; "Победит социализм нашего образца, служащий интересам народных масс". Пхеньян, 1991; и ряд других.
 7. Значение имеют и научные методы изучения характера эволюции социализма в азиатских странах: современная компаравистика, исторический и диалектический методы.
 8. International Financial Statistics. January 2003. Washington: International Monetary Fund, 2003. Pp. 244,536, 948.
Данные о численности населения приведены за 2001 г.
 9. Коммерсант. 2004. 21 января.
 10. Vantage Point. Developments in North Korea. Seoul, 2004. Vol. 27. N 4. P. 5. Данные, приведенные на 2-й сессии Верховного народного собрания КНДР 11-го созыва в марте 2004 года, свидетельствуют о высоких темпах роста северокорейской промышленности и ее отдельных отраслей: общий рост промышленности — 10%, электроэнергетики — 21%, добычи свинца и цинка — 76%, железной руды — 46%, цемента — 27% //Нодон синмун. 2004. 26 марта.
 11. Жэньминь жибао. 2002. 9 ноября.
 12. Vietnam Economic Times. 2001. N 93. P. 9-11.
 13. Vietnam News Agency. December 13, 2001.
 14. Country Strategy and Program (1992-2004): Lao People's Democratic Republic. Manila: ADB, August 2001.
 15. Известно, что Дэн Сяопин указывал на необходимость проведения политических реформ в Китае, но события 1989 г. показали тогда преждевременность перехода к широкому распространению демократии в стране.
 16. Итоги 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей // Компас. № 12, март 2004. С.3-5.
 17. Там же.
 18. Asian Survey. Berkeley, 2002. Vol. XLII. № 1. P. 85.
 19. Нян зан. 2001. 24 августа.
 20. Sieng Pasason. 27 June. 1978.

21. Подробнее см.: Evans Grant. Lao Peasants Under Socialism. New Haven and London: Yale University Press, 1990.
22. Приводится по книге: С.И. Иоанесян. Лаос в XX веке (экономическое развитие). М.: ИВ РАН, 2003. С. 44.
23. Дотационный госсектор лаосской экономики функционировал не в полную силу, он остро нуждался в инвестициях; сельское хозяйство, в том числе кооперативы и госхозы, было низкорентабельным. В итоге только 20% государственного бюджета формировалось за счет внутренних источников.
24. Конституция Лаосской Народно-Демократической Республики (принята 6-й сессией Верховного народного собрания ЛНДР 14 августа 1991 года). Лаос. Справочник. М.: Вост. лит. РАН, 1994. С. 262.
25. Экономический словарь — 2. Издание Института экономики “Чучхе” Академии общественных наук. Пхеньян, 1985. С. 589-590.
26. Подробнее см.: Соль Чхун. Эволюция экономической политики КНДР в условиях межкорейского урегулирования: конец XX — начало XXI века. Канд. дисс. М., 2001.
27. Белоголов А. Экономическая модель социализма в Северной Корее: концептуальные основы и попытки ее реформирования // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем. Вып. 25. Санкт-Петербург, 2004.
28. Михеев В. Северокорейская машина времени // Время новостей. 2004. 9 августа.
29. По словам премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, китайское руководство не нашло фундаментального решения насущных проблем, вызванных чрезмерным экономическим ростом // Коммерсант. 2004. 15 июня.
30. Far Eastern Economic Review. March 1, 2002. Pp. 24-25.
31. Gourdet Ives. Laos in 2001. Political Introversion and Economic Respite // Asian Survey. Vol. XLII. № 1. January/February 2002. P. 114.
32. Министр иностранных дел ЛНДР Сомсоват Ленгсоват (Somsavat Lengsovat) был выведен из Политбюро, но сохранил свои позиции в ЦК партии и остался на посту министра иностранных дел.
33. Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов. Пхеньян, 1993. Более подробно о Программе см.: Ванин Ю.В. Корея на трудном пути к воссоединению // Корея на рубеже веков. М.: ИВ РАН, 2002.
34. См., например, выступление заместителя министра иностранных дел КНДР Ли Гана (Li Gun) от 6 февраля 2004 года, в котором он аргументирует эту позицию провалом войны в Ираке, развязанной Вашингтоном // Executive Intelligence Review. February 20, 2004. Vol. 31. № 7. P.45).
35. Неелова Т.А. Признаки обновления командно-административной системы КНДР при Ким Чен Ире // Азия — 2001: экономика и политика. Сб. ст. М.: ИМЭПИ РАН, 2002. С. 61.
36. Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. Пхеньян, 1993. С. 10.
37. Korea Focus. 2003. Vol. 11. № 4. P. 1.
38. Минчжу Чосон. 2002. 15 марта.
39. На прогрессивный рост внешних инвестиций нельзя постоянно рассчитывать, это убедительно показал азиатский валютно-финансовый кризис, как не следует полагаться на чрезмерный приток капиталовложений, который страна может оказаться не в состоянии реализовать.
40. Делюсин Л. Китай. XVI съезд КПК: старые проблемы — новые надежды // Азия и Африка сегодня. 2003. № 2. С. 2.
41. Scalapino R. The Last Leninists. The Uncertain Future of Asia's' Communist States. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies, 1992.
42. Ibid. P. 83.
43. Ibid. P. 84.
44. Ibid. P. 86.
45. Делюсин Л. Китай. XVI съезд КПК: старые проблемы — новые надежды. С. 3.

КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка?

© 2005

К. Асмолов

Корейский полуостров уже не раз становился жертвой решений, принятых на основе недостаточных данных или из-за опрометчивости отдельных политиков. Незнание истории Кореи и ее внутривосточной ситуации стало основной причиной разделения этой страны на две оккупационные зоны, что впоследствии привело к ее расколу. В то же время идеалистические представления некоторых руководителей ТПК о высоком уровне национально-освободительного движения на Юге стали одной из причин начала Корейской войны 1950-1953 гг.

Сейчас Корейский полуостров находится в тени так называемой "ядерной проблемы", виновным в которой многие авторы, в том числе и российские, пытаются объявить КНДР. В их представлении названная президентом США Дж. Бушем частью "оси Зла" Северная Корея выглядит своего рода "идеальной антиутопией", управляемой ужасным режимом, угрожающим мировому сообществу.

Большинство представлений зарубежных авторов о КНДР базируется как на внешних впечатлениях, полученных от ее официальной пропаганды, так и на показаниях разнообразных перебежчиков или правозащитников, которые сами по себе не менее необъективны, чем официальная северокорейская пропаганда. Ситуацию усугубляет окружающая режим завеса секретности, из-за которой любые факты не могут быть проверены до конца и нередко принимаются на веру, если укладываются в уже имеющуюся концепцию.

Известный кореевед Брюс Камингс подробно анализирует наиболее известные в США книги по северокорейской тематике, подчеркивая, насколько слабое представление о том, что в действительности происходит в КНДР, имели многие из их авторов, и насколько, те, кто называл себя аналитиками, оказались в ловушке собственных пропагандистских клише¹. Примечательно, что многие книги изобилуют интересной фактологической информацией, но выводы, которые делаются из нее, полностью ей противоречат. Кроме того, Б. Камингс подмечает привычку анализировать особенности северокорейского общества и экономики с точки зрения западного человека, когда вместо того, чтобы пытаться понять особенности культуры, ее изначально обвиняют в "неправильности".

Другая ошибка заключается в том, что, опуская конфуцианскую составляющую, к КНДР подходят с теми же мерками, что и к бывшим социалистическим странам Восточной Европы: желания и потребности жителей Северной Кореи пытаются напрямую отождествлять с желаниями и потребностями их народов.

КНДР меняется, но эти изменения с трудом видны "невооруженным глазом", и их не заметит тот, кто, зачарованный бросающимися в глаза внешними де-

талями, тесно связанными с образом КНДР в глазах западного или российского читателя, просто не понимает, куда смотреть. Однако тот, чье взросление пришлось на конец застоя и начало перестройки, отметит те незначительные признаки, по которым можно определить перемещения глубинных пластов.

Общие вопросы эволюции авторитарной системы

В рамках авторитарной системы государство стремится полностью контролировать жизнь своих подданных, а основными рычагами управления страной являются страх перед возможными репрессиями, строгий информационный контроль и разветвленная система политической индоктринации. С другой стороны, простой человек находится как бы на иждивении государства, которое обеспечивает его бесплатным образованием и лечением, невысокой, но стабильной зарплатой, и скромной, но выплачиваемой до конца дней, пенсией в старости.

Вождь, стоящий на вершине пирамиды власти, является основателем данной системы. Почти все происходящее так или иначе связано с именем вождя, и комплекс мероприятий по его постоянному возвеличиванию известен под названием “культ личности”.

Главная опора вождя — “внутренняя партия”, являющаяся не столько политической партией в привычном смысле этого слова, сколько элитной прослойкой общества, состоящей из людей, принятых в нее за определенные заслуги. Партия является руководящей и направляющей силой общества, а ее рядовые члены должны являться примером преданности идеалам системы.

Бюрократическая машина работает достаточно быстро, так как строгая вертикаль власти не оставляет времени для затяжных обсуждений или согласований. При этом властные полномочия, которыми обладает чиновник, воспринимаются как необходимая приставка к его деятельности, а ранг или высокий пост не служат гарантией безопасности — в случае нелояльности или профессиональной непригодности любой министр или сотрудник спецслужб может быть снят или репрессирован.

Тоталитарная система рассчитана на одного вождя, который, находясь на своем посту, старательно избавляется от любых вероятных претендентов на этот пост (то есть, потенциальных преемников). Когда вождь, наконец, умирает, остается немногочисленная группа “верных соратников”, каждый из которых в результате “естественного отбора” является хорошим исполнителем воли вождя, но не потенциальным вождем. Некоторое время они пытаются заменить вождя коллегиальными действиями, но затем властные амбиции берут верх. Начинается фракционная борьба.

На определенном этапе такой борьбы один из ее участников выбрасывает лозунг “Вождь был неправ” что, как правило, обеспечивает ему победу на фоне меняющихся требований времени.

В ходе развенчания прежних кумиров и демонстрации новой властью отсутствия приверженности старой репрессивной политике наступает некоторое “ослабление гаек”, ибо новая власть стремится показать, что она лучше старой. Этот процесс часто совпадает с изменениями условий внешней среды, в результате чего отношения между системой и окружающим миром становятся менее враждебными. Появляется больше информации о внешнем мире, и ограничения, которые ранее воспринимались как естественные, начинают казаться весьма странными.

На этом этапе внутри системы развивается и приобретает массовый характер так называемое “двоемыслие” — люди прекрасно понимают, что и как надо говорить на собраниях или при разговоре с начальством, имитируя полную преданность режиму и держа свои истинные мысли при себе.

Видимое противоречие между обликом, которого надо придерживаться на словах, и ситуацией де-факто приводит к тому, что бюрократия начинает перерождаться: высокий пост превращается в “охранную грамоту”, а власть

воспринимается не как необходимое дополнение для осуществления своих обязанностей в рамках возложенной ответственности, а как возможность пользоваться приносимыми ею благами для своей личной выгоды. Именно на этом этапе появляется коррупция, а эффективность бюрократической машины значительно снижается.

Более того, начинает проявляться одно из следствий принципа Питера, когда бюрократическая активность того или иного ведомства оказывается направленной не на выполнение его функциональной роли, а на обеспечение развития и благоденствия этого ведомства. Корпоративные интересы постепенно начинают преобладать над общегосударственными.

Естественно, государство осознанно стремится задержать или остановить этот разъедающий систему процесс, но если ему это не удастся, уровень функционирования бюрократии снижается настолько, что возникает необходимость реформировать всю систему. Одновременно вследствие ослабления информационного контроля и наступления гласности в сознании народа происходят такие изменения, после которых вернуть его к роли послушного исполнителя желаний государства бывает весьма непросто.

Процесс реформ, начинающийся в этой ситуации, обычно осуществляется тремя путями: революция снизу (польская "Солидарность", гражданские форумы Восточной Европы); революция сверху и "пробуждение" снизу (Советский Союз при Горбачеве: правительство начинает реформы, однако их последствия приводят к революции снизу; реформы сверху (китайский путь как смесь социализма и рыночной экономики, административная реформа и постепенные перемены — децентрализация, отделение партии от правительства и т. п.)².

Какой из трех путей больше подходит для КНДР? Восточноевропейский предполагает наличие развитого гражданского общества и соответствующей политической культуры. Очевидно, что такого в КНДР нет. Советский/российский вариант по понятным причинам подвергается в СМИ КНДР заслуженной критике, но даже китайский путь (с еще большим упором на постепенные экономические и административные реформы при неизменности жесткого идеологического контроля) полностью реалиям страны не соответствует.

Сами северокорейцы говорят о том, что не пойдут по китайскому пути развития, так как "у каждой страны свой путь, свои национальные и культурные особенности"³. Отвечая на часто задаваемый вопрос "почему Северная Корея до сих пор не последовала примеру КНР?", автор видит несколько весьма важных причин, практически исключающих механическое повторение на корейской земле китайского варианта.

Во-первых, Китай начал проводить свои реформы в несколько иной внешнеполитической обстановке, которую можно назвать "симпатией со стороны Запада". Речь идет не столько об экономической помощи, сколько о благоприятной "окружающей среде" с политической и информационной точки зрения. Северная Корея продолжает существовать в политическом и информационном вакууме.

Во-вторых, в начале своей модернизации, несмотря на последствия "большого скачка" и "культурной революции", Китай обладал достаточными людскими и природными ресурсами и по сравнению с КНДР мог залатать дыры в своей экономике самостоятельно. В случае Северной Кореи налицо катаклизмы 1995-1997 гг., которые очень сильно подрезали ресурсы государства и его распределительные возможности. Ясно, что начинать реформы при остром недостатке средств тяжело.

В-третьих, на момент реформ Китай уже был региональной державой, достаточно мощной, чтобы позволить себе некоторое ослабление структуры, неизбежное на этапе начала преобразований, когда старое разрушается, а новое еще не сформировано. Северная Корея сейчас находится "под прицелом", и один ее из аргументов заключается как раз в том, что если страна начнет реформы, "американские империалисты и их южнокорейские пособники" прос-

то не дадут довести их до конца, воспользовавшись временными трудностями и нанеся удар именно тогда, когда страна будет к этому наименее готова.

Оценка Ким Чен Иром ситуации в стране в первые годы его правления

Авторы работы Korean Public Administration (1997) упоминают статью Ким Чен Ира начала 1990-х гг., в которой, с одной стороны, подчеркивается необходимость централизованного планирования экономики и партийного контроля, а с другой — критикуется “командно-административная система” как пережиток прошлого⁴. Из этого, а также из анализа некоторых элементов государственной реорганизации Северной Кореи, авторы делали вывод о желании части руководства страны провести реформы⁵.

Понятно, что со временем позиция Кима могла претерпеть изменения. Так, в декабре 1996 г. Ким Чен Ир, с одной стороны, признавал бедственное положение страны, а с другой — был против частной торговли и “распространения эгоизма, который размывает классовую базу партии, когда партия утрачивает поддержку народа и рассыпается, как это произошло в Польше”⁶.

В том же году, по словам Хван Чжан Епа, Ким Чен Ир устроил жесткую выволочку высшему руководству страны за “тошнотворные сцены, связанные с голодом” (попрошайничество, бродяжничество, нападение на поезда с целью добыть еду): “Хотя такое случается повсеместно, те, кто должен решать эти проблемы, предлагают народу решать их самостоятельно. Вместо того чтобы пытаться найти выход, они взваливают его на плечи народа”⁷. К этому же времени относятся и другое его высказывание: “Ни один из функционеров не помогает мне достаточно эффективно. Я работаю один”⁸. Известна его статья, в которой, с одной стороны, подчеркивается необходимость централизованного планирования экономики и партийного контроля, с другой — “командно-административная система” критикуется как пережиток прошлого⁹.

Но особенно интересна в этом контексте беседа Ким Чен Ира с представителями Чхонрена о 25 апреля 1998 г. Тогда его речь была тайно записана на магнитофон, и в 2003 г. расшифровка этой записи, со ссылкой на данные японской разведки, появилась сначала в японских средствах массовой информации, а позже — в южнокорейском журнале “Вольган Чосон”¹⁰.

Конечно, в том, что запись эта подлинная, абсолютной уверенности нет. Однако многие высказывания Ким Чен Ира шокирующе откровенны, а из некоторых складывается очень интересная картина современной жизни в КНДР. По сути, Ким Чен Ир признал, что в стране существует развитая коррупция, для борьбы с которой иногда приходится прибегать к помощи армии; что на руководящих постах хватает некомпетентных работников, в руководстве экономикой был совершён ряд ошибок, а для подъёма сельского хозяйства нужен качественный семенной фонд, которого нет.

Из беседы ясно, что Ким Чен Ир хорошо знает ситуацию внутри страны и понимает, что эта страна меняется. Он весьма остро критикует многие элементы возглавляемой им системы и косвенно признается в том, что пока мало что может изменить. Видит необходимость перемен и готов заимствовать у западного общества те его элементы, которые не несут в себе растлевающего идеологического влияния. При этом он, похоже, понимает, насколько сложным будет процесс перестройки, но еще не имеет четко разработанной программы действий, которая будет воплощена в жизнь.

В связи со всем этим представляется, что Ким Чен Ир уже в 1997-1998 гг. достаточно хорошо понимал характер проблем, стоящих перед страной, и отдавал себе отчет в необходимости перемен. И когда период траура закончился, он начал, в меру сил и возможностей, заниматься оздоровлением ситуации, как он ее понимал.

Современное состояние командно-административной системы КНДР

Коррупция появилась в КНДР уже довольно давно — соответствующие жалобы высказывались северокорейцами еще в кимирсеновские времена, с начала 1980-х гг.¹¹, а повышение внимания к выработке правильных методов партийной работы, борьбе с чванством и бюрократизмом относится к началу 1990-х. Это говорит как о стремлении учитывать опыт событий в Восточной Европе, где крах коммунистических режимов объяснялся тем, что партийная верхушка потеряла связь с массами, так и очевидно возросшим уровнем двоемыслия, который начал оказывать негативное влияние на работу административной системы¹².

Как раз в это время во власти (особенно в среднем ее эшелоне) произошла смена поколений. До начала 1980-х гг. основная часть среднего чиновничества состояла из лиц, вступивших в партию в 1945-1950 гг. и, как правило, отличившихся в ходе Корейской войны. На смену им пришло поколение конформистов, начавших делать карьеру уже в послевоенные времена.

Масштабы перерождения системы и размаха коррупции косвенно видны и из уже не раз цитируемой нами беседы Ким Чен Ира с представителями Чжонрена в 1998 г. Ким Чен Ир признает факт введения войск на металлургический комбинат в Хванхэ и рассказывает, что на фоне вызванного наводнениями кризиса комбинат невозможно было обеспечить электроэнергией и его пришлось временно остановить. Воспользовавшись этим, "некоторые негодяи" сговорились с руководством завода и, подкупив партработников и госбезопасность, стали демонтировать оборудование и продавать его как металлолом в Китай, меньше, чем за год разворовав завод примерно наполовину. Для кардинального решения ситуации завод был окружен военными, и там был наведен порядок.

Для того чтобы создать преступную группировку такого масштаба, требуются не только значительное количество сил и ресурсов, но и определенные настроения в обществе, которые говорят о том, что методы морального стимулирования больше не работают. И если подобное случилось еще в 1997-1998 гг., то можно себе представить, насколько могла развиться ситуация за прошедшие шесть лет.

Все это говорит о том, что мы уже не имеем дела с классической командно-административной системой, которая к настоящему времени действительно переродилась в бюрократию типа брежневской. На данном фоне можно предполагать несколько вариантов того, как сейчас работает система с точки зрения принятия решения, и какую роль в ней играет Ким Чен Ир.

Первый вариант — классическая командно-административная модель. Все рождается и развивается в голове Ким Чен Ира как в своего рода черном ящике, и принимаемые решения зависят по преимуществу от психологических особенностей его личности и (в меньшей степени) от мнения тех, кто имеет на него неформальное влияние.

Во втором варианте решение отражает совокупность действий бюрократии, но бюрократические интересы у каждого домена свои. Ким Чен Ир — ось, на которой вращается колесо, ведомства — его спицы. Такая модель предполагает соперничество доменов за доступ к руководителю и влияние на него, отсутствие горизонтальных связей между ведомствами и вытекающие из этого недостаток информации и значительное дублирование функций, что в сочетании с режимом секретности серьезно ослабляет эффективность системы.

Третий вариант представляет собой ухудшенный вариант второго, при котором на первом месте всегда интересы своего "домена". Конкретные проблемы решаются на уровне звонка нужному человеку, а положение Ким Чен Ира напоминает ситуацию "добраго царя" и "злых советников", которые скрывают от него информацию.

Согласно четвертому варианту, страной вообще управляет не вождь, а государственная бюрократическая машина. Во главе ее стоит Ким Чен Ир, указания которого интерпретируются так, чтобы обеспечить существование данной системы¹³. Если ранее командно-административная структура в значительной степени держалась за счет яркой личности Ким Ир Сена, то в новых условиях видеть в каждом поступке каждого отдельного функционера волю вождя уже не следует.

Представляется, что реальная ситуация — это сочетание второго и четвертого путей. Северная Корея не управляется Ким Чен Иром так, как она управлялась Ким Ир Сеном. Ким Чен Ир может корректировать действия системы, но государственная бюрократия существует в значительной степени сама по себе. Кроме того, способность Ким Чен Ира существенно изменить систему ослаблена как минимум еще по трем весьма значительным причинам.

Во-первых, статус наследника Ким Ир Сена вынуждает Ким Чен Ира существовать в тени отца. Более чем кто-либо, он обязан продолжать дело Великого вождя и не может позволить себе сделать нечто, абсолютно противоречащее его воле. Следовательно, любая инновация должна базироваться на развитии идей Кима-старшего, выглядеть как продолжение старой генеральной линии и не вступать в открытое противоречие с курсом Ким Ир Сена.

Во-вторых, лидерство и влияние Ким Чен Ира слабее, чем у его отца. Ким Чен Ир показал себя хорошим управленцем, однако у него нет той способности мобилизовать массы, которой обладал его отец и которая могла бы помочь в обеспечении всенародной поддержки его новым начинаниям. Даже при жизни отца он не пользовался в массах особой любовью, уступая тому в харизме и не имея в своем активе тех свершений, которые были бы его однозначной заслугой. Не обладал младший Ким положительной репутацией и на Западе, где его считали мнительным и склонным к нарциссизму некомпетентным плейбоем.

Между тем, для того, чтобы стать полноправным вождем и выйти из тени своего отца, Ким Чен Ир должен сравняться с ним в свершениях¹⁴. В этом смысле его проблемы сродни тем, которые сейчас испытывают южнокорейские президенты “демократической поры”, пытающиеся “равнять себя по Пак Чжон Хи”, “при котором были порядок и процветание”.

В-третьих, Ким Чен Ир может не обладать абсолютным авторитетом в среде номенклатуры. Это проистекает как из двух вышеперечисленных причин, так и из того, что в КНДР, которая остается конфуцианской страной, ситуация, когда младший по возрасту и опыту руководит группой заслуженных сановников, остается источником противоречия. Старой гвардии Ким Ир Сена тяжело подчиняться человеку, который не просто младше них, но, можно сказать, вырос на их глазах. Зная отца, им психологически тяжело подчиняться сыну, и непринятие Ким Чен Иром официальных титулов отца может рассматриваться и как указание на то, что соратники Ким Ир Сена не воспринимают Кима-сына как равную замену отцу.

Преобразования 1998 г.

Суть политики приоритета армии (кор. сонгун)

Трехлетний срок после смерти Великого вождя был позиционирован как “трудный боевой поход, во время которого все должны быть собранными и стойко переносить тяготы полевой жизни”. В январе 1998 г. его сменил “мощный боевой поход”, а 5 сентября 1998 г. состоялась I сессия ВНС КНДР десятого созыва, повестка дня которой включала в себя три основных вопроса: изменение в Конституции КНДР, выборы Председателя Комитета обороны и утверждение кадровых назначений.

Масштаб проведенных преобразований и обстановка, в которой они происходили, говорят о конституционной реформе, в ходе которой новый ли-

дер страны начал перестройку государственного аппарата "под себя". Посты президента страны и генерального секретаря ТПК навечно остались за Ким Ир Сеном, а вся фактическая власть сосредоточилась в руках Комитета обороны (КО) во главе с Ким Чен Иром.

Если раньше, особенно до 1992 г., КО во многом оставался номинальным органом, осуществлявшим согласно статье 111 предыдущей конституции КНДР "руководство и командование всеми военными силами страны", то нынешний является принципиально новой структурой, наделенной очень большими полномочиями.

Такую ситуацию можно трактовать неоднозначно, ибо, согласно Конституции, ничто не указывает на то, что должность Председателя КО является высшим государственным постом. Если следовать букве основного закона, то высшим государственным органом является Президиум Верховного народного собрания, а высшим должностным лицом республики — его Председатель. Кажется, что Ким Чен Ир сознательно оставил брешь в своей обороне, ибо теоретически его можно отрешить от власти, оперируя положениями Конституции, согласно которой его должность дает ему право курировать исключительно военные вопросы.

Однако, с точки зрения самого Ким Чен Ира, ситуация, вероятно, выглядит по-иному. Великий руководитель считает себя вождем харизматически легендарного типа, и принятие формального властного титула как бы спускает его с небес на землю.

Новая роль КО есть самый убедительный признак проходящего процесса, используя северокорейскую терминологию, "преобразования всего общества по образцу армии". Сочетание этого с политикой *сонгун* позволяет говорить о том, что в стране фактически произошла передача власти в руки военных, поскольку из десяти членов КО только двое являются гражданскими лицами.

По мнению автора, принятие нового основного закона страны и принятые кадровые перестановки можно сравнить с деятельностью Ю. В. Андропова, который собирался остановить перерождение командно-административной системы и решать структурные задачи за счет ограниченного развития экономики, сопряженного с укреплением трудовой дисциплины и контролем в идеологической сфере. Однако если бывший председатель КГБ СССР пытался опираться в первую очередь на чекистские кадры, то Верховный Главнокомандующий КНА Ким Чен Ир решил полагаться на военных.

На то есть несколько причин. Во-первых, на данный момент северокорейские военные, особенно офицерский корпус, относятся к элите. При всей нехватке материальных ресурсов, их значительная их часть направлялась на нужды армии, концентрировалась на решающих направлениях. Возможно, благодаря этому, несмотря на все трудности, КНДР продолжала поддерживать на достаточно высоком уровне военную промышленность и военное образование.

В этой связи представители армейских кадров, из числа которых комплектуются как офицерский состав, так и руководство военно-промышленного комплекса, в целом лучше осведомлены о положении дел в мире и потому более остро понимают возросшую опасность поражения в противостоянии с потенциальным противником и настоятельную необходимость срочного вывода страны из кризиса.

Во-вторых, северокорейская армия достаточно давно занимается хозяйственной деятельностью. В условиях ухудшения экономической ситуации армию все чаще использовали для затыкания дыр в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Это не способствовало повышению боеготовности КНА, однако это же означает, что ее представители имеют опыт "гражданской" управленческой деятельности и потому у них меньше шансов оказаться некомпетентными на новых должностях, чем у военных, брошенных на народное хозяйство без такой подготовки.

В-третьих, в отличие от “зараженной двоемыслием и материализмом” гражданской партийной элиты, армия смогла если не избежать всех этих пороков полностью, то оказалась поражена ими в меньшей степени. Военные, особенно в частях, менее отягощены личным имуществом, и в большей степени живут, выражаясь северокаорейской терминологией, общественной, а не личной жизнью.

В-четвертых, управлять военной структурой проще, чем гражданской. Для армейских методов характерна более четкая система вертикального подчинения с меньшим промежуточным согласованием в процессе принятия решения.

Можно предположить, что Ким Чен Ир почувствовал, что “военные технократы” и морально, и с практической точки зрения подготовлены лучшим образом по сравнению с гражданским кадровым сегментом, лучше других владеют ситуацией и, как следствие этого, лучше представляют себе, что надо делать для выхода из затянувшегося кризиса.

Кадровая стратегия Ким Чен Ира и дальнейшие мероприятия власти по реструктуризации государственной системы

Новый курс естественно сопровождается определенными кадровыми подвижками, однако они достаточно осторожные. Впрямую покуситься на авторитет людей, назначенных на свои посты, как правило, еще Ким Ир Сенем Ким Чен Ир не может.

Нельзя, к примеру, решить вопрос методом формирования “антипартийной группы”, проводя затем ее политическую чистку, — факт признания неверности кадровых решений отца подорвет авторитет вождя. Антикоррупционная кампания южнокорейского масштаба тоже не годится. Во-первых, среди представителей старой гвардии коррумпированных не так много, а во-вторых, подобное мероприятие продемонстрирует, насколько система поражена социальным злом, что крайне нежелательно с идеологической точки зрения. Потому пока репрессии коснулись только нескольких человек. Вместе с тем, пример расстрелянного секретаря ЦК ТПК по сельскому хозяйству Со Гван Хи доказывает, что никто или почти никто в старой партийной номенклатуре не может чувствовать себя в абсолютной безопасности.

Расчистка кадрового пространства проводится в рамках стратегии “выталкивания наверх”, на более высокие, но менее значимые посты, которые превращаются в своего рода “отстойники” для ненужных кадров. Это сочетается с сокращением высшего кадрового звена естественным путем: на протяжении последних лет умершим или ушедшим на покой функционерам высокого уровня просто не назначали замену, тем самым фактически упраздняя их должности. Ким Чен Ир просто ждет, пока старые кадры вымрут или уйдут на покой по возрасту.

А. Мацегора, анализируя итоги первой сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР десятого созыва, прошедшей в сентябре 1998 г., обращает внимание на то, что сегодня в стране существуют как бы две иерархические пирамиды: старая, постепенно утрачивающая силу, и новая, ее набирающая. Обе они в равной степени жестко подчинены Ким Чен Иру¹⁸.

Старая система на текущий момент в значительной степени церемониальна. К ней относятся политбюро и секретариат ЦК ТПК, лишенный реальной власти аппарат кабинета министров и подчиненная им инфраструктура. Во главе современной пирамиды власти стоит КО.

Вторая сторона проблемы — кем замещать освобождающиеся места. Понятно, что Ким Чен Ир пытается решать кадровые проблемы стандартным способом — расставляя на ключевые посты родственников и близких ему людей. Попытка укрепить гражданский аппарат военными была относительно успешной, но она относится к категории временных мер, и пока не очень понятно, каковы ее перспективы.

Одновременно с начала 1990-х гг. в КНДР была инициирована пропагандистская кампания, призванная обеспечить пропорциональное представительство «старых, средних и молодых работников» в партийных и государственных органах в соотношении 3:4:3. Считается, что эта кампания была направлена на укрепление позиций Ким Чен Ира и представителей его поколения¹⁶. Автору видится в этом способ дальнейшего оздоровления кадров, который может позволить нынешней власти обеспечить приток новых людей¹⁷.

Плоды вышеуказанной стратегии, видны в ходе анализа нового этапа изменений в структуре кадров, который произошел на следующей сессии ВНС в сентябре 2003 г., в через пять лет после конституционной реформы 1998 г.

Состав КО был обновлен на треть. Ким Чен Ир остался на посту его председателя, но такие старые соратники Ким Ир Сена, как Ли Ыль Соль, Пэк Хак Рим и Ким Чхоль Ман, были отправлены в отставку с постов членов КО, хотя сохранили депутатские мандаты и высокие места в партийной иерархии¹⁸. ВНС нового созыва на 52% состоит из новых людей. Все они моложе 50, с высшим образованием (число депутатов, имеющих научные степени или научные звания, выросло с 48 до 89,5%). Многие из них — выходцы с Юга. Лишь 20% депутатов были избраны еще при жизни Ким Ир Сена, являясь его выдвиженцами. Достаточно много новых лиц и в последнем кабинете — 8 из 31, включая нового премьера.

Такие перемены в составе депутатского корпуса говорят о том, что в КНДР произошло существенное обновление второго и третьего эшелонов номенклатуры. К власти пришли люди, чья карьера была связана с правлением нынешнего руководителя, более молодые и теоретически лучше понимающие требования времени.

Изменение роли Трудовой партии Кореи

За 50 лет безраздельного правления Трудовая партия превратилась в несменяемую касту, статус и состав которой определялся решениями покойного вождя. Уместно вспомнить, что Ким Ир Сен нередко лично назначал даже секретарей парткомов заводов и кооперативов, не говоря уже о кандидатах на более высокие партийные должности. Эта прослойка, давно утратившая компетентность хотя бы вследствие возраста (большая часть кадров давно отметила 70-летие), уже не может принимать адекватные решения.

Перерождение партаппарата негативно отразилось на эффективности системы управления и трудовой дисциплине и, помимо всего прочего, стало одной из причин ослабления существовавшей системы вертикальных связей, так как помощь вышестоящих организаций нижестоящим, подтягивание отстающих звеньев (главные принципы чучхе в экономической сфере) в основном строились на партийной инфраструктуре.

В результате роль морального авангарда перешла от ТПК к армии. Это иллюстрируется изменениями в структуре официальных текстов. В информационном сообщении, посвященном утверждению Ким Чен Ира Председателем КО, говорится о «единодушном решении армии и народа». Партия не упоминается как участник принятия этого решения. Только во второй половине этого документа содержится тезис о том, что избрание Ким Чен Ира стало фактором, «укрепляющим единство партии, армии и народа».

Об ослаблении влияния партийных органов свидетельствуют и факты принципиальной важности — все решения сессии ВНС были проведены без предварительного одобрения на Пленуме ЦК ТПК¹⁹. Не была соблюдена установленная формальная процедура и при утверждении Ким Чен Ира на высший партийный пост в октябре 1997 г.: не проведя ни съезда, ни партконференции, ни даже пленума, ЦК ТПК провозгласил, что Ким Чен Ир был «избран общепризнанным Генеральным секретарем нашей партии» (а не Центрального Комитета партии, как записано в партийном уставе).

Кстати, слухи о том, что Устав ТПК может подвергнуться серьезным изменениям, были достаточно активными. Предполагалось, что многие формулировки по отношению к Югу станут мягче, а функция руководства экономикой если не будет убрана совсем, то, вероятно, значительно урезана. Однако после Пхеньянского саммита Ким Чен Ир дал понять, что изменений не предвидится, и объяснил, почему. «Платформа партии была принята в 1945 г. и сохранил достаточно воинственных выражений, уходящих корнями в период японского ига. Внести в нее изменения очень сложно, так как многие члены партийного руководства работали еще с Ким Ир Сенем, и если в программу будут внесены изменения, они будут вынуждены уйти со своих постов. Из-за этого могут сказать, что, иницируя пересмотр программы, я пытаюсь провести чистку»²⁰.

Тем не менее, Пленум ЦК ТПК по-прежнему не созывался²¹, и в 2003 г. уже второй раз высшие органы государственной власти были сформированы без формального одобрения высших партийных органов, о деятельности которых в последнее время по-прежнему ничего не известно. Предполагается, что главная задача партии теперь — работа с кадрами на местах и организационно-идеологическое обеспечение решений Ким Чен Ира. Аппарат ЦК превратился в личный аппарат Ким Чен Ира, сотрудники которого занимаются согласованием интересов основных группировок партийной элиты и помогают руководству КО в подготовке решений²².

Дальнейшие изменения системы и вопрос «о преемниках и предателях»

В ноябре 2004 г. в российские СМИ просочились сообщения о том, что в государственных учреждениях КНДР в массовом порядке снимают портреты Ким Чен Ира. Хотя слухи не получили официального подтверждения и были официально опровергнуты северокорейской стороной, они вызвали волну пересудов по поводу состояния здоровья Великого руководителя и вызвали спекуляции на эту тему.

Однако с Ким Чен Иром лучше, чем без него. Во-первых, отсутствие адекватного преемника приведет скорее всего к тому, что в КНДР начнется борьба за власть. Ким Чен Иру в этом случае могут отвести роль главного виновника неудач последнего времени и «козла отпущения» для нового руководства.

Во-вторых, смерть Ким Чен Ира означала бы появление вакуума власти, так как институциональная система выборов руководителя страны сейчас не работает, и даже если процесс запустить, это потребует достаточно длительного времени. В сочетании с существующей международной обстановкой, в частности, с итогами президентских выборов в США, это вряд ли будет способствовать региональной стабильности.

В-третьих, Ким Чен Ир является фигурой, известной международному сообществу и заработавшей определенный рейтинг если не доверия, то уважения. Тому, кто его сменит, придется заново зарабатывать кредит доверия в глазах соседей. Кроме того, Ким Чен Ир более чем любой другой правитель, легитимен в глазах масс, а это значит, что его преемник может столкнуться с более оформленной критикой снизу.

Явного комплекса мероприятий, направленных на подготовку «Кима Третьего» пока не видно. Многие ожидали, что, по аналогии с отцом, который выбрал этого сына своим преемником вскоре после шестидесятилетия, Ким Чен Ир сделает то же самое в 2002 г., после собственного юбилея. Однако этого не случилось, это нередко объясняют тем, что его старший сын — Ким Чжон Нам находится в немилости, а дети от Ко Ен Хи — Ким Чжон Чхоль или младший Ким Чжон Ун — еще слишком молоды и не прошли подготовку, необходимую для занятия руководящих должностей в стране. Помимо этого, личность, способная принять власть и обладающая должным комплексом лидер-

ских качеств, в Северной Корее сегодня действительно не просматривается. Есть только представители отдельных корпоративных групп, которые, придя во власть, будут лоббировать собственные интересы в еще большей степени, чем интересы нынешнего правящего клана.

Однако отсутствие подготовки преемника можно объяснить не только тем, что у Ким Чен Ира пока нет достойной кандидатуры из числа представителей его клана, но и его неуверенностью в том, что возглавляемая им система надолго переживет его самого.

Может возникнуть вопрос о возможности добровольного ухода Ким Чен Ира в отставку при определенных обстоятельствах. На наш взгляд, пока таких "определенных обстоятельств" нет, и некоторые из них вообще возникнуть не могут. Во-первых, Ким Чен Ир находится в неплохой физической форме и весьма активно занимается государственными делами. Во-вторых, корейская политическая традиция, включая ее конфуцианский и социалистический компоненты, воспринимает добровольный уход в отставку не как благородный отказ от власти, а как окончательное признание собственной некомпетентности или даже "бегства с поля боя". В-третьих, как указывалось выше, в КНДР пока нет человека, предназначенного для роли подготовленного преемника Ким Чен Ира.

С другой стороны, если Ким Чен Ир понимает, что система не вечна, то собирается ли Великий руководитель предпринимать что-либо для ее дальнейшего сохранения или для него главное — выжить и "доцарствовать" самому? Следует ли отделять стремление Ким Чен Ира обеспечить безопасность лично себе и своему клану от его желания сохранить свою власть политического лидера или поддерживать в неизменном виде возглавляемую им систему? И если личная клановая безопасность является для него главным приоритетом, то пойдет ли он на изменение традиции, чтобы сохранить свой пост или хотя бы неприкосновенность и статус, и возможна ли ситуация, при которой Ким Чен Ир вообще откажется от власти в обмен на гарантии неприкосновенности?

Многие аналитики считают, что если Ким Чен Ир обретет гарантии своей безопасности и безопасности членов своего клана, он сможет инициировать в КНДР процесс демократических перемен, а затем уйти на условиях "почетной капитуляции".

С нашей точки зрения, этот вариант маловероятен по целому ряду причин. Во-первых, он не совсем соответствует психологическому портрету Ким Чен Ира. Вряд ли забота о сохранении собственной жизни превалирует у него над комплексами, связанными с ролью лидера страны, и долгом по отношению к наследию отца. Более того, в условиях, когда шансов на победу нет, руководство КНДР вполне может предпочесть сдачу в плен героическую гибель, унеся с собой как можно больше врагов. Во-вторых, непонятно, кто и в каком виде будет давать эти гарантии, особенно долговременные, и, как должен выглядеть данный документ с юридической точки зрения. В-третьих, подобные гарантии, скорее всего, не будут иметь реальной или юридической силы. В-четвертых, клан Ким Чен Ира достаточно велик, и обеспечение безопасности всех его представителей может встретить ряд сложностей чисто технического характера. В-пятых, в условиях большой идеологизированности северокорейского режима реакция на отступление лидера страны от "идей Ким Ир Сена" может быть гораздо более острой.

Поэтому можно смело утверждать, что Ким Чен Ир постарается удержаться у власти как можно дольше, ибо на текущий момент в объединенной Корее для него места нет, и единственной альтернативой является смерть на боевом посту. Ким Чен Ира не прельщают судьбы расстрелянного бывшими соратниками Чаушеску, осужденного международным трибуналом Милошевича или умершего в изгнании Ли Сын Мана. Кроме того, он видит ситуацию на Юге (ситуация с Ро Тхэ У, который ввел Ким Ен Сама во власть, но затем был им фактически предан; жесткая кадровая чистка, которую начал Ро Му Хен) и понимает, сколь велика вероятность того, что он станет жертвой очередной чи-

стки, если кто-то из новых корейских политиков решит сделать свою карьеру на репрессиях против северокорейской номенклатуры.

Более интересен вариант, при котором Ким Чен Иру могут предложить превратиться из реального руководителя страны в сакральную фигуру — живой “государственный символ” (своего рода “брэнд” КНДР как “династии Кимов”) — и потому свободную от посягательств на “его трон”. Такая ситуация позволит ему сохранить формальные атрибуты власти и прилагающиеся привилегии, но при этом не выглядеть непосредственным виновником тех или иных ошибок власти, вина за которые будет возлагаться на его “соправителей”, которых можно будет свободно менять, обеспечивая тем самым большую гибкость политики.

Авторы данной концепции даже предусмотрели вариант изменения системы, призванной обеспечить подобное “оставление власти”, которое, естественно, не означает добровольный уход в отставку. Скорее речь идет о ситуации, при которой Ким Чен Ир будет постепенно сдвигаться на церемониальные должности, правя, но не управляя. Более конкретные рекомендации на эту тему предполагают расширение полномочий премьер-министра, а в перспективе — изменение конституции и превращение КНДР в республику премьерского типа. Ким Чен Ир же будет пожизненно занимать пост председателя Комитета обороны, что позволит ему контролировать армию, оставаясь ее верховным главнокомандующим, или, если влияние этого органа будет ослабевать, станет вице-президентом страны.

Однако на текущий момент превращение Ким Чен Ира в церемониальную фигуру, подобную британской королеве или президенту Германии, кажется маловероятным. Во-первых, Ким Чен Ир слишком деятелен, чтобы оставаться лишь номинальным правителем. Во-вторых, вопрос упирается в отсутствие претендента на роль “соправителя” и вероятное противодействие старых бюрократов новому витку институциональных инноваций.

Суммируя вышеизложенной, следует отметить, что перерождение системы в КНДР началось не при Ким Чен Ире и не было непосредственно связано с ним. Вынужденный отход от старых принципов продиктовали условия существования и общие законы бюрократического развития. Ким Чен Ир понимал и понимает опасность этой тенденции, но сталкивается с инертностью системы и недостатком новых кадров.

Методы руководства Ким Чен Ира в значительной мере отличаются от практиковавшихся Ким Ир Сенем, который сформировал подчиненную ему бюрократическую систему “под себя”. То же самое сейчас делает Ким Чен Ир, произведший серьезную рокировку кадров, по результатам которой те, кто обладал реальной властью при Ким Ир Сене, сдали свои позиции и оказались вытесненными на почетные посты. К нынешнему моменту Ким Чен Ир, похоже, взрастил или подготовил к приходу во власть прослойку технократов (в основном, из среды военных), представители которой постепенно сменяют у власти генералитет старой закалки.

Первый виток его преобразований, пришедшийся на 1997-1999 гг., был направлен на оздоровление власти и укрепление функционирования командно-административной системы за счет “преобразования общества по образцу армии” и введения политики *сонгун*.

С точки зрения политического прагматизма, Ким Чен Ир выбрал, возможно, единственно правильный путь. Он, несомненно, учел все внешние и внутренние факторы, влияющие сейчас на выработку политических решений в Северной Корее. В их числе — сложно реформируемая авторитарная система, продолжающееся жесткое политическое противостояние Севера и Юга, фактическая экономическая блокада страны.

Это особенно значимо на фоне внешнеполитической обстановки, отягощенной вторым витком ядерного кризиса. Ранее такое усиление давления, скорее всего, стало бы поводом для встречных мер, направленных на рост влия-

ния ястребов в северокорейском руководстве и укрепление традиционалистских сил. Ким Чен Ир вполне мог бы свернуть начавшиеся преобразования, однако этого не произошло.

Преобразования сентября 1998 г. и июля 2002 г. следует воспринимать в определенной степени как демонстрацию жизнеспособности режима Ким Чен Ира, его умения изменяться под влиянием внутренних и внешних перемен. Что же касается недостаточных, по мнению западных авторов, темпов развития, то не забудем, что Ким Чен Ир менее свободен в выборе политического курса, будучи обязанным действовать как сын своего отца. Поэтому, с одной стороны, от Ким Чен Ира не следует ожидать радикальных перемен, с другой — то, что он уже сделал, по северокорейским понятиям — меры достаточно радикальные.

(Окончание следует)

1. Cumings Bruce. North Korea. Another Country. New York, London, 2004. С. 192-204.
2. Korean Public Administration. Managing the uneven development. By Bun Woong Kim & Pan Suk Kim. Seoul, 1997. С. 354.
3. Курбанов С. О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г. // Рукопись, помещенная в интернете.
4. Korean Public Administration. С. 276.
5. Ibid. С. 282-289.
6. Oberdorfer, Don. The Two Koreas. A contemporary history. New York, 1997. С. 395.
7. Cumings B. North... С. 169.
8. Ibid. С. 169.
9. Korean Public Administration. С. 276.
10. Сеульский вестник, № 78, сентябрь 2003 г. С. 16-17.
11. Ланьков Андрей. Эпитафия обществу контроля. К 55-летию образования КНДР. // Русский Журнал. Интернет-версия. 9 сентября 2003.
12. Бульчев Г. Б. Политические системы государств Корейского полуострова. МГИМО МИД России. Кафедра востоковедения. М., 2002. С. 128.
13. Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 110.
14. Ibid. С. 98.
15. Мацегора А. И., Асмолов К. В. Первая сессия Верховного Народного Собрания КНДР десятого созыва. Новый курс нового руководителя. // Российское корееведение. Альманах. Выпуск 1. М., 1999. С. 264-282.
16. Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004. С. 28.
17. Указ. соч. С. 28.
18. Указ. соч. С. 307.
19. В ряде южнокорейских средств массовой информации одно время циркулировали слухи о якобы состоявшемся секретном пленуме, утвердившем и новую конституцию, и новые назначения. Подтверждения эти слухи не получили.
20. Breen, Michael. Kim Jong-Il... С. 107.
21. Последний Пленум ЦК ТПК состоялся еще при Ким Ир Сене в 1993 г.
22. Жебин А. КНДР — Итоги 2003 г. и вызовы 2004 года // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22). С. 32.

К кончине Чжао Цзыяна

© 2005

Я. Бергер

О покойнике — либо хорошо, либо ничего, гласит народная мудрость. Но это о простом смертном. Те же, кто берет на себя ответственность за судьбы миллионов, тем самым отдают себя на их суд, живыми и мертвыми. Окончательный вердикт, конечно, выносит история, но и она прислушивается к мнению современников.

17 января сего года официальное агентство КНР Синьхуа сообщило, что в Пекине в возрасте 85 лет скончался товарищ Чжао Цзыян, долгое время страдавший от многочисленных заболеваний дыхательной и сердечно-сосудистой систем и неоднократно проходивший в связи с этим лечение в стационаре. Никаких сведений о том, кем был Чжао Цзыян на земле и чем вспомнят его потомки, ни в этом коротком и сухом коммюнике, ни в публикациях других средств массовой информации не приводилось. Слово "товарищ" означало лишь то, что до конца своих дней он оставался членом Коммунистической партии Китая.

29 января то же агентство информировало, что тело товарища Чжао Цзыяна было кремировано на кладбище Бабаошань, где хоронят останки выдающихся деятелей. В числе присутствовавших на церемонии прощания с телом были названы несколько лиц, которые "представляли руководство ЦК КПК" и выразили соболезнование родственникам покойного. В сообщении содержались также краткие биографические сведения о Чжао Цзыяне и его партийной и государственной карьере. Говорилось, что на первом этапе реформ и открытости товарищ Чжао Цзыян занимал "важные руководящие посты в ЦК КПК и государстве", хотя какие именно — не уточнялось. Отмечалось, что он "внес полезный вклад в дело партии и народа", но "совершил серьезные ошибки" во время политических волнений в конце весны — начале лета 1989 г. Сообщалось также, что ЦК КПК принимал необходимые меры по лечению Чжао Цзыяна и что в больнице его посетил товарищ Цзэн Цинхун, заместитель Председателя КНР. Венки были поднесены от канцелярий ЦК КПК и Госсовета КНР, от Отдела ЦК КПК и других ведомств и организаций.

Обнародованный неделей раньше Комиссией ЦК КПК по организации похорон Чжао Цзыяна некролог более информативен. Здесь пространно описаны основные вехи жизненного пути Чжао Цзыяна. Сказано, что в начале 1987 г. он, по предложению Дэн Сяопина, был избран исполняющим обязанности Генерального секретаря ЦК КПК, а в октябре того же года — Генеральным секретарем ЦК КПК и первым заместителем Председателя Военного совета ЦК КПК. Вклад Чжао Цзыяна в пролетарскую революцию, в социалистическое строительство в Китае и борьбу народов мира за коммунизм назван выдающимся и непреходящим. Касательно событий 1989 года отмечается, что в сложной обстановке международного и внутреннего противоборства, в ситуации идейной смуты внутри и вне партии, в период, определявший жизнь или

смерть партии и государства, Чжао Цзыян в своих суждениях и руководящих решениях разошелся с коллективным руководством партии. Покинув, по решению 4-го пленума ЦК КПК, руководящие посты в партии и государстве, он сохранил свой субъективный подход к событиям, но отказался принимать участие в развязанной в международном масштабе антикитайской, антикоммунистической и антисоциалистической кампании. Чжао Цзыян отверг предложение стать ее "духовным вождем", сохранил верность КПК, тесно сотрудничал с коллективным руководством партии во главе с Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао и содействовал единству партии.

В данной короткой заметке неуместно было бы разбирать подробно те или иные деяния Чжао Цзыяна, равно как и его соратников и оппонентов в период пребывания на высоких руководящих должностях в партии и государстве. Для такого дискурса понадобился бы совершенно иной формат. Но, исходя из того, что более или менее известно, можно попытаться составить представление, хотя бы эскизное, о его роли и месте в тех исторических свершениях, которые имели место в Китае в течение первого десятилетия проведения реформ.

С самого начала проведения реформистского курса Чжао Цзыян был в ряду тех руководящих деятелей Коммунистической партии Китая, которые осуществляли этот курс, и потому разделяет с ними его успехи, равно как и ответственность за неудачи. Что касается успехов, то хотя они хорошо известны и вряд ли нуждаются в дополнительных комментариях, тем не менее, специфика их персональной атрибуции требует некоторого уточнения.

В ряде особо панегирических откликов на кончину Чжао Цзыяна, прежде всего со стороны его бывших соратников и сотрудников по работе в Госсовете КНР в 1980-е годы, просматривается не только вполне оправданное желание отдать должную дань покойному, но и стремление несколько возвысить его вклад в экономические достижения Китая, а порой и представить его чуть ли не главным, если не единственным, их творцом. Так, бывший руководитель лаборатории комплексных исследований Института структурных экономических реформ Китая при Комитете структурных реформ Чэн Сяонун в интервью гонконгскому телевидению утверждал, что из всех китайских руководителей, с кем ему довелось встречаться, включая самого Чжао Цзыяна, а также Ли Пэна, Тянь Цзиюня, Чжу Жунцзи, Вэнь Цзябао, только первый располагал не только пониманием реальных проблем китайской экономики, но и определенными познаниями в западной экономической теории. Более того, он убежден, что именно Чжао Цзыяну, а не Дэн Сяопину должна принадлежать слава главного архитектора китайских реформ.¹

Конкретные аргументы в пользу таких оценок прописаны значительно менее определенно. В некоторых публикациях встречаются попытки приписать Чжао Цзыяну в бытность его руководителем провинции Сычуань приоритет во внедрении земельного подряда на селе, наряду с провинциальными руководителями провинции Аньхой, где, действительно, зародилась эта форма земельных отношений. Однако в других откликах такой приоритет не признается. С более вескими основаниями подчеркивается та роль, которую сыграл Чжао Цзыян в распространении идеи подряда на бюджетные отношения между центральными и местными властями. Но зато сама эта форма встречает в китайской экономической литературе далеко не однозначную оценку. С одной стороны, предоставление местным властям немалой финансовой независимости от центра, несомненно, во многом развязывало их инициативу, с другой — оно создало немало проблем, которые до сих пор осложняют взаимоотношения между центром и местами. Недаром позиция Чжао Цзыяна в этом отношении подвергалась серьезной критике со стороны ряда крупных китайских экономистов, включая У Цзинляня.

Ошибки и просчеты в экономической политике, осуществлявшейся Чжао Цзыяном когда он возглавлял правительство или ЦК КПК, перечислены в его собственном выступлении с самокритикой на 4-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва 22 июня 1989 г.² Экономический раздел занимает в документе сравнительно небольшое место, поскольку львиная доля самокритики, естественно, касается событий, непосредственно послуживших поводом для смещения Чжао Цзыяна. Тем не менее, он достаточно подробно отвечает на предъявляемые ему претензии и касательно экономического курса, частью их признавая, а частью отвергая.

Чжао Цзыян считал, что в целом ситуацию в китайской экономике до 1987 г. можно оценивать позитивно как следствие успешной политики реформ и открытости. К недостаткам, с его точки зрения, относилась, прежде всего, неспособность правительства контролировать объемы внепланового капитального строительства и слишком быстро возраставших фондов потребления. Чжао Цзыян признал также, что несет главную ответственность за инфляцию и панику на товарных рынках, ставшие следствием либерализации цен в 1988 г. Хотя в данном случае он, похоже, из тактических соображений несколько свою вину преувеличил. Решение по столь важному вопросу, как реформа механизма ценообразования не могло быть принято без санкции или прямого указания Дэн Сяопина.³

Но главные споры вокруг исторической роли Чжао Цзыяна ведутся совсем не в связи с достоинствами или недостатками его экономической политики, но, прежде всего, имея в виду его политические взгляды и поступки. Именно исходя из них, некоторые радикальные демократы называют Чжао “китайским Горбачевым”, подразумевая при этом, что он, получив абсолютную власть, был бы готов столь же бескомпромиссно разрушить коммунистический строй.

Чтобы точнее разобраться в политических ориентациях Чжао Цзыяна, лучше всего опираться все-таки на его собственные высказывания. Особенно примечательна в этом отношении запись беседы бывшего корреспондента агентства Синьхуа Ян Цишэна с Чжао Цзыяном в декабре 1996 г.⁴ В этом интервью Чжао предстает совсем не сторонником демократических принципов и свобод, но, напротив, защитником достаточно жестких, авторитарных методов управления обществом.

В середине 1980-х годов в Китае развернулась острая дискуссия о путях политического развития страны. Поборники безотлагательного преобразования политического режима по западным шаблонам спорили со сторонниками вновь возникшей концепции “нового авторитаризма” (*синь цюаньвэйчжун*). Главный смысл последней состоял в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызреть в стране постепенно, под покровительством сильной власти и даже сильной личности. Такой сильной личностью, по мнению некоторых адептов этой концепции, мог бы стать Чжао Цзыян.

В упомянутой выше беседе Чжао отрицает свою связь с идеологией “нового авторитаризма” и лично с У Цзясяном, одним из главных авторов этой концепции. Вместе с тем он с явным сочувствием приводит слова некоего тайваньского профессора, в точности отображавшего идеи “нового авторитаризма”. Обращаясь к студентам, прибывшим с континента, и подпавшим под очарование тайваньской демократии, он сказал им, что сегодняшняя демократия на Тайване не возникла бы, если бы сильная личность не обеспечивала в течение определенного времени стабильность и тем самым не способствовала бы экономическому развитию. Чжао Цзыян, по его словам, воспроизвел высказывание тайваньского профессора в одной из своих бесед с Дэн Сяопином. Выслушав пояснения Чжао по поводу “нового авторитаризма”, Дэн заметил, что

сам он вполне разделяет такой подход, но не рекомендует ссылаться на саму концепцию.

Чжао Цзыян сетует на ограниченность своей власти в бытность на высших государственных и партийных постах. Став Генеральным секретарем ЦК КПК, он не мог отстранить от должности ни заведующего отделом пропаганды, ни заведующего орготделом, с которыми конфликтовал. Кадровыми вопросами по поручению Дэн Сяопина занималась группа из шести человек во главе с Бо Ибо. Эта «шестерка» была подотчетна и Чэнь Юню. Два старца — Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, по словам Чжао, контролировали все и вся. Стоило им договориться между собой, — и любая проблема считалась улаженной. Третий старец — Ли Сяньнянь — имел влияние, но определяющей роли не играл. Так было и при Мао Цзэдуне. Такова восточная политика, таковы особенности китайской политики, и их не изменишь, философствует Чжао Цзыян.

Чрезмерная концентрация власти, по мнению Чжао Цзыяна, не соответствует рыночным отношениям, поэтому структурным преобразованиям в экономике должно сопутствовать реформирование политических структур, укрепление социалистической демократии, законности. Он выступает за прозрачность политической жизни, за повышение роли собраний народных представителей, за укрепление сотрудничества и консультаций коммунистической партии с другими партиями, за совершенствование системы выборов, за усиление контроля со стороны народа за деятельностью партии и правительства, за законодательные гарантии свободы слова, за разрешение законно санкционированных демонстраций.

Вместе с тем Чжао Цзыян признает, что такой стране, как Китай, со структурными политическими реформами слишком торопиться нельзя, двигаться нужно постепенно, сообразуясь с готовностью общества их принять. Для Китая необходимо руководство коммунистической партии и не приемлемы многопартийность и система разделения властей, построенные по западным шаблонам. Постоянная смена власти, как на Западе, в Китае, по убеждению Чжао Цзыяна, невозможна. Она неизбежно привела бы к смуте. Здесь он в точности воспроизводит слова Дэн Сяопина, сказанные им в беседе с Дж.Картером незадолго до XIII КПК, и соответствующий тезис, включенный в собственный доклад на этом съезде. Самого себя Чжао Цзыяна характеризует как противника левых в экономике и противника правых в политике, заявляя, что нельзя допускать, чтобы под демократическими лозунгами проводилась буржуазная либерализация, равно как и нельзя сдерживать развитие демократии и законности под предлогом борьбы с буржуазной либерализацией.

Такие высказывания свидетельствуют о том, что политические воззрения Чжао Цзыяна мало чем отличались от взглядов Дэн Сяопина и других его коллег в руководстве партии и вряд ли способны подкрепить суждения о нем как о потенциальном лидере и оплоте демократического диссидентства. Сам Чжао утверждает, что вплоть до событий 4 июня Дэн Сяопин ему доверял. Разрыв между ними, по его словам, был внезапным, в отличие от отношений с его предшественником на посту Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобаном, доверие к которому у Дэн Сяопина якобы убывало в течение длительного времени.

Расхождения в китайском руководстве по оценке демонстраций на площади Тяньаньмэнь хорошо известны. Чжао Цзыян стремился к мирному разрешению конфликта, полагая, что подавляющее большинство демонстрантов, требовавших усилить борьбу с коррупцией и провести политические реформы, не были антикоммунистами и лишь немногие из них стремились мутить воду и ловить рыбку в мутной воде. Большинство же руководства считало беспорядки программно организованными, имеющими, антипартийную и антисоциалистическую направленность и потому способными подорвать систему власти и об-

щественный строй в стране. Китайские лидеры во главе с Дэн Сяопином опасались возникновения массовых беспорядков по примеру "культурной революции" 1960-х годов. На карту могли быть поставлены судьбы политического строя, единства и будущего страны. То, что такие опасения не были безосновательными, подтвердилось произошедшим всего через полгода падением Берлинской стены и исчезновением с карты мира ГДР, кровавой расправой с правителем Румынии, а через совсем небольшой по историческим меркам срок — и крушением Советского Союза.

Чжао Цзыяну, к несчастью, не удалось предотвратить вооруженное подавление студенческих демонстраций. Но, к счастью для Китая, ему не довелось и сыграть роль китайского Горбачева. Стране пришлось заплатить немалую цену за Тяньаньмэньские события. Не говоря уже о человеческих жертвах, надолго были остановлены остросоциально необходимые реформы, не только политические, но и экономические, возобновившиеся только в 1992 г., после известной поездки Дэн Сяопина на юг. КНР на немалое время оказалась в международной изоляции, и потребовались немалые усилия, чтобы ее преодолеть. Однако было сохранено главное: целостность страны и ее способность решать задачи своего развития, сколь бы сложными и трудными они ни были.

В июне 4-й пленум ЦК КПК 13-го созыва одобрил доклад "Об ошибках товарища Чжао Цзыяна в антипартийной, антисоциалистической смуте". В докладе говорилось, что Чжао Цзыян в критический для партии и государства момент поддержал смуту и раскалывал партию. Пленум отстранил его от всех занимаемых им постов в партии и государстве, и следующие 16 лет Чжао Цзыяну пришлось провести под домашним арестом.

Но ему все же удалось избежать худшей судьбы. В конце июня 1989 г. на одном из заседаний Политбюро министр госбезопасности Ван Фан докладывал о связях Чжао Цзыяна и некоторых приближенных к нему лиц с фондом Сороса, который, по утверждению докладчика, контролировался ЦРУ и стремился свергнуть пролетарскую диктатуру в Китае. Заслушав доклад, некоторые члены Политбюро потребовали отдать Чжао Цзыяна под суд, а одного из его соратников Бао Туна — казнить. Доклад был разослан как секретный документ гражданскому и военному руководству провинциального и армейского уровня. Все лица и организации, пользовавшиеся средствами фонда Сороса, были подвергнуты строжайшим проверкам. Однако для Чжао Цзыяна все закончилось благополучно. К октябрю из официального перечня предъявлявшихся к нему претензий обвинение в покушении на пролетарскую диктатуру исчезло.

Бывший ближайший советник Чжао Цзыяна, директор Института структурных экономических реформ при Госсовете КНР и по совместительству китайский сопредседатель фонда Сороса в КНР Чэнь Ицзы рассказывает, как это произошло. Узнав о том, что происходит, он из Парижа направился к Соросу в США и посоветовал ему написать личное письмо Дэн Сяопину с копией Цзян Цзэминю, где разъяснить цели, источники средств и направления деятельности фонда. Сорос не только отправил такое письмо, но и обнародовал его содержание в интервью газете "Вашингтон пост", а также направил своего юридического советника в Пекин. Самому Чэнь Ицзы удалось опубликовать письмо Сороса в Китае, в информационном издании для внутреннего пользования.⁵ По словам упомянутого выше Чэнь Сяонуна, решающую роль в деле сыграло содержащееся в письме напоминание, что за деятельность фонда Сороса в Китае непосредственно отвечал заместитель министра безопасности, откуда следовало, что, если фонд будет признан филиалом ЦРУ, то соответственно таким же его филиалом становится и означенное министерство.

Сам Чжао Цзыян, касаясь этой проблемы в упомянутом выше интервью, подтверждает, что Институт структурных экономических реформ полу-

чал от фонда Сороса средства на свои исследования, но говорит, что сам он не знает, стоит ли за этим фондом ЦРУ. Мнения на этот счет двух министерств, отвечающих за государственную и общественную безопасность в Китае, разошлись: первое — признавало наличие между ними связи, второе — отрицало и оказывало фонду гостеприимство. Министерство госбезопасности в июле 1987 г. направило Чжао Цзыяну письмо, где Сорос характеризовался как антикоммунист, стоявший за событиями в Венгрии и поддерживавший польский профсоюз “Солидарность”. Чжао Цзыян направил это письмо в Институт структурных экономических реформ, порекомендовав им прекратить связи с фондом, чтобы еще больше не накалять и без того горячую атмосферу вокруг этого института.

В заключение коснемся еще одного важного аспекта данной темы. В июне 1999 г. Архив национальной безопасности США предал гласности документы Госдепартамента США о событиях на площади Тяньаньмэнь, в число которых вошли доклады ЦРУ о потенциальном политическом кризисе в Китае и телеграммы американского посольства в Пекине. К этой коллекции в 2001 г. добавилась подборка из сотен документов, похищенных из архивов КПК и проливавших беспрецедентный свет на процесс принятия решений в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, на политический статус китайского премьера, на роль старших лидеров КПК во главе с Дэн Сяопином и на решение применить вооруженную силу против демонстрантов.⁶

Из этих публикаций явствует, что администрация Буша-старшего проявляла большую озабоченность проблемой преемственности власти в КНР. Задолго до демонстраций на площади Тяньаньмэнь она придавала большое значение установлению тесных связей с военным руководством КНР, в т.ч. и ввиду слабой поддержки Чжао Цзыяна армией. Докладная записка ЦРУ от 9 февраля 1989 г. очень высоко оценивала вероятность возникновения политического кризиса в Китае, результатом которого могло стать смещение Чжао Цзыяна. Аналитики из ЦРУ ошиблись только в сроках: они полагали, что это произойдет в течение года-полтора, кризис же наступил намного раньше. Но зато они точно предсказали, что Дэн Сяопин вряд ли проявит готовность или способность спасти Чжао Цзыяна, если во время кризиса против него объединятся великовозрастные консерваторы, старцы в партии и офицеры армии и госбезопасности.

1. <http://hk.epochtimes.com/bh/5/1/27/n795482.htm>
2. Тянься луньтан. http://www.creaders.jrg/cgi-bin/gb_big5.cgi?src=/forums/politics/messages/301533.html 22 июня
3. Подробнее об этом см.: Бергер Я.М. Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае//Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5. С. 34
4. Эта запись, включенная в книгу: Ян Ци шэн. Чжунго гайгэ няндай ды чжэнчжи доучжэн [Политическая борьба в годы реформ в Китае]. Сянган: ЕРС, 2004. Перепечатана в январе 2005 г. гонконгским журналом “Цяньсяо”. <http://hk.epochtimes.com/bh/5/1/25/n792223.htm>
5. <http://hk.epochtimes.com/bh/5/2/13/n810877.htm>
6. The National security archive. The US “Tiananmen papers”. A National security archive electronic briefing book. Ed. by Evans M.I. 2001. June 4. <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB47/>

Российский Дальний Восток

Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС

© 2005

И. Троекурова

Анализируя место и роль России в мировой экономике, обычно исследуют внешнеэкономическую сферу, однако истоки решения многих проблем лежат внутри национальной экономики. Занять достойное место в мировой экономике XXI в. наша страна сможет, только существенно повысив эффективность использования экономического потенциала своих регионов.

Развитие российского Дальнего Востока является главным звеном в политике углубления интеграции нашей страны в экономику стран-членов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Однако в современных условиях для прогресса российского Дальнего Востока требуется либо значительное увеличение инвестиций из государственного бюджета, либо более активная интеграция в экономику АТЭС, чтобы стимулировать поступление зарубежных инвестиций.

Существует несколько моделей интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС.¹ Наиболее предпочтительной для нашей страны является научно-высокотехнологичная модель. Решение проблемы оптимального участия России в международном разделении труда в первые десятилетия XXI в. зависит от того, насколько отечественная экономика будет способна адаптироваться к быстро меняющейся среде в глобальном мире. Уже сейчас, а тем более в перспективе, позиции любого государства в мировой экономике вообще и в мирохозяйственных связях, в частности, во многом будут определяться потенциалом наукоемких отраслей, уровнем развития фундаментальной и прикладной науки. Однако ученые России по-прежнему не востребованы отечественной экономикой. В РФ сконцентрировано 10-12% научных кадров мира, и по численности ученых в 2002 г. она занимала 4-е место в мире (более 490 тыс.) после США (1,3 млн), КНР (810 тыс.), Японии (670 тыс.).

Объем мирового рынка наукоемкой продукции составляет 2,3 трлн долл., из них на США приходится 39%, Японию — 30%, Германию — 16%, Россию — менее 0,3%.² В сфере высокотехнологичного производства в мире выпуск наукоемкой продукции обеспечивают 50-55 макротехнологий, Россия обладает лишь 17.

Для того чтобы наша страна развернулась в сторону высоких технологий, нужны деньги. Они могут идти из двух источников: это доходы от сырье-

Троекурова Ирина Степановна, кандидат экономических наук., доцент Саратовской государственной академии права.

вого сектора и сбережения. Надежды на получение иностранных инвестиций в большом объеме до сих пор не оправдались, да они и не превышают 10-12% внутренних инвестиций. Известно, что в Китай иностранные инвесторы вкладывают более 50 млрд долл., но гораздо меньше знают о том, что там внутренние инвестиции составляют 550 млрд долл.³ В Россию иностранные инвестиции, в высокие технологии в том числе, придут, как только государство и бизнес сами начнут вкладывать в них собственные средства. Для этого должны быть созданы такие условия, чтобы доходы добывающих отраслей пошли в обрабатывающую промышленность, в том числе и на создание отраслей высоких технологий. Базой для производства должны послужить технологии российского оборонного комплекса. Только в этом успех, но он возможен лишь при условии наличия у власти промышленной политики. В противном случае все риски ложатся на бизнес. Но бизнес — это не благотворительная организация. Лишь соединение усилий властных структур и предпринимательства может обернуться успехом. Власть в этом случае должна определять приоритеты, создать ориентир движения и снять с него возможные политические риски. Власть также должна позаботиться о благоприятном климате на внешних рынках. Известно, что экспортно-сырьевые отрасли добились многого за рубежом благодаря помощи властей. Но нельзя привести ни одного примера из российской экономики, где бы власть помогла экспорту продукции гражданской обрабатывающей промышленности, как это происходит в той же Японии.⁴

Утвержденные 30 марта 2002 г. Президентом РФ «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» носят переломный характер в трансформации отечественной экономики. Отныне высшей целью государственной политики становится переход страны на инновационный путь развития на основе избранных приоритетов.

Главная цель научно-технического развития России — повышение конкурентоспособности страны, оптимизация ее участия в международном разделении труда, формирование эффективной международной специализации.

Основой выживания российского Дальнего Востока является необходимость производства конкурентоспособной продукции, причем конкуренцию он должен составлять не зауральским российским регионам, а нашим соседям — странам АТЭС. В основе развития этих стран лежат высокие технологии, поэтому высокотехнологичное производство (прежде всего эксклюзивной продукции) становится единственным условием роста дальневосточной экономики. И тут роль науки чрезвычайно велика. К чести дальневосточных ученых они обладают разработками в области высоких технологий.

Например, в Институте проблем морских технологий есть результаты в области автоматизированных подводных роботов с элементами искусственного интеллекта. Использование такого автономного необитаемого подводного аппарата позволяет проводить уникальные исследования и работы на глубине в 6-7 тысяч метров. В Биолого-почвенном институте найден способ получения трансгенного женьшеня. В Тихоокеанском институте биоорганической химии созданы уникальные медицинские препараты — гистохром (показания в кардиологии и офтальмологии) и коллагеназа (средство для лечения ожоговых и гнойных ран). В Амурском комплексном НИИ закончены лабораторные испытания биотехнологических методов извлечения тонкодисперсного золота с помощью бактериального выщелачивания упорных сульфидных руд и аккумуляции золота и сопутствующих металлов биомассой микроскопических грибов. Хабаровский институт водных и экологических проблем ожидает сертификации разработанных им стелек для обуви из сфагнумных материалов. Институт химии уже получил патенты на технологию разработки ильменитовых концентратов с получением высокочистого диоксида титана, используемого в производстве титановых белил, и новые селективные сор-

бенты и сорбционно-реагентные материалы очистки ЖРО от долгоживущих радионуклидов: цезия, стронция, кобальта и альфа-излучателей.

Перечислять можно до бесконечности. В одном только Дальневосточном отделении РАН накопилось 1,5 тыс. патентов.⁵ Но проблема не в количестве и качестве наработанных дальневосточной наукой технологиях, а в их внедрении в реальное производство. Главный тормоз в развитии инновационных процессов на Дальнем Востоке — отсутствие крупных, легальных, ориентированных на высокие технологии средств частного бизнеса. Даже перспективные направления в регионе осваиваются сторонними компаниями. В Приморье, к примеру, поиском алмазов занимается одно из структурных подразделений холдинга “Сибнефть”. Для иностранных заказчиков ДВО РАН изготавливает подводные необитаемые аппараты... поштучно за 300-400 тыс. долл, в то время как стоимость на мировом рынке уступающих им американских аналогов составляет около 5 млн долл.

Конкурентные преимущества РФ связаны с высоким научно-технологическим потенциалом в сфере информационных технологий и наличием квалифицированных кадров. В России в 2002 г. рынок информационных технологий составил около 4 млрд долл., что примерно на 30% больше, чем в 2001 г., и почти в 2 раза превышает уровень 1999 г.⁶ Хотелось бы отметить, что в Китае и Республике Корея объем экспорта информационных технологий составляет около 40 млрд долл. в год.⁷ Российский накопленный интеллектуальный потенциал оценивается в 100 млрд долл., но освоение интеллектуальной собственности возможно только в условиях создания экспортной продукции и завоевания собственной ниши на мировых рынках.⁸

На Дальнем Востоке создаются новые предприятия инновационной направленности. Несмотря на высокие затраты, высоконаучокоемкая продукция является конкурентоспособной на внутреннем и внешних рынках. Основа инновационной деятельности в техноэкополисе — Комсомольске-на-Амуре — авиационное производственное объединение, на котором продолжается выпуск современных военных самолетов и осваиваются гражданские образцы. Особенность его — высокая доля собственных технологических разработок. Это позволяет не только реализовывать ренту по интеллекту, созданную в специализированных КБ, но и создавать ее самим. В настоящее время здесь производится до 70% деталей и комплектующих изделий самолета. Объединение является крупнейшим поставщиком комплектующих изделий для авиационных заводов России. Мощная научно-техническая и опытно-конструкторская база позволяет ему приступить к проектированию и созданию самолетов нового поколения.⁹

На Дальнем Востоке апробирована современная, имеющая мировую известность, технология водочистки, основанная на методике закрепленных активных илов. В последние годы созданы технология эффективного строительства очистных сооружений; технология крекинговой и плазменно-факельной утилизации иловых накоплений с получением прекрасных удобрений; технологии плазменной утилизации бытовых отходов и утилизации накопившихся гигантских залежей золоотвалов тепловых электростанций. Они постоянно размываются дождями и также загрязняют акваторию залива Петра Великого и Японского моря.

Другой моделью интеграции России в АТЭС является сырьевая, связанная с освоением полезных ископаемых Дальневосточного региона. Экспорт сырья не является “злом” или уделом развивающихся стран — важную роль экспорт сырьевых товаров играет, например, в экономике Австралии, Канады и Норвегии.

Сегодня для России наиболее интересен опыт экономического развития Австралии, которая в 50-е гг. была отсталой страной периферии с зачаточной промышленностью и небольшим населением. Поскольку на равных конкурировать с бурно развивающейся индустриальной Японией Австралия не могла, было решено сделать ставку на поставку сырья в Японию. В то время как Персидский залив поставлял в Японию нефть, Австралия обеспечивала все ос-

тальное — железную руду, уголь, бокситы, фосфориты, лес, шерсть, хлопок и зерно. Средства от экспорта сырьевых товаров вкладывались в развитие секторов, обслуживающих внутренний рынок, — от пищевой промышленности и туризма до финансового сектора и машиностроения, что привело к некоторой диверсификации экспорта.¹⁰ И хотя до сих пор более 2/3 экспорта приходится на сырьевые товары, Австралия показывает самые высокие темпы роста среди развитых стран благодаря динамичному внутреннему рынку. Экономика Австралии — одна из самых конкурентоспособных в мире. Экономический подъем в этой стране продолжается уже более 13 лет подряд. Согласно прогнозам темпы прироста ВВП Австралии в 2004 г. составят 3,7%, а в 2005 г. — 4%, что превышает аналогичный средний показатель других стран-членов ОЭСР (3%).¹¹

После вхождения Китая в ВТО индустриализация страны вступила в качественно новую фазу. Страна становится вторым крупнейшим потребителем сырьевых товаров мира после США, опережая Японию. В начале 2003 г., например, Китай обогнал Японию по импорту железной руды (за последние четыре года в КНР выплавка стали увеличилась в 4 раза). В том же году Китай также обошел Японию в потреблении нефти, хотя благодаря собственной добыче по нефтяному импорту он пока занимает третье место в мире. Общий объем потребления нефти в КНР в 2003 г. превысил 240 млн т. По прогнозам китайских экспертов, в 2005 г. страна будет вынуждена ввозить 100 млн т нефти, в 2010 г. — 150 млн т.¹²

Современный Китай так же, как несколько десятилетий назад сначала Япония, а затем Тайвань и Республика Корея, входит в полосу металлоемкого промышленного развития. Однако масштабы китайской экономики (прежде всего из-за более чем 1,3 млрд населения) предполагают куда более серьезные последствия этого процесса для мировой экономики: развитие металлургии в Китае приводит к повышению мировых цен на железную руду, медь, глинозем, платину.

Как некогда Австралия в Японию, Россия может поставлять в Китай нефть, газ, металлы, лес, зерно (к традиционным экспортным отраслям может добавиться российское сельское хозяйство) и т.д. Правда, для наращивания экспорта потребуется реализация инфраструктурных проектов, таких как сооружение нефте- и газопроводов, строительство новых портов для диверсификации поставок сырья. Доходы же от сырьевого экспорта в период высоких цен на него могут реинвестироваться в России по австралийскому сценарию — в секторы, активно обслуживающие развивающийся внутренний рынок.¹³

Интересен опыт и других стран в использовании средств, полученных от экспорта нефти и газа

Использование “нефтегазодолларов” для инвестиций в промышленность (% от доходов)¹⁴

	1995 г.	1999г.	2003 г.	2004 г.
Бруней	90	93	93	95
Дания	70	72	76	80
Голландия	62	68	72	75
Норвегия	71	73	70	73
Алжир	62	65	65	70
Ливия	67	65	66	70
КНР	61	63	65	68
Саудовская Аравия	48	56	59	63
Туркмения	45	42	45	48
Азербайджан	36	37	40	42
Россия	38	42	37	40

Широкие перспективы для взаимовыгодного сотрудничества в рамках АТЭС открываются в сфере участия России в конструировании новой энергетической конфигурации в АТР. По прогнозам, в ближайшие 20 лет потребность в природном газе Японии, Республики Корея и Китая увеличится в четыре раза: со 120 млрд куб. м в 2000 г. до 500 млрд куб. м в 2020 г.¹⁵ Значительно увеличится потребность этих стран и в нефти. Однако Япония и Республика Корея почти не обладают собственными запасами энергоресурсов, а Китай имеет их в недостаточном количестве.

В 2000 г. нефтяные резервы в мире составляли 5,9 млрд баррелей, или 800 млн т, что соответствовало 90-дневному мировому потреблению, в т.ч. стратегические резервы — 1,3 млрд баррелей. США располагали резервами на 158 дней, Япония — на 161 день, Республика Корея — на 74 дня. У Китая стратегических запасов нефти практически не было.¹⁶

Разрыв между собственными запасами энергоресурсов и потребностями региона в них в этих странах будет увеличиваться. Россия готова внести свой существенный вклад в преодоление этого серьезного вызова хозяйственному благополучию стран АТЭС. Речь идет о формировании новой энергетической конфигурации прежде всего в Восточной Азии путем создания системы нефти и газопроводов, энергетических мостов, поставок судами сжиженного природного газа с российского Дальнего Востока, где имеются значительные запасы углеводородов.

По оценкам, представленным в прогнозе World Energy Outlook 2002, добыча нефти в России к 2010 г. достигнет 8,6 млн баррелей в день. До 2010 г. основной прирост добычи нефти будет в Западной Сибири, с 2020 г. — в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (в 2020 г. добыча достигнет 450-520 млн т, или 9,1 — 10,5 млн баррелей в день).¹⁷

Для успешного освоения углеводородных богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока необходимо создать систему нефте- и газопроводов, газоперерабатывающие, газохимические заводы и т.д. Необходимые затраты — около 55 млрд долл. инвестиций. Это ставит на повестку дня вопрос о расширении экономического сотрудничества со странами АТЭС, о привлечении иностранных капиталов в нефтегазовые проекты в упомянутые регионы.

После отрицательных заключений Минприроды на проекты нефтепровода от Ангарска (рассматривались два варианта: Ангарск-Дацин и Ангарск-Находка) "Транснефть" разработала маршрут Тайшет — Находка. В феврале 2004 г. Минприроды России одобрило этот вариант, позволяющий провести трубопровод на расстоянии 150 км от озера Байкал. Трасса пройдет по территории Иркутской, Читинской, Амурской областей, республики Бурятия, Еврейской автономной области, Хабаровского и Приморского краев. Ее протяженность 4130 км (Тайшет-Казачинское-Сковородино-Хабаровск-бухта Перевозная).¹⁸ Ожидается, что 15 декабря 2004 г. будет принято решение о строительстве нефтепроводной системы "Восточная Сибирь — Тихий океан". Мощность восточного нефтепровода по маршруту Тайшет-Перевозная намечается в объеме 80 млн т в год. При этом в случае принятия решения о прокладке ответвления нефтяной магистрали в Китай будет поставляться 30 млн т нефти. Сырье для загрузки системы в объеме 24 млн т планируется транспортировать из Западной Сибири, остальной объем — из Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия).¹⁹

Президент "Транснефти" С.Вайншток заявил, что если нефтепровод "Восточная Сибирь-Тихий океан" не будет построен, то месторождения Восточной Сибири "никогда не будут освоены". Дальше откладывать эту стройку никто не собирается — ведь строительство нефтепровода на восток с ответвлением в Китай предусмотрено Энергетической стратегией России до 2020 г.²⁰

Реализация проекта нефтепровода до Находки положила бы начало интеграции Сибири и Дальнего Востока в самый динамично развивающийся регион мира — Азиатско-Тихоокеанский. Российская нефть из Находки получила бы выход на любую страну Северо-Восточной Азии, более того, на Юго-Восточную Азию и на Америку. В перспективе по трассе нефтепровода можно было бы тянуть нитку газопровода, что еще более укрепило бы российские позиции в регионе. Более того: нефте- и газопроводы через КНДР в Республику Корея заложили бы прочную основу под политику сближения Севера и Юга, послужили бы дополнительной гарантией мира и безопасности на Корейском полуострове и в регионе СВА в целом.²¹

Пока решается вопрос с нефтепроводом, нефть в Китай пошла по железной дороге. В 2004 г. таким образом будет экспортировано 6,4 млн т нефти. В следующем году АО «Российские железные дороги» планирует перевезти в КНР 8,5 млн т. Но для того чтобы довести объем перевозок нефти до предполагаемых 20 млн т в год, российским железным дорогам необходимо инвестировать 40 млрд руб. в участок дороги от Ангарска до станции Забайкальская. Так что вопрос привлечения инвестиций из стран АТЭС является актуальным для любых проектов, так или иначе связанных с развитием нефтегазодобывающего и транспортного комплексов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Весьма перспективной представляется Программа Дальневосточного энергетического сообщества. Она позволит обеспечить природным газом страны СВА, соединить природные ресурсы России и рабочую силу Китая с производственным и финансовым потенциалом Японии и Республики Корея, диверсифицировать источники энергопотребления этих стран. Так, Япония, являясь крупнейшим импортером сжиженного газа, предложила протянуть трубопровод с Ковыктинского месторождения через Китай до Корейского полуострова, чтобы там сжигать российский газ и возить его танкерами в Японию (в 2001 г. ввоз составил 74,07 млрд куб. м.).²² По расчетам специалистов, потребность в природном газе только Японии, Республики Корея и Китая к 2010 г. составит более 180 млрд куб. м.²³

На саммите в Санкт-Петербурге в 2003 г. министр торговли США Дональд Эванс заявил буквально следующее: «США готовы открыть все свои терминалы на западном побережье, чтобы принимать российский сжиженный газ из Находки и Сахалина, но для этого нужно срочно создать индустрию по производству сжиженного природного газа».²⁴

Нефтегазовый консорциум Sakhalin Energy Investment Company Ltd. во главе с Royal Dutch Shell заключил контракт на сумму свыше 2 млрд долл. на строительство первого в России комплекса по производству сжиженного природного газа (СПГ) на Сахалине с консорциумом в составе японских корпораций Chiyoda и Toyo Engineering и российских предприятий «НИПИгазпереработка» и «Химэнерго». Комплекс будет построен на площади 490 га близ поселка Пригородное на берегу залива Анива. Он будет состоять из двух технологических линий мощностью 4,8 млн т в год каждая, что позволит стать ему самым крупным в мире.²⁵

Группа компаний, входящих в консорциум «Сахалин-1», в конце августа 2002 г. объявила, что считает целесообразным проект строительства газопровода в Японию с о. Сахалин. Компании Itochu, Marubeni и другие, входящие вместе с Exxon Mobil в этот международный консорциум, опубликовали итоги изучения проекта строительства газопровода. Его технико-экономическое обоснование подтвердило целесообразность поставок 8 млрд куб. м природного газа в год по проекту «Сахалин — 1». Соседние с Россией на востоке Япония, Китай и Республика Корея крайне заинтересованы в получении газа из-за рубежа; сжигание большого количества угля уже приводит к негативным эколого-

гическим последствиям для Японии. Так, в ее ухоженных парках на листьях появился легко заметный мертвенно-бледный налет — след кислотных дождей от выбросов китайской угольной гари.

Газопровод будет проложен по морскому дну от месторождения на северо-востоке сахалинского шельфа до о. Хоккайдо, затем пройдет в самом узком месте этого острова и далее по морскому дну вдоль тихоокеанского побережья о. Хоккайдо до полуострова Босо, прилегающего к зоне Большого Токио. Протяженность японского участка газопровода составит более 2,5 тыс. км, из них 1,44 тыс. км — от шельфа мыса Соя на севере о. Хоккайдо до пригородов Токио и 1,12 тыс. — до г. Ниигата (западное побережье о. Хонсю). Российский природный газ будет поступать на электростанции, газовым компаниям и другим японским потребителям.²⁶

Китай тоже нуждается в российском газе. По предварительным планам, с Ковыктинского месторождения до Республики Корея будет построен газопровод протяженностью 3960 км. Согласно предварительному ТЭО, подписанному ТНК-ВР с китайской CNPC и корейской KOGAS, в северо-восточный Китай планируется ежегодно поставлять 12 млрд куб. м газа, в Республику Корея — 10 млрд куб. м. На переговорах в мае 2004 г. Республика Корея подтвердила свои намерения начать покупку газа с 2008 г. В августе 2004 г. в китайской провинции Чжэцзян был запущен проект по строительству самой крупной в стране газовой электростанции. Он оценивается в 4,8 млрд долл. и ориентирован на поставки именно российского газа. Планируется, что ежегодно электростанция будет перерабатывать около 800 млн куб м топлива.²⁷

Постоянно увеличивается потребность китайской экономики в электроэнергии, причем к 2020 г. по сравнению с 2000 г. ее потребление увеличится в 5 раз.²⁸ Потенциал рек Дальнего Востока оценивается в 350–400 млрд кВт/ч годовой выработки. Современная же степень его освоения составляет всего 3,3%. Гарантированное производство электроэнергии на не зависимых от топливной конъюнктуры гидроэлектростанциях должно составить к 2006 году 12,2 млрд кВт/ч (27,7% от суммарного производства электроэнергии), к 2010 г. — 18,2 млрд кВт/ч (36%).

Дефицит электроэнергии в Китае составляет 100–150 млрд кВт/ч в год. В этих условиях Китай проявляет значительный интерес к импорту электроэнергии из России, в первую очередь вырабатываемую каскадом ГЭС на Ангаре и Енисее и электростанциями Амурской области.²⁹

Китайцы ведут переговоры с РАО “ЕЭС России” об импорте более 5 млрд кВт/ч электроэнергии в год, в том числе 1,2–1,3 млрд в свои северо-восточные провинции. Благоприятные перспективы для экспорта электроэнергии с Дальнего Востока в Китай открылись с пуском в эксплуатацию в июне 2003 г. Бурейской ГЭС.³⁰ В первом приближении масштабы экспорта электроэнергии из восточных регионов России в страны СВА можно оценить следующим образом: к 2010 г. — 20–22 млрд кВт/час, к 2020 г. — до 50–60 млрд кВт/час.³¹

При осуществлении всех нефтегазовых и электроэнергетических проектов нельзя забывать и о российских национальных интересах. Так, например, при прокладке новых линий электропередач из Восточной Сибири необходимо учесть интересы энергодефицитных районов Дальнего Востока.

Япония нуждается в угле. Ежегодный импорт угля в эту страну составляет 134 млн т, а Россия экспортирует туда всего лишь 8 млн т. Развитие Эльгинского месторождения в Республике Саха (Якутия) должно увеличить экспорт до 15 млн т., причем ожидаемые объемы экспорта в 2010 г. составят 559,5 млн долл. Развитие угольных разрезов “Нерюнгринского”, “Денисовского”, “Чульмаканского” позволит также увеличить ожидаемые объемы экспорта с 236,4 млн долл. в 2005 г. до 834,5 млн долл. в 2010 г.³² Министерством энерге-

тики поставлена задача освоения таких перспективных месторождений угля на Дальнем Востоке, как Ерквецкое, Лучегорское и Павловское.

Согласно Энергетической стратегии России на период до 2020 года, принятой в конце 2003 г., к 2020 г. объемы приращенных мощностей по добыче нефти в регионе составят примерно 5%, аналогичный показатель по газу достигнет 15%, а по угля — 12%. Таким образом, уже через несколько лет Дальний Восток обеспечит энергоресурсами не только себя: он сможет значительно расширить экспорт. В свою очередь, его жители окажутся в самом центре торгово-экономических связей — с другими регионами России и странами АТЭС.³³

Большое место в структуре экспорта Дальнего Востока занимает товарная позиция “черные и цветные металлы”. Достоинно сожаления, что за последние десять лет мировые инвестиционные потоки, направляемые в минерально-сырьевой комплекс, миновали Россию. За этот же период за рубежом только в новые горнорудные проекты по добыче золота, меди, свинца и цинка вложено около 70 млрд долл., в России — не более 20 млн долл., т.е. оцениваемая в 1/3 от мировой минерально-сырьевая возможность России привлекла не более 0,3% инвестиционных ресурсов.³⁴ Таким образом, потребности мирового рынка по многим видам минерального сырья обеспечиваются без привлечения минерально-сырьевых ресурсов нашей страны. В условиях глобализации это означает, что другие государства с минерально-сырьевым потенциалом усиленно занимают международный рынок. В своей политике Россия обязана не только учитывать конъюнктуру рынка, но и делать практические шаги.

Развитие минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока предусматривает освоение в Республике Саха (Якутия) золоторудных месторождений (Куранахского рудного поля, “Неждановского”, “Кючус”) с ожидаемым объемом экспорта в 2005 г. 246,8 млн долл. и свинцово-серебряного месторождения “Прогноз” с ожидаемым объемом экспорта 59 млн долл., разработку месторождения редкоземельных металлов “Томтор” с объемом экспорта в 2005 г. 10 млн долл., организацию металлургического производства сурьмы на базе Сарылахской обогатительной фабрики с ожидаемым объемом экспорта в 2005 г. 1,1 млн долл.

В Хабаровском крае внимание уделяется освоению Правоурмийского месторождения оловянных руд с ожидаемым объемом экспорта в 2005 г. 2,0 млн долл., а в 2010 г. — 6 млн долл.

В Амурской области благодаря освоению Гаринского железорудного месторождения ожидаемый объем экспорта в 2010 г. составит 284 млн долл.³⁵

Еврейская автономная область получила предложение от корпорации Sumitomo на поставку в Японию 2 тыс. т. брусита с Кульдурского месторождения. Этот огнеупорный материал будет использоваться в основном на предприятиях электротехнической промышленности Японии. Кульдурское месторождение — единственное в России (в мире их два — в США и в РФ). Запасы брусита в ЕАО превышают 15 млн т., добыча ведется открытым способом.³⁶

В последнее время немало говорится о необходимости инвестиций в лесопромышленный комплекс с целью развития этой перспективной отрасли, которую по доходам в бюджет планируется поставить в один ряд с нефтедобычей и металлургией. Только экспорт лесной продукции при эффективной организации бизнеса может увеличиться до 20-30 млрд долл. в год, что вполне сопоставимо с российскими экспортными поставками нефти и газа и выше объема экспорта металлургической промышленности (в последние годы объем экспорта лесной продукции не превышает 5 млрд долл.).

Сейчас на экспорт с Дальнего Востока отправляется более 60% всей произведенной лесопромышленной отраслью продукции. Однако в основном вывозится кругляк — продукция самого низкого передела, подобно тому, как в нефтяной отрасли экспортируется сырая нефть, а не нефтепродукты.³⁷

Продолжающийся рост экономики Китая вызывает рост потребностей в лесных продуктах: потребление древесины в стране в 2002 г. составило 143 млн куб. м. К 2010 г. потребление лесоматериалов в этой стране может подняться до 260-290 млн куб. м. Китайские закупки круглого леса, пиломатериалов и фанеры в 1998-2002 гг. увеличились в 3,7 раза — до 30,4 млн куб. м, в т.ч. кругляка — более чем в 5 раз (до 24,3 млн куб. м.). Доля российской древесины с Дальнего Востока в поставках круглого леса в Китай в 2002 г. повысилась почти до 61% с 33% в 1998 г. По импорту лесоматериалов Китай в 2002 г. опередил Японию, которая была их главным импортером.³⁸

Нужно учиться ориентироваться в меняющихся экономических условиях и использовать новые шансы. Ведь в России уже шесть лет назад узнали, что Китай сократил вырубки своих лесов. Так надо было разрабатывать свою политику в области заготовок российского леса (ведь это ресурс возобновляемый), но на выгодных для страны условиях, а не дожидаться, когда китайцы ринутся скупать российский лес за бесценок.

Сообщение о повышении Россией вывозных таможенных пошлин на круглые лесоматериалы сориентировало ряд китайских компаний, работающих на Дальнем Востоке, разместить мощности по лесопилению на российской территории, чтобы избежать дополнительных расходов. Так, на очередных переговорах китайская сторона заявила об участии в создании целлюлозно-бумажного комбината в Хабаровском крае мощностью 500 тыс. т. сульфатной целлюлозы в год, в Амурской области — предприятий по заготовке древесины.³⁹

Рыбаки Дальневосточного региона работают с самыми разными иностранными рынками. Так, рыбу и морепродукты дальневосточники вывозят не только в Китай, республику Корея, Японию, но и в США, Норвегию, Германию, Сингапур, Канаду, на Багамские острова и Кипр. Самые крупные импортеры рыбной продукции с Дальнего Востока — Республика Корея, Китай, Япония и США.

По данным официальной статистики на Приморский край приходится самая большая доля экспорта рыбы и морепродуктов — в январе-марте 2002 г экспорт составил около 62 929 т общей стоимостью 55 069 тыс. долл. На втором месте — Камчатская область (на указанную дату экспорт составил 27 690 т) на третьем — Сахалинская область (24 092 т), Магаданская область и Хабаровский край — по 10 тыс. на сумму около 12 966 тыс. долл.⁴⁰

В Хабаровском крае планируется увеличение производства консервированной и свежемороженой рыбной продукции, выпуска икры сельди с ожидаемым объемом экспорта с 4,7 млн долл. в 2005 г. до 10,4 млн долл. в 2010 г.

Давно известны высказывания, будто топливно-сырьевой экспорт низводит Россию в разряд второстепенных стран. Но ни одна из развитых стран мира, имеющая избыток тех же энергоносителей, не считает для себя зазорным поставлять их в большом количестве на мировой рынок. Так, Великобритания или Норвегия в 2002 г. экспортировали вместе 265 млн т. сырой нефти — почти в полтора раза больше России. В 2001 г. на нефть и газ в Норвегии приходилось 23% ВВП и около 45% экспорта.⁴¹

Сами по себе эти показатели вовсе не свидетельствуют о сырьевой зависимости перечисленных стран. Ту же Норвегию можно считать "сырьевой" лишь с большой натяжкой, поскольку там огромные финансовые ресурсы вкладываются в развитие новых технологий, машиностроения, в создание морских платформ для добычи нефти.

Мощный ТЭК с огромным экспортным потенциалом — не слабость, а благо для России, дарованное не только природой, но и созданное трудом многих миллионов россиян. Главное — не разбазаривать его, больше опираться на него при развитии несырьевых, прежде всего высокотехнологичных отраслей, при подъеме социальной сферы, как это имеет место в развитых странах.

Еще одной моделью интеграции России в АТЭС и особенно в СВА является миграционная. По данным ООН, к 2025 г. в России произойдет падение возрастных категорий населения от 15 до 64 лет на 10-20% с еще более сильным сокращением в последующие десятилетия.⁴² Это также относится и к российскому Дальнему Востоку.

На начало 2002 г. на Дальнем Востоке официально проживало 7038, 1 тыс. человек, что менее 5% населения РФ. Десять лет назад, в 1991 г., когда регион достиг максимальной численности населения, дальневосточников было около 8, 1 млн человек. Потеря за десятилетие более миллиона человек в масштабах Дальнего Востока сравнима с исчезновением жителей всей Амурской области.⁴³

Перепись населения 2002 г. зафиксировала уменьшение численности населения в Дальневосточном регионе на 15,9%, а население Магаданской области и Чукотского автономного округа только за 10 лет в результате миграции сократилось с 543 тыс. человек в 1989 г. до 303 тыс. человек к 2002 г., т.е. в 1,8 раза.

Миграция стала характерной чертой не только XX, но и XXI века. Экономически сильные страны (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) не только не сдерживают миграционные потоки, но и стимулируют их. Ведь это выгодно как самим иммигрантам, так и странам, их принимающим. Если Россия сегодня живет по законам, единым для развития всей цивилизации, то и для нее трудовая иммиграция должна стать нормой. Хотим мы этого или не хотим, но в дальнейшем так и будет.

Массированная атака политиков, силовых структур, СМИ на сознание жителей Дальнего Востока (и страны в целом) привела к формированию абсолютно искаженных представлений о масштабах китайского присутствия на востоке России. Уже на 1993 г. число китайцев, временно проживавших на территории Дальнего Востока, оценивалось прессой в пределах от 100 тыс. до 2 млн человек, а применительно к Сибири и Дальнему Востоку — от 1 до 5 млн человек.

Всего в России в настоящее время находится, видимо, несколько сот тысяч китайцев. Из них от 50 до 70 тыс. осели в Москве, являющейся наиболее привлекательным для них плацдармом зарабатывания денег. На Дальнем Востоке проживает 25-30 тыс. китайцев. Среди них 10-12 тыс. контрактных рабочих, от 10 до 15 тыс. торговцев, несколько сот студентов и столько же бизнесменов средней руки.⁴⁴

Во всех странах, привлекающих на свою территорию трудовых иммигрантов, существуют законы, регламентирующие жизнь каждого человека, пересекающего границу страны. Чтобы проживать и трудиться в стране, надо несколько лет продемонстрировать свою законопослушность и лояльность, знать язык и традиции страны пребывания. Конечно же, эти требования должны выполняться и китайцами, желающими жить и работать в нашей стране.

Российский стратегический миграционный удел — это прием иммигрантов, а потому нужны не барьеры, а умная политика расселения этих людей. Взять тех же китайцев: их надо расселять равномерно, перемежая места их компактного проживания общинами корейцев, вьетнамцев и т.д. Если Россия считает восточные пространства стратегически важными, надо удержаться на уровне норм “связанности” территорий — человеческой, транспортной и прочих. В рамках межправительственного соглашения можно переселять китайских крестьян в согласованные места на территории России для ведения сельского хозяйства. Все это надо хорошо продумать, создать органы, которые непосредственно будут заниматься этими вопросами и действовать соответственно.

В современных условиях иммиграция выгодна России, особенно ее дальневосточному региону. Импорт рабочей силы из Китая покрывает нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве.

Для России появление китайской рабочей силы в деревне могло бы стимулировать развитие трудоемких производств, пришедших в последние годы в упадок, включая производство овощей и ягод. Практика найма китайских рабочих для выращивания овощей уже достаточно укрепилась на российском Дальнем Востоке. Местные жители даже при высоком уровне безработицы не нанимаются на эти виды работ, а китайцы работают, зарабатывают какие-то деньги и

чаще всего возвращаются на родину. Привлекая дешевую и усердную рабочую силу, можно быстро возродить товарное производство картофеля и овощей при невысоких издержках. При низкой покупательной способности населения России ставка на механизацию этих отраслей на основе импорта оборудования и техники или производства отечественных машин может оказаться неэффективной, так как рост издержек даже при росте урожайности не сделает отрасль прибыльной.

Стоит подумать об использовании опыта США: нанимать китайцев на цивилизованных условиях и жестко контролировать их численность без каких-либо возможностей натурализоваться, предоставлять созданным под государственным контролем сельхозпредприятиям (с неизменным участием россиян в их руководстве) неиспользуемые земли. При реализации рационального подхода можно было бы закрыть потребности “завозного” региона.

Плановое временное перемещение избыточной рабочей силы на российский Дальний Восток из приграничных провинций Китая сможет не только смягчить, но и решить проблему дефицита трудовых ресурсов, поскольку он не может быть компенсирован ни за счет внутренней миграции, ни за счет миграции из стран СНГ. Однако нужна хорошо продуманная, просчитанная на перспективу и экономически обоснованная миграционная политика, жесткое правовое регулирование этого процесса. Без государственного контроля здесь просто не обойтись.

В современных условиях, когда государственный суверенитет РФ на Дальнем Востоке и необходимость сохранения и усиления этого региона не вызывает сомнений, надо сделать все возможное для его экономического и стратегического развития. Конечно же, в первую очередь необходимо стимулировать закрепление ныне живущих россиян на Дальнем Востоке и обеспечить приток российского населения в этот регион. Затем создать систему привлечения иммигрантов из-за рубежа, в т.ч. и из Китая, нужных профессий и возрастов. В США, Австралии и других странах предпочтение отдается тем иммигрантам, которые вложили в национальную экономику значительные средства. Этот опыт можно было бы использовать и на территории российского Дальнего Востока (например, 20-40 тыс. долларов в зависимости от отрасли вложения капитала с каждого иммигранта). Так же было бы правильно установить для иммигрантов испытательные сроки проживания на территории России от года до трех лет и регулировать их расселение, особенно по дальневосточному региону.

Без импорта рабочей силы российский Дальний Восток не поднять, поэтому надо разработать и начать реализовывать новую миграционную политику, принять такие нормативные акты, которые будут охранять интересы россиян и российского государства.

Китайская миграция уже стала важным фактором дальневосточной жизни. Как у любого явления, у нее есть положительные и отрицательные стороны. Огромный позитивный потенциал, который заложен в этой иммиграции, используется сейчас на российском Дальнем Востоке крайне неэффективно. Однако при умелом подходе иммиграция может стать источником дешевой, дисциплинированной и квалифицированной рабочей силы, средством ускоренного социально-экономического развития. Программой долгосрочного развития Приморья предусматривается уже к 2010 г. привлечь для работы в крае 500 тыс. иностранных, в основном китайских, рабочих.⁴⁵

Одной из перспективных форм интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС и привлечения инвестиций в экономику региона является зональная (очаговая) модель, т.е. формирование свободных (особых) экономических зон. Теоретически СЭЗ являются как бы буфером между рыночной и нерыночной (переходной) экономиками, выполняя роль своеобразной модели с особыми «правилами игры».

СЭЗ «Находка» расположена в нижней части Приморского края на берегу Японского моря в относительной близости от многих крупнейших деловых центров Азиатско-Тихоокеанского региона и рынков сбыта.

Целями создания СЭЗ являлись: развитие торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами, обеспечение благоприятных условий для привлечения иностранного капитала, технологии и управленческого опыта, а также потенциала предприятий к решению задач социально-экономического развития Дальнего Востока, комплексное освоение его природных ресурсов, увеличение экспортных возможностей региона и страны в целом, развитие производства высококачественной импортозамещающей продукции, трансконтинентального транзита, отработка новых форм хозяйствования в условиях перехода к рыночной экономике.

На 1 января 2003 г. в СЭЗ «Находка» было зарегистрировано 288 предприятий с иностранными инвестициями, только в 2002 г. в СЭЗ поступило 1051,1 тыс. долл. и 89285,1 тыс. руб. инвестиций. Основными инвесторами являются Китай, Республика Корея, США, Австралия и Япония.⁴⁶ На территории СЭЗ работают представительства фирм и компаний: «Сумитомо Корпорейшн», «Си Ленд Сервис Интернэшнл», «Шеврон Интернэшнл», «Марубени Корпорейшн». Действующие предприятия представляют 7 ведущих отраслей экономики.

В СЭЗ «Находка» создаются условия для развития российско-корейского индустриального комплекса (технопарка). Первоначально этот парк собирались разместить на площади более 300 гектаров, но теперь решено начать с 20.

Предполагалось, что там будут построены объекты внутренней инфраструктуры на участке 19,8 га. В проекте должны были принять участие 100-150 компаний из Республики Корея, разместив в технополисе производство электронных и электротехнических изделий, одежды и рыбопродукции и создав 15 тыс. рабочих мест, на которые планировалось пригласить бывших шахтеров Партизанска и отставных военных г.Фокино.⁴⁷ Затем на территории технопарка планировалось наладить процесс внедрения высоких российских и южнокорейских технологий с участием РАН. Ожидаемый объем инвестиций южнокорейских фирм — 800 млн долл., выпуск готовой продукции — 2 млрд долл. в год.

«Корейский» парк не означает, что там не смогут осуществлять инвестиции компании других стран. Китайская сторона, например, проявляет интерес к доработке в зоне своей продукции для получения российского сертификата происхождения (из-за квот) с последующей поставкой ее на рынки развитых стран.

За то время, что шли переговоры по российско-корейскому технопарку, корейская сторона уже построила четыре парка: в Китае — два, идут работы во Вьетнаме и на Филиппинах. Если Россия потеряет время, этот парк построят в Северной Корее.⁴⁸

Создание высокотехнологичных производств даст «Находке» уникальный шанс стать одним из мировых центров логистики, загрузить Транссиб, закрепить позиции российских компаний на рынке транспортных услуг побережья Японского моря и составить конкуренцию существующим южным морским маршрутам и транспортным коридорам, которые альтернативны российским.

В течение последних лет СЭЗ «Находка» фактически функционирует без нормативной базы. По своим масштабам она не подходит под положение Указа Президента РФ «О свободных экономических зонах», в котором внима-

ние уделено микроразнообразию. Экспериментальный характер СЭЗ “Находка” проявляется в том, что здесь апробируется идея создания “свободных точечных режимов”.

Для отработки таких режимов в СЭЗ “Находка” избраны предприятия традиционных производств (транспортные, портовые услуги, рыбная промышленность, переработка экспортного сырья, судоремонт и малое судостроение).

Свободные точечные режимы уже начали создавать на ЖБР (жестяно-баночная фабрика), “Дальинтермет” (обработка металлолома и разделка судов), российско-японская фирма “ЭПСИ” (сборка принтеров для ЭВМ), “Южноморрыбфлот” (рыбная промышленность), порт “Восточный” (транспортные услуги).

По замыслу создателей, свободные точечные режимы должны интенсифицировать предпринимательскую деятельность в СЭЗ (глобально) и стимулировать заинтересованность конкретных предприятий в повышении эффективности своей деятельности. По расчетам, создание свободного склада и свободных точечных режимов на “Дальинтермете” составит при действующей мощности 1,1 млн долл., при проектной мощности в 120 тыс. т в год — 11 млн долл.

Сегодня вопрос о функционировании СЭЗ “Находка” принимает принципиальное значение для дальнейшего развития российского Дальнего Востока и отношений со странами АТЭС. Более 12 лет СЭЗ находится в неопределенном состоянии и правительству России необходимо сказать свое окончательное “да” в отношении СЭЗ “Находка”. Постоянные трения со службами таможни, налогового управления, невозможность гибко и быстро решать вопросы, связанные с иностранными инвестициями как на правительственном уровне, так и на местном, подрывают доверие иностранного инвестора не только к СЭЗ “Находка”, но и к политике правительства России вообще.

Продолжением идеи о необходимости свободных экономических зон является одобренная Правительством РФ концепция федерального закона “Об особых экономических зонах в Российской Федерации”. Концепция предусматривает создание особых экономических зон двух типов — промышленно-производственных площадью не более 10 кв. км и технико-внедренческие — на территории, не превышающей 1 кв. км. Первый тип предназначен для освоения передовой промышленной продукции с объемом инвестиций в проекте не менее 10 млн евро, второй является “инкубатором” авангардных идей и технологий. Территория ОЭЗ может не совпадать с территориями административно-территориальных образований (она может располагаться на нескольких из них).

Независимо от вида зоны налоговые льготы инвесторы будут получать под конкретный проект и только в границах той территории, где он реализуется. Резиденты ОЭЗ будут освобождены от таможенных пошлин на оборудование и материалы, используемые в рамках проекта, а администрация территорий может снизить или отменить налоги на прибыль, имущество и землю.

ОЭЗ нового типа появятся в России уже в 2005 г., а конкурс по заявкам может быть проведен в I квартале 2005 г. Предполагается создать вначале две-три особых экономических зоны каждого типа.⁴⁹

Возможна еще одна модель перспективного развития Дальнего Востока, предполагающая сохранение уникальной природы региона и превращение его в обширную зону отдыха и уникального туризма для перенаселенных и уставших от цивилизации Америки и Азии. Преимущество этой модели видится в том, что она подходит к развитию региона с позиций коэволюции природы и человека, с учетом фактора экологической выживаемости российского Дальнего Востока и его вклада в экологическую безопасность всей планеты.

По данным международных финансовых институтов, туризм в течение второй половины XX столетия уверенно удерживал одно из ведущих мест в ежегодных показателях валового финансового оборота мирового рынка. На долю туризма в целом приходилось 10,8% мирового ВВП. В мире в этой сфере

работает примерно 8% всех занятых — это 200 млн человек. Только доходная часть туризма в конце прошлого столетия ежегодно составляла 300–350 млрд долл. в год, а количество путешественников — 600–650 млн человек. По прогнозам ВТО, высокие темпы роста туризма (в 90-е гг. XX в. рост составлял 7% в год) сохранятся до 2020 г. К этому времени туристические потоки возрастут более чем в 2 раза, а доходы от туризма — в 4 раза — с 476 млрд долл. в 2000 г. до почти 2 трлн. долл. в 2020 г.⁵⁰

К 2020 г. страны Северо-Восточной Азии ждет настоящий туристический бум: число туристов может составить 1,6 млрд человек, причем около 267 млн из них туристы из Японии, Республики Корея и Китая.⁵¹

Туризм — это одна из немногих отраслей экономики, способных давать весомый приток иностранной валюты без вывоза каких-либо материальных ценностей. Более того, хорошо известен мультипликативный эффект туризма. Путешественник не только платит деньги за путевку и авиаперелет, но и питается, покупает сувениры, ездит на такси и т.д. По данным всемирной туристической организации, каждые 30 туристов, приезжающих в страну, способствуют созданию одного прямого и двух сопряженных рабочих мест за счет развития транспорта (автобусы, дороги, автозаправки), строительства (гостиницы, развлекательные комплексы, охотничье-рыболовные базы), производства продуктов питания, оказания бытовых услуг. Расширение туризма и сопряженных с ним видов занятости является особенно благоприятным фактором для периферийных районов, где на счету каждое рабочее место. Это касается прежде всего российского Дальнего Востока.⁵²

К тому же для Дальнего Востока, где организация любого производства проблематична из-за высокой себестоимости, именно развитие внутреннего и въездного туризма может стать серьезным экономическим подспорьем, а для некоторых территорий так и спасением. Сегодня это многие понимают, вот только прежде чем стать “курочкой, несущей золотые яйца”, туристическая отрасль сама должна получить серьезные инвестиции.

Очевидно, что в силу географических условий российский Дальний Восток не может претендовать на массовый въезд с целью летнего отдыха. Но он может предложить множество других разнообразных маршрутов. В настоящее время все большую популярность в мире приобретают экономический, спортивный, исторический и познавательный туризм. Россия вполне имеет шанс занять достойное место на этих направлениях.

Сегодня китайцы составляют в Азии вторую по численности группу туристов. Ошибается тот, кто считает гостей из Китая бедными туристами. В Таиланде, например, они расходуют в сутки в среднем 107 долл. на душу и только ненамного отстают от американцев (110 долл.), далеко обгоняют немцев (69 долл.), австралийцев (97 долл.) или японцев (101 долл.).⁵³

Для сравнения: каждый иностранный турист оставляет в России в среднем 100–150 долл. в день. Наиболее щедры японцы — до 300 долл. в день. Они же очень активны и любознательны. Более экономны американцы — они готовы тратить до 80–150 долл. в день. Конечно, мы хотели бы, чтобы к нам больше ездили жители именно этих благополучных стран. Однако для такого рода туристов нужны условия — дешевые (до 50 долл. в сутки), но комфортные гостиницы туристического класса с полным набором услуг.

Уже есть первый серьезный “взнос” в развитие туристической отрасли Камчатской области. И сделали это не российские бизнесмены, а международные экологические организации. С июля 2002 г. на Камчатке началась реализация Проекта программы развития ООН и Глобального экологического фонда под названием “Сохранение биоразнообразия на примере четырех охраняемых территорий Камчатской области”. Это один из крупнейших в РФ проектов эко-

логической направленности. Он ставит задачу решения вопросов в комплексе: создание администраций охраняемых территорий, инфраструктуры, экологическое обучение, организация туризма и создание альтернативных источников существования для местного населения. Речь идет о Кроноцком заповеднике, Южно-Камчатском заказнике, Быстринском и Налычевском природных парках.

Одним из направлений проекта является создание устойчивого механизма финансирования территорий, независимо от состояния федерального и местного бюджетов. Это уникальный механизм, который никогда до сих пор в России не работал. Создается трастовый фонд, который будет инвестировать деньги в высокоэффективные проекты, полученная прибыль будет направляться на развитие охраняемых территорий. Объем выделенных на эти цели средств внушительный — 2,1 млн долл. на первые два года выделил Глобальный экологический фонд, 3 млн долл. в качестве софинансирования предоставило канадское правительство. Предполагается привлечь еще не менее 3 млн из местных и федеральных источников, общественных организаций, Всемирного фонда дикой природы (WWF). В общей сложности объем финансирования программы сохранения и развития камчатских природных парков составит порядка 10 млн долл.

Для развития туризма ощутимую пользу принесут такие простые, но необходимые вещи, как выпуск большим тиражом красочных качественных буклетов и информационных брошюр, создание специального интернет-сайта о российском Дальнем Востоке, восстановление деятельности иностранных представительств по туризму.

Отсутствие за рубежом рекламы страны в целом и отдельных ее регионов в частности сдерживает развитие въездного туризма в Россию. Между тем в мире есть примеры того, как позитивная реакция властной и предпринимательской элиты сыграла решающую роль в росте международного туристического потенциала целого ряда стран. Когда стало ясно, что дальнейшее развитие этих государств невозможно в сфере товарного производства или экспортно-сырьевой ориентации, была найдена другая альтернатива для привлечения значительных капиталов и поднятия всей социально-экономической инфраструктуры. Ее усмотрели именно в въездном туризме и не ошиблись. В Греции, на Мальте, Кипре, в Турции, Австрии, Испании, в ряде стран Ближнего Востока, Персидского залива, Юго-Восточной Азии и Южной Америки он сегодня приносит от 30 до 60% ВВП. В странах, получающих от туризма большие доходы, на рекламу из госбюджета тратится до 40 млн долл. в год, а в РФ в 2001 г. на эти цели выделили всего 140 тыс. руб.⁴

Основные усилия по созданию инфраструктуры туризма должны направляться в те регионы, где расходы будут относительно низки, а отдача велика. Это в первую очередь Хабаровский край, Амурская область, Приморье и Камчатка, спрос на которые у иностранных туристов особенно велик.

Все приведенные модели в большей или меньшей степени имеют право на существование, обладают своими преимуществами и слабыми местами. Общим у них является одно: потребность в государственном участии, централизованном финансировании и зарубежных инвестициях. Только используя все это, российский Дальний Восток действительно сможет интегрироваться в регион стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

-
1. Михеев В. Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 31.
 2. Минько С. В. Инновации как фактор совершенствования международной специализации России // БИКИ. 2004 г. № 35-36. С. 2.
 3. Ивантер В. Сырьевой флюс // Деловые люди. 2003. № 144. С. 56.

4. Там же. С. 57.
5. Рогов Ю. Науку заказывали? //Дальневосточный капитал. 2002. № 4. С. 13-14.
6. Мостеров И. Факторы развития "новой экономики" в России //Экономист. 2003. № 2. С. 10.
7. Горнов С., Купинский М. Е-Россия //Деловые люди. 2001. № 129. С. 58.
8. Евтушенков В. Что может экспортировать Россия? // Экономика России — XXI век. 2002. № 3. С. 18.
9. Заусаев В., Быстрицкий С., Ефременко Е., Бурдакова Г. Технопарковые структуры в региональном развитии //Экономист. 2003. № 3. С. 69.
10. Кошкаров А. Сырьевая эпоха //Эксперт. 2003. № 37. С. 54.
11. Австралия: высокий уровень развития инновационных технологий //БИКИ. 2004 г. № 43. С.4.
12. Китай увеличивает ввоз нефти // КОРИНФ. 2004 г. № 8. С. 10.
13. Кошкаров А. Сырьевая эпоха //Эксперт. 2003. № 37. С. 57.
14. Деньги в рост. Промышленный // Экономика и жизнь. 2004. № 30. С. 3.
15. Ощепков И. Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай //Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 5. С. 80.
16. Бергер Я. Об энергетической стратегии Китая //Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 136.
17. Состояние и перспективы энергетического сектора экономики России // БИКИ. 2003. № 140. С. 1.
18. Баскаев К. Азиатских "тигров" кормят нефтью //Нефть России. 2004. № 7. С. 114.
19. Котов В. Восточный маршрут //Труд. 2004. 19 ноября. С. 5.
20. Труд. 19 ноября 2004. С. 5.
21. Симония Н. Японский контекст: стратегия вовлечения //Деловые люди. Январь-февраль 2003. № 142-143.С.15.
22. БИКИ. № 93. 17 августа 2002 г. С. 13.
23. Мелехин Е.С. Прогноз использования возможностей АТЭС для освоения минерально-сырьевого потенциала Сибири и Дальнего Востока (в сборнике "Россия в АТЭС и в АТР") М., 2001. С. 179.
24. Дмитриевский А. Россия на мировом энергетическом рынке //Нефть России. 2004. № 8. С. 54.
25. Контракты на строительство комплекса СПГ на Сахалине //БИКИ. 2003. № 78. С. 10.
26. О проекте строительства газопровода от о.Сахалин в Японию //БИКИ. № 107. 2002. С. 3.
27. Калачева Л. Иркутская газовая закавка //Нефть России. 2004. № 11. С. 36.
28. Крупная электростанция на солнечной энергии //КОРИНФ. 2002. № 35. С. 18.
29. Ловушки либерализации (Китай и ВТО) /Михеев В.В., Потапов М.А., Андреева Н.В. и др. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2001. С.160.
30. Бурейской ГЭС добавили срок //Дальневосточный капитал. 2004. № 5. С. 11.
31. Кононов Ю.Д. Топливно-энергетический комплекс в Сибири и Дальнем Востоке: предпосылки и условия развития //Регион: экономика и социология. 2001. № 3. С. 139.
32. Минакир П., Деваева Е. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества //Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 86.
33. Дальний Восток станет видным экспортером ТЭК //Экономика и жизнь. 2004. № 8. С. 4.
34. Байкало-Амурская магистраль и хозяйственное освоение прилегающей территории//Внешнеэкономический бюллетень. 2002. № 10. С. 59.
35. Минакир П., Деваева Е. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества //Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 86.
36. О торгово-экономических отношениях России с Японией //БИКИ. 2003. № 25. С. 3.
37. Горнов В., Купинский М. Тайны русского леса // Деловые люди. 2002. № 139. С. 85.
38. Основные тенденции развития лесного рынка Китая //БИКИ. № 77. 2003. С. 6.
39. Эксперт. 2003. № 12. С. 75.

40. Ардалянова Е. Экспортный облик дальневосточной рыбки //Дальневосточный капитал. 2002. № 8. С. 52
41. Для Норвегии нефть — индустрия номер один //КОРИНФ. 2002. № 41. С. 18.
42. КОРИНФ. 2003. № 22. С.22.
43. Галушко Н. Кому здесь жить //Дальневосточный капитал. 2003. № 5. С. 15.
44. Ларин В. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья //Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 74-75.
45. Дальний Восток полюбил китайцев // Известия. 2004. 16 октября. С. 2.
46. Социально-экономическое развитие СЭЗ "Находка" в 2002 г. Стат. сборник. Владивосток, 2003. С. 8, 13.
47. Каукин И.В. Совместные инвестиционные проекты России и Республики Корея: надежды и реалии //Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации. М.: Дип. академия МИД России, 2001. С. 267.
48. Дробышева И. Самый восточный миф //Российская бизнес-газета. 2001. 3 июля. С. 3.
49. БИКИ. № 40. 2004. 8 апреля. С. 3.
50. Усова М. Путешествие на край земли //Дальневосточный капитал. 2002. № 5. С. 9.
51. Янаи Х. Азиатское нашествие //Дальневосточный капитал. 2002. № 5. С. 15.
52. Кузьмин С. Перспективы России в развитии современных мирохозяйственных тенденций //Экономист. 2002. № 1. С. 21-22.
53. КОРИНФ. 2002. № 31. С. 18.
54. Усова М. Путешествие на край земли //Дальневосточный капитал. 2002. № 5. С. 14.

Экономические взаимосвязи Забайкалья со странами СВА

© 2005

С. Грибова

Реальности сегодняшнего дня связывают проблемы интеграции России в мировую экономику с вопросами вхождения в международные экономические связи ее субъектов. И это не случайно. Первоначально вовлечение страны в мирохозяйственные связи опосредовалось внешнеэкономической деятельностью регионов. Регионы России, оказавшись в сложный реформенный период без поддержки Центра, в условиях развалившихся межрегиональных связей, отказа от госзаказа для ВПК, самостоятельно искали пути выхода из экономического кризиса. Проводимая рыночная трансформация не предусматривала региональной проекции, и, по словам руководителя группы экспертов при Президенте РФ в 1992–1993 гг. А.Я.Лившица: "Обострение региональных проблем застало нас врасплох — и ученых, и политиков, и общественность в целом". Региональная политика советского периода была встроена в административно-командную систему и нацелена не на использование преимуществ разнообразия регионов, а на подчинение судьбы регионов задачам тоталитарного государства. Региональные власти, опираясь на провозглашенную либерализацию ВЭД, активно включились в международные экономические связи, заменяя разорванные народнохозяйственные взаимоотношения на внешние, зарубежные. Для приграничных регионов внешнеэкономическая деятельность становится фактором поддержки экономики и вызывает надежды развитие внешней торговли, приток иностранных капиталов, технологий и оборудования. Одним из приграничных субъектов Российской Федерации является Читинская область.

Географическое положение области благоприятствует установлению международных экономических отношений. Это связано, прежде всего, с тем, что она находится в центре Евразии, на трансконтинентальном пути, связывающем страны Европейского союза и Северо-Восточной Азии. Читинская область относительно системы районирования Российской Федерации занимает юго-восток Восточной Сибири, который чаще именуют Забайкальем.

Окраинное положение Забайкалья способствует его сотрудничеству с экономическими регионами сопредельных государств. Так, рост тарифов в стране за период с начала перестройки составил 22000 раз. Если в доперестроичный период стоимость транспортировки 1 тонны груза на километр расстояния составляла 0,003 рубля, то в 1997 г. — почти 66 рублей. При этом темпы роста транспортного тарифа опережали темпы роста цен промышленной продукции. Это опережение составило величину более 8 раз. Например, по даль-

невосточным и забайкальским товарам разница в стоимости их транспортировки в случае поставки на экспорт и в центральные районы составила 3,3 раза.²

Эти обстоятельства обуславливают экономическое сотрудничество Читинской области со странами Северо-Восточной Азии³. Рассмотрим торгово-экономические связи Забайкалья со странами этого региона.

Таблица 1

Доля стран СВА в торговле Читинской области, (%)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2002	2003
Товарооборот	37,7	39,1	38,1	49,0	62,0	64,2	88,1	90,7
Экспорт	34,5	41,4	37,4	40,1	71,3	62,9	84,4	87,2
Импорт	45,4	33,3	39,8	69,9	36,2	52,7	95,2	94,6

Таможенная статистика свидетельствует о постоянном и значительном росте торговли со странами СВА. За последние восемь лет (1995-2003) доля торговли возросла с 37,7 до 90,7%, т.е. более чем в два раза. Стоимостной размер торговли составил 153 млн долл. в 2003 г., и увеличился за рассматриваемый восьмилетний период в два раза. Экспорт — 78 млн, а импорт — 75 млн долл. По существу, вся внешняя торговля Читинской области сводится к экспортно-импортным операциям с регионом СВА. А импортные поставки являются не просто преимущественными, а и единственно значимыми (94,5% от всего импорта).

Интересно посмотреть, с какими странами в этой группе область имеет более тесные торговые связи.

Таблица 2

Торговые связи Читинской области со странами СВА, (%)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2002	2003
Товарооборот-всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Китай	94,5	96,0	96,1	76,0	98,2	98,8	96,0	97,9
КНР	1,6	0,1	—	—	—	—	—	—
Монголия	1,9	2,9	2,2	1,2	1,1	0,8	3,5	2,1
Республика Корея	1,4	0,3	1,6	0,5	0,1	—	—	—
Япония	0,6	0,7	0,1	22,3	0,7	0,4	0,5	—

Анализ (Табл. 2) показывает, что основным торговым партнером Забайкалья является Китай, в объеме товарооборота он занимает подавляющую часть (97-99%). Другим заметным партнером представляется Монголия (1-3,0%).

Это не случайно, в своей южной части область граничит с КНР и Монголией. Протяженность государственной границы с Монголией — 800 км, с КНР — 850 км.⁴

Экономическое сотрудничество Забайкалья и Китая. Уровень контактности приграничных регионов определяется их экономическим развитием. В этом формате интересно рассмотрение Автономного района Внутренней Монголии (КНР). АРВМ превышает в 2,7 раза⁵ Читинскую область по территории и почти в 19 раз по численности населения. Территория АРВМ сопоставима с Сибирским федеральным округом (Дальневосточным), а по численности населения в 3 раза больше населения Дальнего Востока и Забайкалья. Поэтому уместнее сравнивать уровень экономического состояния нашего Забайкалья и АРВМ на базе душевых показателей.

Как видно из табл. 3, АРВМ уступает Забайкалью по производству угля, электроэнергии, древесины, по объему экспорта на душу населения. Значительно опережает по производству сельскохозяйственной продукции (сбору

зерновых, поголовью скота). Причем, если по численности населения АРВМ это опережение составляет почти 19 раз, то по сельхозпроизводству лишь в 2,0-3,5 раза, что свидетельствует о преимущественной занятости населения в сельском хозяйстве и о трудоемкости в этом секторе экономике. Любопытно, что в производстве стали АРВМ еще в 1990 г. уступал Забайкалью, к 1995 г. уже нагнал ее производство на душу населения, а к 2000 г. в одиннадцать раз опережал наш край.

Таблица 3

**Сравнительная характеристика экономического развития
Забайкалья и Автономного район Внутренняя Монголия,
(на душу населения, уровень Забайкалья принят за единицу)**

Показатели	1990	1995	2000
Население	16,35	17,58	18,87
Сбор зерновых	0,6	1,54	3,35
Поголовье скота	0,47	0,79	1,85
Производство угля	0,27	0,33	0,29
Производство электроэнергии	0,19	0,35	0,39
Производство стали	0,3	1,1	11,12
Производство древесины	0,08	0,31	0,37
Внешнеторговый оборот	0,42	0,34	1,07
Экспорт	0,52	0,26	0,68
Импорт	0,29	0,53	2,58

Источник: Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник за 2000 и 2001 гг. Чита, 2001; За 1990 и 1995 годы статистика Внутренней Монголии по: Нэмэнгу баньши чжинань [Деловой компас внутренней Монголии]. Пекин, 1997; Показатели 2000 года: Хулуньбэйрмэн яолань 2001 [Основные показатели Хулуньбуирского аймака]. Хайлар, 2001. Цит. по: А.Тарасов. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. С.130.

Сравнивая темпы роста сельскохозяйственного производства с темпами роста производства стали в АРВМ, можно констатировать процессы индустриализации этого сопредельного района Китая. И еще интересно соотношение экспортно-импортных показателей. Читинская область уступает в экспорте, но опережает по объему импорта на душу населения.

Внешнеторговые связи Читинской области с КНР осуществляются через китайские приграничные компании, расположенные в АРВМ. Несмотря на провозглашаемую открытость, российскому торговому бизнесу сложно проникнуть к непосредственным потребителям своей продукции на основе прямых связей. Торгово-экономические приграничные компании выступают посредниками в продвижении российских товаров на китайский рынок центральных и южных районов.

Экспортные поставки в Китай возрастают год от года (Табл. 4). Исключением явился лишь 1998 г., а за период с 1995 по 2003 г. объем вывоза увеличился с 43,9 млн долл. до 77,7 млн долл. В экспорте ведущее положение за рассматриваемый период занимали разные товары. В начале 90-х гг. это были минеральные удобрения. Величина годового вывоза составляла более 46 тыс. тонн на сумму 7 млн долл. США. В середине 90-х гг. стали преобладать черные и цветные металлы. Так, а 1997 г. в Китай было вывезено 173 тыс. тонн черных металлов на сумму 12 млн долл. и цветных металлов 24 тыс. тонн стоимостью 19 млн долл. Последние три года в экспорте в Китай стала преобла-

дать древесина и изделия из нее. В 2003 г. в КНР экспортировано лесоматериалов на сумму 63,5 млн долл. В соотношении обработанных и необработанных лесоматериалов наблюдается тенденция к увеличению доли первично обработанной продукции. Так, в 1996 г. это соотношение было 97,6% и 2,4% в пользу поставок круглого леса. В 2002 г. — 87,8 и 12,2.

Таблица 4

Соотношение обработанных и необработанных лесоматериалов в экспорте древесины из Читинской области за 1995-2000 гг.

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Древесина и изделия из нее всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Лесоматериалы необработанные	71,5	97,6	99,0	96,5	93,0	93,0	89,6	87,8
Лесоматериалы обработанные	24,9	2,4	1,0	3,5	3,0	7,0	10,4	12,2

Повышение степени обработки требует инвестиционных затрат, укрупнения агентов лесного рынка, способных эффективно освоить капиталовложения. Успешно функционирующих специализированных компаний нет. До 90-х гг. таковым было объединение «Читалес», имеющее 16 крупных леспромхозов.

Небольшие поставки, до одного процента общего объема экспорта, область включает в товарную группу «Продовольственные товары и сырье для их производства». В основном это семена рапса, овес. Неуклонно снижается удельный вес экспортных поставок машиностроительной продукции.

Таблица 5

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Экспорт, млн долл.	43,9	41,81	45,9	36,7	57,9	59,2	62,2	72,8	77,4
В % к предыдущему году	100	95,2	110,0	79,9	158,0	102,2	105,0	117,1	106,3
Доля в общем объеме экспорта области, %	33,4	40,0	37,1	39,6	70,5	74,0	73,7	83,2	86,7

Экспорт Читинской области в Китай 1995-2003 гг.

Большую озабоченность вызывает сужение номенклатуры поставок в Китай. По существу они сведены к поставкам древесины (82% от всего экспорта, области 2003 г.). Китай беден лесными ресурсами. На каждого китайца приходится в среднем 0,11га леса — это 13% мирового показателя. В 1998 г. китайское правительство начало осуществлять программу сохранения природных лесов, в то время как спрос на лесоматериалы постоянно растет, что приводит к увеличению их импорта.

Формы заготовок древесины сегодня не являются оптимальными, точно так же, как и сама ситуация на лесном трансграничном рынке, когда цену на лес устанавливает покупатель, крайне не удовлетворительна. В экспорте четко прослеживается тенденция сокращения числа стран, с которыми торгует область. Если в 1995 г. стран, для которых Забайкалье поставляло продукцию, было более 20, то в 2003 г. этих стран всего 5 (Табл. 6). И главным партнером здесь является КНР. Сравним ситуацию по данной позиции с сопредельным регионом — АРВМ.

Таблица 6

**Структура экспортных отношений АРВМ и Читинской области
со странами-партнерами в 2003 г.**

Государства, со- трудничающие с АРВМ	Доля в объеме экспорта* (%)	Государства, со- трудничающие с Чи- тинской областью	Доля в объеме экс- порта (%)
Россия	27,41	Китай	86,7
Япония	15,62	Франция	11,4
Сянган	12,05	Узбекистан	0,8
Республика Корея	8,22	Монголия	0,6
Монголия	4,48	Казахстан	0,2
США	4,32	Великобритания	0,2
Тайвань	4,10		
Италия	3,40		
Англия	3,0		
Франция	1,63		
Прочие	15,75	Прочие	0,1

¹ Данные за 1997 г.

* По данным Сибирского таможенного управления. Статист. отчет по Читинской обл. за 2003 г.

Мы наблюдаем здесь более десятка партнеров, и ни одна страна не притягивает более трети китайского рынка. Можно говорить о конкурентности китайского рынка экспортных поставок. Здесь, несмотря на приоритетность России (27,4%), нет довлеющего влияния потребителей, выбор остается за поставщиком.

Хронология импорта Забайкалья из КНР показывает стабильность доли ввоза товаров до 2000 г. (30-35%) и резкий рост в последующий период (65-90% в 2000—2003 гг.). Причина резкого возрастания не в увеличении объема поставок, а в снижении общей величины импорта в Забайкалье и сокращении числа иностранных поставщиков. Относительно стабильный импорт 1996-2001 гг. (13-16 млн долл.) свидетельствует об устойчивости той экономической ниши, которую занимает эта страна в потребительском спросе Читинской области. В 2003г. наблюдается увеличение китайского импорта (в 3 раза) и вытеснение других стран с рынка области. Доля Китая в общем объеме импорта региона составила 91,1%, т.е. 72,2 млн долл. Это наглядное нарастание импортной зависимости от одной страны также свидетельствует о потере маневренности на забайкальском рынке, о ценовом давлении. Еще недавно, два-три года назад, рынок овощей и фруктов был представлен продукцией из республик Средней Азии, сегодня и в этом секторе китайский товар теснит производителей из стран СНГ.

Таблица 7

Импорт Читинской области из КНР 1995-2003 гг.

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Импорт, млн долл	22,9	13,5	16,5	11,6	11,2	13,8	16,8	40,8	72,2
в % к предыдущему году	100	58,8	122,6	70,2	96,9	122,6	121,7	243,5	176,9
доля в общем объеме импорте области, %	42,0	28,7	36,2	31,3	35,7	65,8	73,7	88,5	91,1

Следует отметить, что китайцев постоянно заботило отрицательное сальдо в торговле с Россией и ее регионами, в частности с Забайкальем. В 1995 г. разница между экспортом и импортом составляла 21 млн долл., т.е. практически экспорт Забайкалья в КНР в два раза превосходил китайский импорт. Сегодня ситуация изменилась — в 2003 г. торговое сальдо составило всего 5 млн долл. в пользу забайкальских поставок (это всего 7% китайского импорта).

На протяжении всего периода (1995-2003) основную долю поставок из Китая составляли продовольственные товары и сырье для их производства — 50-65% на сумму в среднем 7-11 млн долл. ежегодно. Это — мясопродукты, картофель, томаты свежие, лук, чеснок, капуста, морковь, фрукты, орехи, бахчевые, цитрусовые, продукция мукомольно-крупяной промышленности, масло, жиры, соки, соусы, приправы и пр. Неизменным и постоянным компонентом импорта из Китая являются овощи и фрукты (Табл.8). Они гармонично дополняют потребительский рынок Забайкалья и труднозаменимы российскими производителями как по срокам поставок, так и по стоимости. Традиционными китайскими товарами являются чай и пряности.

Таблица 8

**Структура импорта продовольственных товаров
Читинской области из КНР (в%)**

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Мясо	12,9	1,99	11,17	9,92	3	—	7,2	9,3
Овощи	3,63	1,61	10,09	15,84	15,08	8,99	15,7	20,4
Фрукты	19,42	11,72	30,58	31,71	24,98	26,18	29,7	28,5
Чай	1,45	0,12	0,06	0,12	0,19	—	1,45	1,6
Арахис	—	—	0,17	0,63	15,6	15,9	25,3	8,9

Неизменно присутствует в импорте “Продукция ТЭК” (0,5-3,0% импорта КНР). Согласно товарной номенклатуре ВЭД сюда входит поставка цемента. Чаще он используется в близлежащих приграничных районах на строительных работах. Примерно в том же объеме завозится “Продукция НХК”. В основном это пластмассы и красители. В среднем сумма завоза 200-300 тыс. долл. в год. Возрастают по удельному весу и стоимости ввоза товарные группы — текстиль, одежда и обувь. В 2003 г. это составило 12,8% китайского импорта на сумму более 9 млн долл. Это обусловлено частично легализацией импорта за счет ужесточения по “челночным” каналам из Китая. Частично — в связи с сокращением бартерных сделок в результате укрепления рубля и повышения привлекательности рублевых расчетов, и как результат поставок более качественной и, следовательно, более дорогой, продукции на российский рынок, в Читинскую область.

Несомненно, интерес вызывают растущие поставки строительных материалов, машиностроительной продукции, металлических изделий. Эти поставки свидетельствуют об оживлении экономической жизни в регионе и отражают реализацию совместных российско-китайских инвестиционных проектов по созданию, в частности, приграничной инфраструктуры. В области развернулось жилищное и социальное строительство. Во многом строительные материалы на эти объекты поставляются из Китая.

Сравнивая страновую диверсификацию импорта Читинской области и Автономного района Внутренней Монголии (Табл.9) можно констатировать, что в отличие от АРВМ Забайкалье основательно зависит от китайских поставок. Таким образом, экономика АРВМ менее зависима от спроса в Читинской области, нежели экономика Забайкалья от китайской стороны.

Таблица 9

**Структура импортных отношений АРВМ и Читинской области
со странами-партнерами в 2003 г.**

Государства, сотрудничающие с АРВМ	Доля в объеме импорта* (%)	Государства, сотрудничающие с Читинской областью	Доля в объеме импорта (%)
Россия	39,7	Китай	91,1
Монголия	8,9	Монголия	3,5
Австралия	7,0	Германия	1,4
Япония	6,0	Великобритания	1,1
Италия	3,9	Франция	0,4
Англия	3,8	Швеция	0,5
Швеция	3,1	Польша	0,5
США	2,8	Италия	0,4
Республика Корея	2,8	Австралия	0,3
Германия	2,5	Украина	0,2
Прочие	19,4	Прочие	0,6

1 Данные за 1997 г.

** По данным Сибирского таможенного управления. Стат. учет по Читинской области за 2003 г.*

Сопоставление китайского экспорта и импорта на протяжении последних десяти лет позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, стабильно определилась та доля китайского импорта, которая относится к поставкам продовольственного сектора потребительского рынка. И в перспективе он является скорее комплементарным, а не субституциональным элементом потребительского рынка Забайкалья. Во-вторых, из поставщика потребительских товаров Китай превращается для Читинской области в поставщика инвестиционных товаров. Отсюда возрастающее значение торгово-экономических связей с китайским соседом. В-третьих, негативным представляется тот факт, что в торгово-экономических отношениях теряются связи с другими странами, во многом они замещаются сотрудничеством с Китайской Народной Республикой (91,1% внешнеторгового оборота области в 2003 г.) В-четвертых, сужается номенклатура забайкальского экспорта. По существу, она сводится к поставкам леса (82% экспорта области в 2003 г.), при этом основным покупателем выступает Китай, который на этом рынке выступает как монополющая покупатель, диктующий цену на товар.

Отсюда необходимость экономических воздействий на эту неблагоприятную ситуацию. Изменить однонаправленность экспорта одновременно невозможно. Здесь нужна программа действий по экономическому оздоровлению экономики Забайкалья в целом, очевидно в первую очередь в тех ее секторах, которые имеют традиционную направленность — сельское хозяйство в части овцеводства, выращивания зерновых на юге области. И это направление сегодня и усиливается в экономике региона. Другое традиционное для области направление — горнодобывающая отрасль. Здесь также отмечается оживление. Несомненно, в дальнейшем они смогут укрепить экспортный потенциал и увеличить его товарную номенклатуру. Но это длительный и капиталоемкий процесс.

В ближайшей перспективе облагораживание экспорта видится в более рациональных и эффективных поставках лесопродукции, углубление степени ее переработки. С этой целью необходимы новые производственные мощности и оборудование, которое может обеспечить обработку древесины в соответствии с мировыми стандартами. Производственные мощности дореформенного

периода потеряны — частью пришли в физическую и моральную негодность, частью расхищены. Надежды на китайские инвестиции в лесопереработку не оправдались, поскольку в приграничных районах Китая созданы лесоперерабатывающие предприятия, работающие на базе российского леса. Китайские предприниматели готовы были инвестировать только лесозаготовки, покупку трелевочной техники, лесопил и др. Поэтому успехом можно считать инвестиционное соглашение о строительстве целлюлозного комбината в пос. Армазар (Могочинский район) по производству набеленной древесины со стопроцентной поставкой конечной продукции в КНР. Мощность производства — 400 тыс. тонн в год.

Но очевидно и другое — эти шаги недостаточны. В настоящее время рынок представлен десятками мелких фирм-лесозаготовителей, численность сотрудников которых до 10 человек. При этом трудно заметить те предприятия, которые функционировали бы более года, а способы заготовки не носили бы хищнического характера и криминальную направленность — быстро срубил, быстро продал, фирмы больше нет. Следующая регистрация — уже под другим названием. Поэтому оптимизация лесной торговли с Китаем требует институционализации рынка. Появления либо крупных партнеров в лице единой компании, с разветвленной сетью хозрасчетных единиц (вариант китайской организации), либо путем создания объединений региональной властью, ассоциациями предпринимателей, объединяющих усилия поставщиков и формирующих скоординированную ценовую политику (вариант картельного соглашения). Еще один вариант рыночной организации — организация товарной биржи по продаже леса. Последняя вариация имеет место в практике Хабаровского края и, на наш взгляд, может действовать в рамках всего приграничного Востока России.

Каналом сотрудничества Читинской области и Китая с давних пор являются *международные перевозки грузов и пассажиров*. Забайкальская железная дорога одной из первых в области стала пользоваться возможностями либерализации внешнеэкономических отношений. Это касалось не только товарных поставок, но и широкого привлечения китайских рабочих для строительства социальных объектов, ремонта путей и выполнения погрузочно-разгрузочных работ. Международные перевозки обеспечивают торгово-экономические связи и отражают их динамику. Наблюдается увеличение приема и передачи внешнеторговых грузов на главном железнодорожном переходе Забайкальск-Маньчжурия. Здесь сосредоточивается до 75% грузов из КНР и до 50% в КНР, без учета транзита. По данным отчетов Управления Забайкальской железной дороги, в 1999 г. экспортные перевозки составили 3,9 млн тонн, в 2003 г уже 9,2 млн т., растет и перевозка транзитных грузов. В настоящее время пока только рассматриваются проекты строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Северо-Восточная Азия. Поэтому между ОАО «РЖД» и «ЮКОС» с одной стороны, и китайскими компаниями CNPC и Sinopec, с другой, заключен двухгодичный контракт на поставку 6,5 млн т. нефти в 2004 г., и 9 млн тонн нефти в 2005 г.⁶ Этот контракт почти на 35% (в 2004 г.) увеличивал объем перевозок в российско-китайском направлении.

Заметную конкуренцию по пассажирским перевозкам составляет сегодня автомобильный транспорт. С 1 декабря 2002 года открыто регулярное движение международных автобусов по маршрутам: Забайкальск-Маньчжурия, Борзя-Маньчжурия, Чита-Маньчжурия. Количество автотранспортных средств пересекающих границу увеличилось за пять лет (1998-2002) на 30%, автобусов на 20%.

В последнее время заметны усилившиеся устремления китайцев к завоеванию приоритетов в сфере автомобильных грузопассажирских перевозок.

Это уже почувствовали российские автоперевозчики, работающие в соответствии с соглашением, подписанным РФ и КНР в 1992 г. Однако после вступления Китая в ВТО и ратификации им Конвенции о дорожном движении, власти Китая могут в нужный им момент запретить въезд российских перевозчиков, не имеющих международных сертификатов технического осмотра, на территорию своей страны. Тем самым могут устранить российских перевозчиков с этого конкурентного рынка. Уже сегодня из общего числа автобусов пересекающих российско-китайскую границу на читинском участке (62438 единиц в 2002 г.) 67% (42323 ед.) китайские.

Новой динамично развивающейся формой приграничных экономических связей между областью и северо-восточными провинциями Китая является *инвестиционное сотрудничество*. Начало плодотворному сотрудничеству положено на строительстве объектов приграничной инфраструктуры. На паритетных началах построен и в 2001 г. введен в эксплуатацию мост через реку Аргунь в районе Олочи (РФ) — Шивей (КНР). Проектируется аналогичный по конструкционному решению и финансированию (50 : 50) мост через реку Амур в районе Покровка (РФ) — Лагухэ (КНР), который позволит увеличить пропускную способность границы для восточных районов области и соседней Амурской области. А также обеспечит значительное сокращение затрат в сообщении сопредельных административных районов Читинской области (Могочинского, Каларского, Тунгиро-Олекминского) и северных провинций Китая. Основное назначение мостов — устранить ненадежные и дорогостоящие паромные переправы и обеспечить круглогодичное сообщение между соседними странами. В перспективе мостовой переход через Амур будет функционировать не только как автомобильный, но и как железнодорожный. Это откроет новый доступ к лесам Забайкалья.

В ближайшем будущем будет создан еще один объект приграничной инфраструктуры — Российско-китайский приграничный торговый комплекс “Забайкальск” (РКПТК). С российской стороны центром РКПТК будет поселок Забайкальск, с китайской стороны город Маньчжурия. На территории комплекса предполагается строительство пункта пропуска с пограничным, таможенным и санитарным контролем. А также сооружение делового центра со смотровыми залами для выставочных образцов по международным торгам, гостиницей, таможенным складом, магазинами мелкооптовой торговли, автостоянками. Предусматривается строительство помещения администрации торгового комплекса. В перспективе намечается создание производственной зоны в рамках РКПТК. Появляются в области и объекты, основанные на чисто китайском капитале. В начале 2004 г. введен в эксплуатацию торговый комплекс “Сяян” в центре Читы. Он явился своего рода пилотным проектом для китайских инвесторов. На примере этого сотрудничества появились предложения с китайской стороны на сооружение торгового комплекса строительных материалов, возведение гостиницы.

Общий объем иностранных инвестиций в Читинской области на 1.01.2003 г. составляет 7177,2 тыс. долл. и 6579,1 тыс. руб.⁷ Наибольший удельный вес из объема накопленных рублевых инвестиций за 2002-2003 гг. приходится на Китай (85,0%-5592,15 тыс. руб.). Поступление иностранных инвестиций в основном осуществляется через совместные предприятия. В создании таких предприятий приняли участие инвесторы из 13 стран мира. Наибольшее количество совместных предприятий создано с партнерами из Китайской Народной Республики (в 2003 г. — 70,8%). Сфера деятельности предприятий — заготовка и переработка древесины, производство и переработка сельхозпродукции, торговля, строительство.

Китай испытывает острый недостаток пахотной площади и пресной воды, сдерживающей развитие земледелия. Зоны пустыни продолжают распространение по китайской территории со средней скоростью 10400 кв. м. в год. Сегодня площадь пустынь составляет 2,67 млн кв. км, т.е. 27,9% всей территории КНР. В пограничном АРВМ планируется ограничить сельскохозяйственную деятельность на 2 млн га угодий и полностью исключить из оборота фуражного производства 66,7 тыс. га земли.

Одновременно в Забайкалье имеются заброшенные, неиспользованные земли. Возможно, в будущем получит распространение аренда земельных участков в Забайкалье китайскими сельскохозяйственными предприятиями. В 90-е годы китайскими организациями велись переговоры по аренде земельных участков в приграничном Приаргунском районе Читинской области, где существуют благоприятные условия для выращивания зерна⁸.

Перспективной сферой сотрудничества области является *туризм*. Благодаря посещениям российских шоп-туристов, процветают поселения приграничных районов Китая. Неузнаваемым по своей привлекательности стал город Маньчжурия. Из города с одноэтажными неказистыми зданиями, с небогатыми улицами и единственным видом транспорта — рикшами, он превратился в современный китайский город с 200 тыс. населением, с развитой сетью ресторанов, кафе, гостиниц, торговыми домами, с многоэтажными домами и широкими проспектами. Данные таблицы 10 свидетельствуют о значительном росте числа туристов. В 2002 г. наблюдается снижение, но число граждан, пересекающих границу, не стало меньше, изменились декларируемые цели поездок. Увеличилось число посещений с указанием цели “служебная” и “частная”. “Шоп”-туризм как таковой стал изживать себя: изменились экономические условия. Все большее значение стал приобретать познавательный характер, туризм с целью отдыха и развлечений.

Таблица 10

Численность российских и китайских граждан, пересекающих границу на читинском участке с указанием цели — туризм

	1998	1999	2000	2001	2002
Численность, чел	187110	235693	319319	224638	113864
Рост числа туристов, %	100	125,9	170,6	120,0	60,8

К сожалению, нужно признать, наша инфраструктурная база оказалась не готова к такому переходу. В области наблюдается острая потребность в создании современного гостиничного фонда, расширения бытового обслуживания индустрии развлечений. Следует отметить, что на этот инвестиционный спрос откликаются сегодня и китайские и российские инвесторы.

Сотрудничество Читинской области и Монголии. К Читинской области прилегают малонаселенные районы Монголии — Хэнтийский, Восточный, Селенгинский аймаки. поголовье скота на душу населения каждого аймака значительно превосходит аналогичный показатель в Забайкалье (табл. 11). Это сельскохозяйственные районы. Впрочем, их экономическая направленность принципиально не отличается от экономической специализации Монголии в целом. Основу экономики страны составляет сельское хозяйство. Эта отрасль производит 40% ВВП. Приоритетное внимание уделяется животноводству, которое дает большую часть всей сельскохозяйственной продукции. Животноводство считается самой важной отраслью в сельском хозяйстве Монголии и более рентабельной, нежели земледелие. Продукция животноводческой отрасли помимо внутреннего потребления активно идет на экспорт и составляет его ос-

новную статью. Общее поголовье скота в 1998 г. достигло рекордного показателя в 32,9 млн голов. На сегодняшний день поголовье скота насчитывает около 30 млн голов. По мнению монгольских специалистов, рациональное использование пастбищных угодий позволит повысить поголовье скота до 60 млн голов.

Таблица 11

**Экономическая характеристика Читинской области
и сопредельных районов Монголии в 2001 г.**

	Территория (кв. м.)	Население (чел.)	Плотность населения (чел. на 1 кв.м.)	Поголовье скота (ед. на душу)	Посевные площади (га на душу)
Читинская область*	431500	1227000	2,8	0,72	0,28
Хэнтийский аймак	80300	72600	0,9	15,8	1,26
Восточный аймак	123500	84581	0,7	7,0	*
Селенгинский аймак	41100	106287	2,58	4,8	2,86

* За 2002 г. Читинская область в цифрах. Стат. ежегодник. Стат. сб. Чита: Облкомстат. 2003. С.5, 219, 216.

Несмотря на общемировую тенденцию последних десятилетий, связанную с переходом от пастбищных к интенсивно-промышленным откормочным методам ведения животноводства, в стране по-прежнему преобладает кочевое скотоводство. Это связано как с еще сохранившимся традиционным укладом жизни сельского населения и наличием до последнего времени достаточного количества пастбищных угодий, так и с экономическими факторами - относительно небольшими материальными и финансовыми затратами на производство экологически чистой конечной продукции.

Монгольское животноводство имеет значительный потенциал, способный обеспечить не только продовольственную безопасность страны, но и нужды экспорта. В этом формате особое значение приобретает развертывание торгово-экономических отношений с зарубежными странами. Сегодня встает вопрос о восстановлении традиционных партнерских связей Монголии с Россией. По данным Национального статистического Управления Монголии, в 2001 г. ее общий внешнеторговый оборот составил 940 млн долларов США, из них экспорт составил 385,2 млн долл., а импорт 534,8 млн долл. Главными торговыми партнерами Монголии явились КНР (40% товарооборота), Россия (22,3%), США (10%), Япония (8%), Южная Корея (5%). В последнее время особое развитие получила монголо-китайская торговля. Так, в 2001 г. она составила 380 млн долл. США. Рост этих отношений произошел за счет переориентации монгольского экспорта на своего южного соседа. В настоящее время китайский бизнес проникает практически во все сферы экономики Монголии. Китайские власти всестороннее поддерживают своих предпринимателей.

Россия также заинтересована в развертывании экономических отношений с Монголией. Ведь до 1992 г. монгольская экономика была практически полностью ориентирована на Советский Союз, и объемы двухсторонней торговли достигали 1,2 млрд долл. в год. Только в городе Чойбалсан в 70-х годах по программе Совета Экономической Взаимопомощи были построены Чойбалсанская ТЭЦ, ковровая фабрика, фабрика первичной обработки шерсти, молочный за-

вод, завод комбикормов и другие предприятия. СССР оказывал технико-экономическую помощь при освоении целинных земель (1959) и развитию земледелия как самостоятельная отрасль народного хозяйства Монголии. Возобновлению взаимовыгодных отношений был посвящен официальный визит президента Российской Федерации В. Путина в Монголию 13-14 ноября 2000 г.

На общем фоне дружеских отношений оживились традиционные торгово-экономические отношения Читинской области с Монголией. В 2003 г. внешнеторговый оборот вырос более, чем в два раза по сравнению с 1995 г. и составил 3250,3 тыс. долл. Экспорт 2002 г., так и не достиг уровня 1995 г. (94%), его сумма равнялась 1012,3 тыс. долл., а в 2003 г. резко снизился до 492 тыс. долл. (таблица 13). Область поставляет в Монголию зерно и мукомольную продукцию, резкое падение объясняется засухой в Забайкалье в 2003 г. Импорт, поступивший из этой страны, вырос в девять раз по сравнению с 1995 г., и по стоимости составил 2758,7 тыс. долл. Импорт был представлен качественной поставкой дешевого монгольского мяса. В условиях близости и невысоких транспортных издержек монгольский экспорт этой продукции реально востребован в Читинской области.

Таблица 12

Динамика внешней торговли Читинской области с Монголией 1995-2003 гг. (%)

Показатели	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Внешнеторговый оборот- всего	100	120,6	104,8	77,5	54,1	38,2	24,8	295,8	235,7
Экспорт	100	98,7	39,2	84,2	71,3	11,9	20,8	94,1	45,7
Импорт	100	194,4	352,6	32,1	27,5	131,8	39,2	10 раз	9 раз

Рассматривая соотношение экспорта и импорта за последние девять лет (1995-2003), можно отметить превалирование экспорта. Исключение составляют 1997, 2000, 2002 гг. в эти годы более 70% товарооборота приходилось на импортные поставки. В 1997 г. основу ввоза в область составила машиностроительная продукция — электрооборудование, тракторы, тепловозы, автобусы, грузовые автомобили, автомобили специального назначения. В 2000 -2003 гг. — импорт мяса.

Структура экспорта Читинской области в Монголию характеризуется неравномерностью поставок по товарным группам. К постоянным можно отнести поставки продовольственных товаров, продукции нефтехимического комплекса, металлов и изделий из них, машиностроительной продукции. Монгольский импорт сводится к поставкам мяса. В условиях экономического оживления это крайне актуально. Ряд забайкальских мясоперерабатывающих предприятий, расположенных в непосредственной близости от монгольской границы, изначально были ориентированы на поставки сырья из Монголии. Это такие крупные мяскокомбинаты как Борзинский, Нерчинский, Читинский. Годы реформ разрушили прежние связи. Восстановление объемов производства требует восстановления и сырьевых баз. С другой стороны, и монгольская сторона заинтересована в партнерстве. Ближайший мясоперерабатывающий комбинат находится в городе Чойбалсан. Начиная с июля стада животных из приграничных сомонов начинают перегонять в направлении Чойбалсана для забоя. А это около четырехсот километров. Наиболее выгодным усматривается вариант перегона монгольского скота из приграничных районов Монголии на российскую территорию. Ближайшие перспективы сотрудничества с монгольской стороной видятся именно в этом направлении.

Резюмируя анализ внешнеэкономических связей Забайкалья со странами СВА можно констатировать следующее:

- надежды приграничных регионов на либерализацию внешнеэкономической деятельности как средства расширения торговли по товарной номенклатуре и страновой диверсификации, привлечения иностранных инвестиций из Южной Кореи и Японии не оправдались. На первоначальном этапе внешняя торговля поддержала экономику области, но не превратилась в фактор устойчивого экономического роста;

- либерализация ВЭД сама по себе не гарантирует экономического успеха. Необходима внятная, четкая внешнеторговая политика, как на уровне федерации в целом, так и ее региональном разрезе. Речь идет, прежде всего, о консолидации усилий, о селективной защите национального рынка не только по товарным группам, но и с учетом регионального разнообразия России. В мировой практике и в России существуют отработанные механизмы направленной организации действий. Одним из них является разработка целевых программ. Для восточных регионов таковой является Федеральная программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья, пролонгированная до 2010 года. Задача — сделать ее действующим инструментом.

1. Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В. Региональная стратегия России // Регион: экономика, политика, социология. 1994. С.28.
2. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. С.68-69.
3. К Северо-Восточной Азии относят КНДР, Республику Корея, КНР, Монголию, российский Дальний Восток и Восточную Сибирь.
4. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Т.1 Общ. очерк. Новосибирск: Наука. 2000. С.14.
5. Площадь АРВМ составляет 1,183 млн кв. км.
6. Бизнес-Ритм 6 авг. (27), 2004. с.3.
7. Международное сотрудничество и внешнеэкономические связи Читинской области в 2002 г. Чита: Администрация Читинской обл. УМСВСТ.2003. С.12; тоже в 2003 г. С. 13-14.
8. Тарасов А. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. с.115.

Экономика и общество

От Цинхая до Циндао : (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР)

© 2005

Е. Баженова, А. Островский

Одним из основных вопросов при составлении программы поездки стал выбор регионов в приморских и внутренних районах Китая для изучения опыта проведения экономической реформы. Во внутренних районах таким полигоном для ознакомления с опытом реформы и реализации программы развития западных районов (*сибу да кайфа*) стала одна из наиболее отсталых провинций Северо-Запада Китая с преобладанием национальных меньшинств (тибетцы, монголы, дунгане, салары) — провинция Цинхай. В приморских районах предпочтение для изучения опыта реформы было отдано городу Циндао — один из основных портов на полуострове Шаньдун, в котором показатель ВВП на душу населения занимает 2-е место по провинции Шаньдун после города Дунъян — центра нефтепромыслов Шэнли. В программу командировки входили беседы с местными руководителями, депутатами и аппаратом местных собраний народных представителей (СНП), научными работниками, а также посещение отдельных предприятий, крестьянских хозяйств и семей рабочих, служащих, кадровых работников и интеллигенции.

Первый этап поездки включал посещение одной из слаборазвитых провинций западных районов КНР — провинции Цинхай, которое вошло в маршрут поездки в рамках изучения программы освоения западных районов КНР. Территория провинции занимает 720 тыс. кв. км, четвертое место по площади после Синьцзяна, Внутренней Монголии и Тибета. Средняя высота над уровнем моря — 3700 м. Численность населения Цинхая составляет 5,5 млн человек. Значительная часть населения проживает в столице провинции — Синине (1,5 млн человек) и его окрестностях (1 млн чел.). Городское население провинции составляет 38%. Фактически большую часть населения составляют национальные меньшинства — тибетцы, монголы, салары, дунгане и другие). Собственно китайцы — ханьцы проживают компактно в Синине и прилегающих к нему уездах на востоке провинции.

Провинция Цинхай знаменита озером Кукунор, вторым по величине соленым озером в мире после Каспийского моря, которое активно осваивается

Баженова Елена Степановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН.

туристами из внутренних районов Китая. В частности, в летний период все номера в гостиницах у озера Кукунор (Цинхай) заняты туристами из Пекина и других крупных городов в приморских районах, которые в последнее время стали выезжать туда на отдых в период наступления летней жары (*футянь*) как на курорт. На наш взгляд, климат там такой же, как на озере Байкал, и многие имеющие деньги китайцы при отсутствии противопоказаний для пребывания на высокогорье стали выезжать туда вместо поездок на остров Хайнань или на курорт Бэйдайхэ, поскольку в провинции Цинхай пока намного лучше экологическая обстановка. В горах Цинхая берут истоки крупнейшие реки — Янцзы, Хуанхэ и Меконг, чистота вод которых зависит от экологической ситуации в этих местах. В связи с этим в провинции огромное внимание уделяется охране окружающей среды. Проведено озеленение на площади 500 тыс га. В 150 км от Синина на реке Хуанхэ построена самая крупная после “Санься” на реке Янцзы гидроэлектростанция, четвертая, последняя очередь которой заканчивается в настоящее время (мощность — 40 млн кВт).

В области сельского хозяйства развито растениеводство и животноводство. Земля сдается в аренду на 50 лет на основе семейного подряда. Госхозов немного — их доля в общем объеме производства составляет 5-6%. Выращивается и собирается много редких лекарственных трав, таких, как кордицепс, хорошо развиты фармацевтические отрасли. В провинции выращиваются яровая пшеница, масличные культуры, овощи и цветы. Развито тепличное хозяйство, где преимущественно выращиваются овощи и цветы. Животноводство специализируется на разведении коров, овец и яков (150 тыс. кв км перегонных пастбищ), стада которых в огромных количествах гуляют по широким просторам провинции Цинхай сразу за перевалом Жиюэшань, в 100 км западнее Синина.

Провинция богата природными ресурсами. Разведаны большие месторождения нефти и газа (десятое место по запасам в Китае), но они пока еще слабо разработаны (добывается около 1,5 млн тонн в год). Основа местной промышленности — добыча и переработка калийной соли, которая является сырьем для производства химических удобрений — поташа. На Цинхай приходится 97% производства калийных удобрений по всей стране. 27 заводов производят 2,5 млн тонн удобрений в год (потребность страны — 5 млн тонн). Остальная часть импортируется из-за границы. Велики запасы цветных и редкоземельных металлов (алюминия, меди, свинца, цинка, лития). В Синине работают ферросплавный завод и завод по производству легких специальных сплавов для авиационной промышленности.

В начале 60-х гг. в Цинхае были построены заводы “третьей линии обороны” (ВПК), но в процессе реформ многие из них обанкротились по причине снижения объема капиталовложений из центра и высокой себестоимости продукции. Одно из слабых мест местной экономики — недостаточная развитость “третьей сферы” (торговли, услуг, питания), а также альтернативных государственному секторов экономики — частных, коллективных, индивидуальных, совместных предприятий. В рамках программы сокращения рабочих мест на предприятиях государственного и коллективного сектора (*сяган*) многие рабочие и служащие испытывают трудности в поисках нового места работы из-за недостаточного количества альтернативных предприятий. Уровень безработицы в провинции составляет 8%, что выше среднего уровня по Китаю в целом (4,7%-5,6%). В настоящее время ситуацию с трудовыми ресурсами определяет рынок рабочей силы. Однако при этом наблюдается острая нехватка квалифицированной рабочей силы, что характерно для отдельных отраслей, особенно для строительства. Поэтому часто по контрактам приглашаются строительные бригады из провинций Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун.

Экономика провинции является дотационной. Доходная часть бюджета составляет 2,4 млрд юаней, расходная часть — 12,2 млрд юаней. Самостоя-

тельно развивается город Синин и прилегающие уезды и районы газодобычи в Цайдамской впадине, все остальные районы являются дотационными. Дотации из госбюджет приходят в специальные фонды центра на развитие провинции и распределяются специальными, так называемыми “политическими” банками, прежде всего на развитие инфраструктуры и водоснабжение и строительство и оборудование школ. Также в КНР широко распространена практика выпуска специальных государственных облигаций под строительство крупных инфраструктурных объектов в западных районах в рамках программы развития западных районов. В частности, большая часть инвестиций в строительство железной дороги из провинции Цинхай в Тибет (Голмуд — Лхаса) помимо средств из центрального бюджета страны, была получена в результате продажи государственных облигаций с целью финансирования этого проекта.

Большой толчок экономическому развитию Цинхая дала программа освоения западных районов, которая начала здесь проводиться в жизнь с 1999 г. на основе теории Дэн Сяопина. Согласно теории Дэн Сяопина, развитие страны должно проходить два этапа — сначала должны развиваться передовые районы, которые большей частью расположены в приморских районах на востоке страны, а затем, используя экономическую базу более развитых приморских районов, надо подтягивать Запад к Востоку. Программа освоения западных районов включает четыре основных направления: 1) создание современной инфраструктуры; 2) охрана окружающей среды; 3) повышение квалификации и качества кадров; 4) развитие западных районов с учетом местной специфики. Таким образом, в Китае стремятся уменьшить разрыв между Западом и Востоком, стабилизировать социальное положение в западных районах. В 2004 г. на развитие всех инфраструктурных объектов в западных районах было выделено 80 млрд юаней, и значительные средства из этой суммы были выделены на охрану окружающей среды, в первую очередь на повышение качества воды в истоках трех крупных рек Китая — Хуанхэ, Янцзы и Меконг (Ланьцанцзян), берущих свое начало в горах провинции Цинхай.

Как считают местные специалисты, по сравнению с другими западными районами самые большие положительные изменения в ходе осуществления этой программы произошли в провинции Цинхай. Как отметил в октябре 2004 г. в своем интервью по телевидению каналу CCTV news премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, в 2003 г. по десяти провинциям в западных районах рост ВВП составил 12%. В то же время в среднем по Китаю он в течение предыдущих трех лет составлял всего 8%. Стоимость основных фондов провинции по данным на 2003 г. составила 85 млрд юаней, из них прирост в 11 млрд юаней произошел за последние 4 года. Темпы роста капиталовложений составляют 22% в год. Объем ВВП провинции вырос до 39 млрд юаней в год, что в среднем ВВП на душу населения составило 900 \$ в год при пересчете по валютному курсу 8,27 юаней за 1 ам.долл. Как видим, пока еще Цинхай не вышел на уровень общества “малого благоденствия” (*сяожан шэжунь*) — 1000 ам.долл. ВВП на душу населения, однако по плану должен выйти на этот показатель уже в 2005 году. В частности, в планах социально-экономического развития провинции Цинхай были поставлены задачи увеличения ВВП на душу населения до 1000 ам.долл. к 2005 г., 1500 ам.долл. к 2010 г., 3000 ам.долл. к 2020 г. Основной объем инвестиций в Цинхае направляется, с одной стороны, на создание современной инфраструктуры — строительство шоссе, железных дорог и строительство аэропортов (в том числе построены три скоростные автодороги провинциального значения), с другой стороны, на развитие отраслей экономики с местной спецификой, в данном случае — на развитие химической промышленности (завод по производству калийных удобрений в Голмуде) и металлургической промышленности (заводы по производству ферросплавов и сверхлегких металлов, в частности лития — в Синине).

Для финансирования социально-экономического развития провинции используются не только государственные инвестиции и эмиссия государственных облигаций. Довольно активно в процесс инвестирования крупных объектов инфраструктуры включаются сбережения населения в местных банках (в большой степени) и инвестиции из более развитых восточных регионов страны. Многие предприятия приморских районов, в частности шефствующих над Цинхаем провинций Чжэцзян и Ляонин, довольно активно вкладывают средства в развитие местного производства, продукция которого им необходима для дальнейшего развития предприятий в своих провинциях. Таким образом, предприятия приморских районов сразу решают две задачи — обеспечивают себя источниками сырья и комплектующих деталей и способствуют более быстрому развитию одной из наиболее экономически отсталой провинции Цинхай во внутренних районах страны. Государственные инвестиции из центрального бюджета, как правило, направляются для развития крупных инфраструктурных проектов: 1) строительство железной дороги в Тибет по маршруту Голмуд-Лхаса; 2) завершение нефтепровода Урумчи-Шанхай, 800 км которого проходит по территории провинции, затем идет через Ланьчжоу по провинции Ганьсу в нефтепотребляющие приморские районы на востоке Китая — экономически развитые юг провинции Цзянсу и север провинции Чжэцзян и самый крупный в Китае город центрального подчинения с прилегающими уездами — Шанхай.

Начиная с 2000 г. провинция получила больше инвестиций, чем за предыдущие 45 лет. В развитие провинции уже вложено более 200 млрд юаней, большая часть которых затрачена на создание разветвленной инфраструктуры, прежде всего автомобильных дорог. Дорогами с асфальтовым покрытием связаны все сельские уезды провинции. Более того, во многих деревнях почти все улицы с асфальтовым покрытием. При посещении нескольких деревень в окрестностях Синина мы с удивлением обнаружили, что практически все деревенские улицы покрыты асфальтом, в домах имеется водо- и газоснабжение, а сами дома заметно разрослись вширь, огорожены каменными заборами с двумя традиционными китайскими львами перед воротами, и общая площадь в крестьянских домах без учета маленьких приусадебных участков внутри во многих случаях значительно превышает 100 кв.метров.

Из общего объема инвестиций более 20 млрд юаней вложено в развитие образования, которому уделяется особенно большое внимание в связи с упором на повышение качественных характеристик населения. Образовательный уровень населения провинции пока еще невысок, особенно в сельском хозяйстве: среднее число лет обучения среди животноводов — 5,8 лет. При достаточном объеме капиталовложений ощущается острая нехватка квалифицированных кадров для их освоения, которая ликвидируется как подготовкой местных кадров, так и приглашением на работу специалистов из других провинций. В последние годы государственная поддержка образовательных структур в западных районах резко возросла, что касается как системы среднего, так и высшего образования.

Кузницей местных кадров является Цинхайский университет, где 1800 преподавателей обучают 13 тыс. студентов, одновременно на факультетах проводятся и научные исследования. Готовятся специалисты для животноводства и сельского хозяйства (здесь выращиваются картофель, масличные культуры и яровая пшеница; 80-90% посевных площадей обрабатываются с помощью специалистов университета), нефтяной и химической промышленности, экологии и медицины. Проводятся комплексные научные исследования в области добычи и переработки цветных и редкоземельных металлов, нефти, в области экологии. Выпускники направляются на работу в Синьцзян, Внутреннюю Монголию и другие северные районы. В связи с притоком новых инвестиций с 2000 г. перестраивается весь комплекс зданий Цинхайского университета, и вся территория университета напоминает большую стройку. Только за послед-

ние годы были построены компьютерный и информационный центры, около половины всех факультетов переехали в новые помещения.

Одним из важных направлений выполнения программы освоения западных районов является шефство развитых восточных провинций над западными — в области инвестиций, развития промышленности и инфраструктуры и других сферах, в том числе образования. Как уже говорилось выше, шефами Цинхая являются провинции Ляонин и Чжэцзян. Заключены договора о сотрудничестве, в частности с университетами Ляонина и Чжэцзяна — Дунбэйским, Ляонинским, Чжэцзянским педагогическим. Оттуда приходит финансовая помощь, оборудование для оснащения кабинетов, компьютеры. Туда бесплатно отправляются студенты и аспиранты на обучение (в аспирантуру лучших студентов направляют без экзаменов), преподаватели для повышения квалификации по установленным квотам. В средние школы посылаются ученики для последних трех лет обучения. Как говорили преподаватели, раньше такая подготовка кадров осуществлялась с помощью СССР.

Важным звеном подготовки управленческих кадров для провинции является Высшая партийная школа, где особое внимание уделяется подготовке кадров для работы в районах проживания нацменьшинств. Штат включает 300 сотрудников, из них более 100 преподавателей (всего пять должностей — от профессора до ассистента). Территория составляет 11 гектаров, где расположены административные здания, учебные корпуса, гостиница и спортивные залы, столовые. Учебная часть включает 8 отделов: социально-экономический, философский, научный социализм, партийное строительство, административно-управленческий, по работе с национальными меньшинствами и религиями, юридический, современной науки и техники, научно-исследовательский, подразделения информационной структуры. Готовятся управленцы для партийных, профсоюзных и правительственных структур, есть аспирантура. Особое внимание уделяется приобретению навыков принятия решений, как проводить политику партии в условиях открытости. Общее число выпускников превысило 20 тыс. человек. Ведутся научные исследования в области экономики, экологии, сельского хозяйства, результаты исследований применяются на практике; в том числе готовится научное обоснование политики освоения западных районов. В ней читают лекции профессора из-за границы, а также из других университетов Китая. Налажена постоянная связь с партийными школами в других провинциях и в Пекине, проводится дистанционное обучение. Молодые кадры проходят многоступенчатую подготовку: сначала 2 месяца здесь в провинции, затем 3 месяца в Пекине и после этого — 2-х-месячная стажировка за рубежом (Сянган, Швейцария, Франция, Южная Корея, Сингапур, Канада). Развивается сотрудничество со Всемирным банком, при посредничестве которого с помощью инвестиций из Англии был построен новый информационный центр с самым современным оборудованием (численность персонала — 80 человек).

В последние годы в связи с ростом уровня доходов и заработной платы существенно возросла покупательная способность населения. Средняя заработная плата в промышленности составляет около 1 тыс. юаней в месяц — примерно 125 ам.долл. (в Пекине — 3 тыс. юаней или 375 ам.долл.; в Гуандуне — 5 тыс. юаней или 625 ам.долл.). Доходы сельского населения пока еще невелики — 2500 юаней в среднем в год (208 юаней или 26 \$ в месяц). Дифференциация доходов по провинции велика. В сельских уездах, недалеко от Синина, уровень доходов составляет от 3 до 10 тыс. юаней на человека в год. В самых бедных районах, с тяжелыми природными условиями и нехваткой воды, уровень доходов составляет около 600 юаней в год; численность такого бедного населения в провинции — 110 тыс. человек. Численность “средне-бедного” населения в 2000 г. составляла 1,97 млн, в настоящее время — 1,4 млн человек. Поэтому в настоящее время для того чтобы Цинхай смог в ближайшее время у

себя построить общество "малого благоденствия", программам борьбы с бедностью в провинции уделяется большое внимание.

Другим пунктом поездки по стране для изучения опыта экономической реформы в Китае стал город Циндао в пров.Шаньдун, расположенной на восточном побережье. Он является одним из крупнейших экономических центров провинции, важнейшим портом на полуострове и ведущим городом-курортом страны. Численность населения Циндао — 6,996 млн человек, собственно городское население — 2,296 млн человек. Рождаемость — 10,77 промилле, смертность — 6,71, естественный прирост — 4,06. Собственно в городе проживает 2,2 млн чел., а остальное население сосредоточено в пригородных районах и нескольких городах, таких как Цзимо, Цзяочжоу, Пинду, Лайси и других городах в окрестностях Циндао, подчиненных муниципальным властям г.Циндао.

Следует отметить, что по таким показателям, как объем валовой внутренней продукции, объем валовой продукции промышленности, доходам местного бюджета и инвестиций в основные производственные фонды Циндао занимает 3-е место среди 12 крупнейших городов в бассейне реки Хуанхэ и уступает только двум городам центрального подчинения — Пекину и Тяньцзиню. При этом Циндао по всем этим показателям опережает столицу провинции Шаньдун — Цзинань.

Важной причиной процветания Циндао является большой объем привлеченных иностранных инвестиций. Только с января по сентябрь 2003 г. общий объем контрактных инвестиций в экономику города составил 3,75 млрд ам.долл. и фактически использованных 2,0 млрд ам.долл. При этом большая часть инвестиций направлялась в обрабатывающую промышленность — 2,55 млрд ам.долл. контрактных инвестиций и 1,76 млрд ам.долл. фактически использованных. Следует отметить, что если в прежние годы больший объем инвестиций направлялся в отрасли легкой промышленности и отдельные отрасли машиностроения с высокой концентрацией труда на предприятиях, то в последние годы инвестиции постепенно перемещаются в отрасли тяжелой промышленности, отрасли глубокой переработки и в отрасли новых и высоких технологий. В настоящее время 219 компаний и фирм из 500 ведущих компаний мира в той или иной форме ведут активную предпринимательскую деятельность в городе.

Наиболее активную коммерческую деятельность на территории Циндао ведут южнокорейские фирмы. На территории города многие вывески написаны не только на китайском, но и на корейском языке. Об этом же свидетельствуют и статистические данные о привлеченном иностранном капитале на территории Циндао. В частности, по данным на январь-сентябрь 2003 г., южнокорейские фирмы подписали 912 инвестиционных контрактов на общую сумму 1,657 млрд ам.долл. (или 84,9% общего объема всех инвестиций), а общий объем фактически использованных инвестиций с участием капитала из Республики Корея составил 1,112 млрд ам.долл. (или 41,0% общего объема всех инвестиций). Далее с большим отрывом идут Япония, Тайвань, Гонконг и США. Тем не менее по объему привлеченных иностранных инвестиций Циндао пока еще уступает таким городам приморского пояса, как Сучжоу и Шэньчжэнь, а по темпам привлечения — Нанкину, Нинбо и опять-таки Сучжоу. Местные власти сетуют на то, что по общему объему привлеченных иностранных инвестиций в зоны технико-экономического развития и зону новых и высоких технологий Циндао заметно уступает таким городам на восточном побережье, как Сучжоу и Тяньцзиню.

Всего в Циндао функционируют три экономические зоны, где для инвесторов предусмотрены различные льготы в соответствии с указами и постановлениями на уровне центральной власти (Госсовет КНР и соответствующие министерства и ведомства) — зона стабильного налогообложения (*Циндао баошуй цюй*), зона технико-экономического развития (*Циндао цзинцзи цзи шу кайфа цюй*), зона высоких технологий (*Циндао гаокэ гунъюань*) и государственная туристическая зона Шилаожэнь (*Циндао Шилаожэнь люю цзяцюй*). По-

мимо этого в Циндао действуют шесть зон технико-экономического развития (ЗТЭР), для которых предусмотрены различные льготы на уровне провинциальных властей — Хуаньхай, Цзимо, Лайси, Пинду, Цзяонань и Цзяочжоу.

Наибольший интерес для нас представляет созданная в 1993 г. зона стабильного налогообложения (*баошуйцзюй*), которая ведет свободную торговлю, осуществляется экспортная переработка продукции, в ней расположены консигнационные таможенные склады и выставка-ярмарка. Площадь этой зоны — 2,5 кв.км, в которой с каждого квадратного километра собирается по 100 млн юаней доходов, общий доход составляет 350 млн юаней, объем внешней торговли — 350 млн ам. долл., общая численность занятых — 9000 человек, объем ВВП на одного человека — 100 тыс.юаней в год. Всего в зону стабильного налогообложения привлечены инвестиции из более чем 40 стран и территорий и 20 провинций КНР, действует свыше 2800 инвестиционных объектов с общим объемом иностранных инвестиций более 2,1 млрд ам.долл.

В зоне стабильного налогообложения большую часть иностранных инвестиций составляют капиталы из Японии и Республики Корея. Также там представлены инвестиции из Гонконга, Тайваня и США. Японские инвестиции в основном вложены в электронику, южнокорейские — в обработку редких металлов, которые добываются на севере Китая, тайваньские — в развитие инновационных фондов, гонконгские — в текстильную промышленность.

Зона стабильного налогообложения в Циндао в настоящее время имеет 10 видов различных льгот:

- разрешено сразу много видов коммерческой деятельности;
- на все виды товаров, за исключением запрещенных, выдаются импортные и экспортные лицензии, не надо платить таможенный сбор и основной экспортный и импортный налог с оборота (*цзиньчучоу хуаньцзешуй*);
- на ввозимые инвестиционные товары из других мест не надо платить таможенный сбор и налог на экспорт и импорт с оборота;
- товары на консигнационном складе освобождаются от налога, срок хранения не ограничивается;
- ведущие внешнеэкономическую деятельность предприятия могут вести между собой торговлю в рамках зоны и осуществлять экспортную переработку;
- при ведении экспортной переработки предприятия в зоне могут использовать льготы для ввоза передового оборудования из-за рубежа и на нем вести поручительскую переработку продукции на экспорт по заказу других китайских компаний вне зоны;
- производящее экспортную продукцию предприятие освобождается от производственного налога, а в случае использования комплектующих, произведенных на территории Китая, ему возвращается экспортная пошлина (*чучоу туйшуй*);
- производственное предприятие начинает выплачивать подоходный налог (15% начисляемого налога) только через 10 лет после начала работы с момента получения дохода, на первый и второй год оно освобождается от налогов, с третьего года начинает выплачивать налог 7,5% начисленного налога;
- предприятия непромышленной сферы выплачивают подоходный налог в размере 15% подоходного налога через 5 лет после начала работы, а открывшимся после 1996 г. предприятиям была возвращена часть уплаченного налога, если он превышал 7,5% взимаемого подоходного налога;
- в зоне разрешается создавать иностранные финансовые и страховые предприятия, в случае экспортно-импортных операций между зоной и другими районами страны предприятия освобождаются от необходимости оформления специальных документов по валютным расчетам, валютная прибыль может оставаться на счетах предприятий и использоваться в текущих операциях.

Зона технико-экономического развития (*Циндао цзинцзи цзису кайфа цюй*) в Циндао была создана в 1984 г. как зона развития тяжелой и химической промышленности, портового хозяйства, инженерно-технических разработок, туризма и коммерческого операционного центра. В 2003 г. она стала играть ведущую роль в стабильном и устойчивом развитии экономики города, базирующейся на трех основных отраслях — портовое хозяйство, промышленность и туризм. В результате в ЗТЭР Циндао сформировалась база развития производства бытового электрооборудования, химической промышленности и производства контейнеров для транспортировки грузов.

В 2003 г. объем ВВП ЗТЭР Циндао составлял 23,0 млрд юаней, было создано 130 предприятий с участием иностранного капитала, подписано соглашений на сумму 2,2 млрд ам.долл., реализовано на сумму 0,7 млрд ам.долл., объем внешней торговли составил 0,91 млрд ам.долл. Однако следует отметить, что большая часть производства промышленной продукции приходилась на две крупные фирмы — “Хайэр” (Haier) и “Хайсинь” (HiSense) — 45,5% ВПП, которые тянули за собой всю экономику города. Кроме того, важное значение в экономике города имели предприятия фармацевтической промышленности и завод по производству пива. По таким основным показателям производственной деятельности, как размер дохода от коммерческой деятельности, объем прибыли, доходы на выпускаемые акции и объем остающейся части прибыли после уплаты налогов первые два места в городе уверенно на протяжении последних лет занимают два предприятия — компания “Хайэр” по производству бытового оборудования (так называемый “белый товар” — холодильники, стиральные машины, кондиционеры и др.) и пивзавод “Циндао пицзю”, большая часть продукции которых составляет экспорт в различные страны мира.

Зона науки и техники и высоких технологий (*Циндао гаокэ гунъеюань*) расположена на востоке Циндао. Она была создана в 1992 г., ее площадь составляет 7 кв.км, население — 187 тыс.чел. Зона насчитывает пять основных направлений развития: 1) высокие производственные технологии; 2) высшее образование; 3) научные исследования; 4) строительство коммерческого жилья; 5) туристическая зона, находящаяся на юге ЗНТР и представляет собой приморскую курортную зону Шилагожэнь площадью 10,8 кв.км.

По данным на 2004 г. в зоне насчитывалось 95 предприятий новых и высоких технологий, которые разрабатывали 191 вид научно-технической продукции. Общий объем производства составлял 27,69 млрд юаней (или 72,3% объема ВПП города). Из этих проектов развития науки и техники 37 проектов включены в государственную программу “863”, программу инновационного фонда развития средних и малых предприятий в сфере науки и техники, программу “Искра” и программу разработки новых базовых видов продукции. При этом большое внимание уделяется развитию т.н. “народных научных предприятий” (*миньин кеци*), на базе которых стали формироваться провинциальные и городские научно-исследовательские центры.

Большое значение имеют и 6 зон технико-экономического развития в пригороде Циндао, в которых льготы для хозяйственной деятельности были установлены властями провинции Шаньдун. В документах, посвященных созданию этих зон, было отмечено, что основными приоритетами развития в этих зонах является создание инфраструктуры — строительство автомобильных дорог, аэропорта, железных дорог. Следует отметить, что в настоящее время уже полностью реализован проект строительства нового современного отвечающего всем требованиям аэропорта Циндао, который во многом способствует привлечению как инвесторов так и туристов в этот район.

В рамках программы визита для изучения опыта экономической реформы в экономически наиболее развитом городе пров.Шаньдун состоялось посе-

шение Академии Общественных Наук (АОН) г.Циндао, порта Циндао и корпорации "Хайэр".

АОН г. Циндао была основана в 1979 г., насчитывает 62 сотрудника. В 1999 г. при АОН учрежден Научно-исследовательский центр развития города Циндао. Основные направления исследований — социально-экономические и политико-правовые проблемы, проблемы городского развития, социология молодежи, старение населения и социальная помощь пожилым, миграции трудовых ресурсов и экономика туризма (15% доходов в городской бюджет); экономика знаний (наука и техника); социально-экономические проблемы деревни. Развивается сотрудничество с научно-исследовательскими центрами и фирмами в Японии, Южной Корее, Германии. Основные задачи АОН г.Циндао — оказание помощи местному руководству в решении социально-экономических, демографических проблем, исследование развития населения провинции Шаньдун, разработка стратегии развития города Циндао, а также долгосрочных и среднесрочных планов его развития.

Развитие корпорации "Хайэр" началось в 1984 г. с производства домашних холодильников. За прошедшие 20 лет компания превратилась в мощную транснациональную корпорацию, которая производит 96 видов электробытовой техники — холодильники, стиральные машины, кондиционеры и др. — всего 15 тыс. наименований, которая продается в 160 странах. В 2003 г. объем продаж составил 80 млрд юаней. Торговая марка "Хайэр" занимает первое место среди торговых марок Китая и вошла в первую сотню самых распространенных брэндов по всему миру. Компания владеет 10-ю промышленными комплексами и 18-ю институтами дизайна в КНР, 22-мя заводами за рубежом, в том числе в США (штат Южная Каролина). Ее доля на внутреннем рынке — 30%. Продукция компании продается в 12 из 15 крупнейших супермаркетах Европы и 10 — в США. Открыто представительство в Манхэттэне, в Нью-Йорке, США и в торговом районе Гиндза в Токио. Президент компании Чжан Жуймин занимает 26 место в списке 30 самых признанных предпринимателей мира. Опыт развития корпорации обобщен в учебнике по ведению бизнеса Гарвардского университета.

Важным звеном в развитии городской экономики является порт Циндао. Он является одним из крупнейших портов Китая и занимает 5-е место в стране по объему грузооборота после Шанхая, Нинбо, Гуанчжоу и Тяньцзиня, но немного опережая по этому показателю такие порты на севере, как Далянь и Циньхуандао. Доход от портовых сборов составляет 2 млрд юаней в год. Территория старого порта — 5 кв.км, нового порта — вдвое больше. Общая длина причалов составляет 10915 метров (5-е место по стране). В порту действуют нефтяной, зерновой, угольный, цементный терминалы и терминал металлоизделий. Зарплата рабочих — 3200-4000 юаней в месяц (400-500 ам.долл.), зарплата бригадиров — от 7000 до 8000 юаней в месяц (800-1000 ам.долл.).

Как показала поездка по КНР и знакомство с социально-демографическими проблемами, в начале XXI века на рынке рабочей силы КНР произошли заметные изменения, связанные с растущей нехваткой на рынке рабочей силы в приморских и западных районах страны. В восточных районах страны это было связано с заметным старением населения и низкой рождаемостью, что было обусловлено проводившейся с начала 70-х годов демографической политикой, в основе которой был курс на однодетную семью. В конечном итоге, все это в большей степени затронуло экономически развитые приморские районы и города центрального подчинения, в которых заметно выросла доля пожилых людей — до 12% общей численности населения и начала снижаться численность рабочей силы трудоспособного возраста. Это стало заметно после того, как в конце 90-х гг. стал направляться большой объем как внутренних, так и иностранных инвестиций, в результате этого стали создаваться новые рабочие места, которые уже не могли быть закрыты только за счет местных жителей,

и для работы на предприятиях стала привлекаться рабочая сила не только из ближайших деревень, но и из внутренних провинций. По данным на середину 2004 г., в 12 приморских городах, включая Шанхай и Гуанчжоу, оставались вакантными свыше 480 тыс. рабочих мест, которые предполагается заполнять за счет сельских жителей из центральных районов. В частности, власти Пекина заключили договор с провинцией Хэйлуцзян о направлении в город ежегодно по 150 тыс. чел. для решения вопроса нехватки рабочей силы.

В западных районах КНР также наблюдается нехватка рабочей силы, но причины этого иные. До начала реализации программы развития западных районов в 1999 г. уровень социально-экономического развития этих регионов был низким, в экономике преобладали предприятия госсектора, количество вакантных рабочих мест было невелико из-за небольшого объема внутренних инвестиций и почти полного отсутствия иностранных инвестиций. Однако после принятия программы развития западных районов ситуация изменилась, поскольку пошли инвестиции на развитие инфраструктуры и строительство крупных объектов, таких, как газопровод Запад-Восток, железная дорога Голмуд-Лхаса, гидроэлектростанция "Санься" и другие. Поскольку численность населения западных районов была невелика и до начала реализации демографической политики в 70-е гг., то в начале XXI века в ходе реализации программы развития западных районов рабочая сила, особенно квалифицированная, также стала дефицитным ресурсом. В этих условиях стали привлекать рабочую силу как из центральных, так и восточных районов, заметно подняли уровень зарплаты на предприятиях. Получила распространение практика направления рабочей силы из центральных и восточных районов на определенный срок — от 6 месяцев до 2 лет.

Важным инструментом в борьбе регионов за рабочую силу стало повышение заработной платы. В 2003 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составила 14040 юаней в год (или 1750 ам.долл.). Эту зарплату по ее покупательной способности можно вполне сопоставить со средней зарплатой в России с учетом намного более низких цен на продовольственные и промышленные товары, особенно во внутренних районах Китая. По нашим оценкам, по паритету покупательной способности один доллар в самом дорогом городе Китая — Шанхае стоит примерно 60 российских рублей, а в западных районах, например, в столице провинции Цинхай — Синин и того больше — примерно 80 рублей. Все это с учетом лучшей обеспеченности населения КНР жильем — 22 кв.м на человека по данным 5-й Всекитайской переписи 2000 г. свидетельствует о том, что Китай уже не является бедной страной, а перешел в новую категорию — "общества малого достатка". Особенно это было заметно в приморских провинциях, таких, как Чжэцзян, Шаньдун и в Шанхае. В частности, зарплата рабочих — 3200-4000 юаней в месяц (400-500 ам.долл.), зарплата бригадиров — от 7000 до 8000 юаней в месяц (800-1000 амер.долл.) в порту г.Циндао (пров.Шаньдун) среднемесячная зарплата докеров составляла 4000-5000 юаней в месяц в 2004 г. Аналогичный уровень зарплаты, а то и выше — среди рабочих крупных промышленных предприятий, таксистов, преподавателей вузов и школ. Поэтому в обозримом будущем, вряд ли следует опасаться массового наплыва китайской рабочей силы в Россию, поскольку средний уровень заработной платы в России в целом, и на Дальнем Востоке, в частности, уже вполне сопоставим со средним уровнем по КНР, а по ряду рабочих профессий и среди интеллигенции — уже выше, чем в России.

Как показало ознакомление с опытом проведения китайской экономической реформы в западных и восточных районах Китая в течение более 25 лет, в Китае не стремятся распространять единую модель проведения реформы на всю страну. При реализации программы реформ в Китае активно используют лозунг "исходя из местных условий" (*инь ди чжи и*). В данном случае в запад-

ных районах Китая используется такая модель экономического развития, которая исходит из наличия большого количества природных ресурсов, плохих климатических условий, слабого транспортного сообщения и относительной нехватки населения. Поэтому курс взят на реализацию инфраструктурных проектов, которые позволят повысить рентабельность добывающих и перерабатывающих отраслей и привлечь больше инвестиций как из других регионов, так и иностранных. При этом делается все возможное для расширения базы трудовых ресурсов как путем привлечения рабочей силы из других районов Китая (прежде всего, квалифицированной), так и смягчения жесткой политики планирования однополой семьи. В частности, уже давно сняты ограничения на планирование семьи для национальных меньшинств и всерьез рассматривается вопрос о необходимости увеличения количества детей в семье до двух.

В приморских районах страны на востоке в свою очередь используется такая модель экономической реформы, которая ориентирована на нехватку природных ресурсов, хорошего транспортного сообщения как на территории Китая, так и со всем миром через морские порты, избыточное население, традиционную обрабатывающую промышленность и развитие "третьей сферы". В этих регионах курс взят на создание сети крупных предприятий в отраслях обрабатывающей промышленности при наличии высококвалифицированной рабочей силы, которые по качеству продукции вполне способны конкурировать на мировом рынке и осуществлять практическую реализацию экономического курса китайского руководства "идти вовне" (*цзоучуцью*). Поэтому в приморские районы отовсюду идет поток инвестиций, создаются новые рабочие места, которые могут быть закрыты только за счет миграции рабочей силы из внутренних районов. В этих регионах возникла необходимость обеспечить привлечение рабочей силы для закрытия трудовых вакансий как за счет миграции из регионов Центрального и Северо-Восточного Китая, так и за счет частичного ослабления жестких ограничений в вопросах планирования семьи. В частности, такой вопрос встал особенно остро в Шанхае, где доля населения в возрасте свыше 60 лет уже намного превысила средний показатель по КНР — 7,0% и составляет около 12%, а по демографическим прогнозам составит около 25% населения к 2025 г. Поэтому на международной конференции по проблемам народонаселения и стратегии устойчивого развития власти Шанхая выступили с инициативой разрешить семьям иметь второго ребенка из-за нехватки рабочей силы в городе, которая с каждым годом обостряется.

Таким образом, наличие в Китае сразу нескольких моделей экономического развития для регионов с определенными демографическими, климатическими, ресурсными, экономическими и социальными условиями позволяет всем регионам проявить свои возможности и наилучшим способом осуществлять переход от плановой к рыночной экономике в конкретных условиях данного региона. Безусловно, на этом пути встречается много трудностей, однако перед местными властями стоят задачи по повышению уровня социально-экономического развития региона, которые выражаются в построении общества "малого благоденствия" (не менее 1000 ам. долл. ВВП на душу населения). В этой ситуации дальнейший успех или неуспех реформ будет во многом зависеть от экономической политики регионов, которые должны обеспечить необходимый экономический рост для повышения жизненного уровня населения.

Проблема суицида в современном Китае

© 2005

О. Почагина

Проблема суицида становится все актуальней. За последние 45 лет число самоубийств в мире выросло на 60%¹. Ежегодно на планете около 1 млн человек сводят счеты с жизнью 83 способами. Суицид — тринадцатая по распространенности причина смертности в мире. Во многих странах случаи неудачных попыток ухода из жизни не фиксируются. По мнению экспертов, их в десять раз больше, чем завершенных самоубийств. Ежегодно 10—20 млн человек совершают попытки самоубийства, которые заканчиваются ранениями, травмами, требующими госпитализации и реанимации.

Самоубийства — это серьезная социальная проблема. Если нынешнюю тенденцию к росту самоубийств не удастся переломить, то, согласно экспертам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2020 г. число тех, кто уходит из жизни по собственной воле, достигнет полутора миллионов человек. "Самоубийство — глобальная проблема здравоохранения. Существует острая необходимость в координации и активизации мер, направленных на предупреждение самоубийств", — подчеркнула Катерин Ле Гал Камус — помощник генерального директора отдела ВОЗ по неинфекционным и психическим заболеваниям. "Самоубийство — серьезная (на ее долю приходится почти половина всех насильственных смертей на планете), но в значительной степени предотвратимая проблема здравоохранения"².

Критическим, согласно критериям ВОЗ, считается уровень самоубийств более 20 чел. на 100 тыс. населения. Бедность, безработица, страх перед наказанием, душевные болезни, домашние конфликты, страсти, пресыщенность жизнью и тяжелые заболевания — основные причины самоубийств. Уровень самоубийств среди мужчин гораздо выше, чем среди женщин, однако последние предпринимают попытки самоубийства в 4 раза чаще. Лидером по количеству самоубийств является Восточная Европа. Самый высокий показатель самоубийств в Литве — 51,6 чел., а самый низкий в Кувейте — 2 человека на 100 тысяч населения³.

Для адекватной оценки ситуации с суицидами в КНР и анализа особенностей ее формирования бесспорный интерес представляют статистические данные по самоубийствам в России (в связи с переходом к рыночной экономике), в Японии и Республике Корея (где распространены конфуцианские и буддийские ценности).

В России в постперестроечный период стабильно фиксируется высокий уровень самоубийств: в 2000 г. покончили с собой 56,9 тыс. человек, в 2001г. — 57,2 тыс., то есть из каждых 100 тысяч уходят из жизни по своей воле соответственно 39,3 и 39,7 человека (в Беларуси — 41,5, в Украине — 33,8 чел.)⁴.

Социологи Б. Войцехович и А. Редько выделяют два основных типа самоубийц. Первый — это пьющий, разведенный, одинокий и, возможно, судимый мужчина на 20-59 лет. Второй — неработающая семейная женщина старше 60 лет⁵. Основные “группы риска” — это психически больные (уровень самоубийств у горожан составляет 95,2 чел., хронические алкоголики — 91 чел., наркоманы — 178 чел., инвалиды — 110 чел. на 100 тыс. населения). Алкоголь — доминирующий фактор риска в России: он обнаружен в крови у 60% самоубийц, 40% в момент смерти находились в состоянии алкогольного опьянения⁶.

В **Японии** суицид — шестая по распространенности причина смерти среди населения всех возрастных групп и первая — среди людей в возрасте 20-30 лет. В 2003 г. покончили жизнь самоубийством 34 427 человек (в 1999 г. — 33048 чел., в 2002 г. — 29900 чел.), причем более четверти самоубийств совершены из-за финансовых проблем. В 2003г. более 70% самоубийц были мужчинами в возрасте 40 лет и старше. В последнее время резко снизился возраст самоубийц. Среди покончивших с собой молодых людей учащиеся начальной и средней школы составили 60%. Правительство Японии “весьма обеспокоено создавшейся ситуацией, именуемой в СМИ “эпидемией самоубийств” (27 чел. на 100 тыс. населения). До начала экономического спада в странах Азии в 1997-1998 гг. ежегодно в Японии в среднем совершалось от 20 до 24 тыс. самоубийств. В годы кризиса число самоубийств возросло на 35% и с тех пор составляет около 30 тысяч в год⁷. Эксперты полагают, что главная причина — это проблемы со здоровьем (45%), а также экономические трудности, возникающие, к примеру, вследствие безработицы⁸. По мнению специалиста по культурной антропологии Хитоши Ошима, самоубийства с целью защиты своей чести — харакири — всегда были распространены среди различных социальных слоев населения Японии, а не только среди самураев. Но, если традиционные самоубийства совершались по моральным причинам, то “причина сегодняшних — потеря моральных ценностей, ускоренная индустриализацией”⁹.

В последние годы в **Республике Корея** также наблюдается тенденция роста количества самоубийств, причем в самых разных половозрастных группах и социальных слоях общества. Согласно данным Главного полицейского управления РК, в 2002 г. 13055 чел. покончили жизнь самоубийством. Это на 6,4% больше, чем в 2001 г. (12277) чел. и чуть ли не в два раза больше, чем в 1991 г. (6593 чел.). В 2002 г. в РК самоубийство совершали в среднем 36 чел. в день. 39% из них находились в состоянии депрессии, около 27% были неизлечимо больны, около 0,6% решились на этот шаг по причине семейных неурядиц.

Корейские социологи и психиатры отмечают, что количество самоубийств в среде деловой и политической элиты резко возрастает в переломные моменты жизни общества, например, когда в стране возникает острый экономический кризис либо когда происходит смена власти. В некоторых случаях для высокопоставленных государственных чиновников или крупных бизнесменов, подозреваемых в каких-либо махинациях, суицид становится способом доказательства своей невиновности¹⁰.

В **КНР** систематическое изучение суицидального поведения началось лишь в середине 90-х гг. XX в. Статистические данные носят ограниченный характер (достоверные данные по самоубийствам до 1987 г. отсутствуют¹¹), а многие вопросы, к сожалению, остаются без ответа¹². В настоящее время в стране функционирует система учета, основанная на отчетах больниц о случаях суицида. Попытки свести счеты с жизнью в большинстве случаев не фиксируются. Более того, пациент, совершивший попытку самоубийства, не попадает в статистику, если после оказания экстренной помощи, он не остался (часто по финансовым соображениям) в медицинском учреждении. Именно несовершенством системы учета можно объяснить различные показатели количества са-

моубийств. Так, согласно исследованиям китайских и американских специалистов, в 1995-1999 гг. уровень самоубийств составлял 23 чел., тогда как по данным ВОЗ в 1998 г. он был гораздо выше — 33 чел. на 100 тыс. населения¹³.

Согласно данным ВОЗ, 90% самоубийств в мире совершают люди с психическими отклонениями, в КНР же этот показатель составляет 63%¹⁴. Следовательно, 37% самоубийств в Китае совершают люди без психических отклонений. По данным министерства здравоохранения КНР, около 13% китайцев страдают от психических расстройств, и эта цифра может увеличиться к 2020 г. до 17,4%. В настоящее время в стране примерно 16 млн человек страдают серьезными психическими расстройствами, 6 млн — эпилепсией, 4 млн — шизофренией. Примерно 30 млн несовершеннолетних имеют психологические проблемы и отклонения в поведении¹⁵. Ежегодно по официальной статистике в Китае 280 тыс. кончают жизнь самоубийством, а более 2 млн человек предпринимают попытку самоубийства¹⁶, что составляет четверть всех случаев суицида в мире. Согласно расчетам специалистов Пекинского центра изучения и предотвращения самоубийств, в КНР ежегодно от 20 до 50 млн людей предпринимают попытки самоубийства¹⁷.

Самоубийство — пятая по распространенности причина смерти среди населения КНР, а для возрастной группы от 15 до 35 лет — главная причина смертности¹⁸. Согласно данным эксперта Пекинского центра изучения и предотвращения самоубийств Чжан Сюоли, 50% самоубийств являются “импульсивными” (в состоянии аффекта¹⁹), т.е. совершаются в двухчасовом временном интервале после принятия решения, а 37% — в течение 5 минут²⁰. В Китае, в отличие от других стран мира, доля случаев суицида в сельских районах втрое выше, чем в городах. Примерно 58% решившихся на самоубийство используют для сведения счетов с жизнью гербициды и родентициды, применяемые в сельском хозяйстве.

Практически по всему миру уровень самоубийств среди мужчин гораздо выше, нежели среди женщин. И в этом отношении Китай уникален: показатель самоубийств среди женщин здесь выше на 25%²¹. По сообщению официального представителя Всекитайской федерации женщин (ВФЖ), каждый год в Китае более 150 тыс. женщин кончают с собой, а 1,5 млн совершают попытку самоубийства²². Согласно данным ВОЗ, самоубийство является основной причиной смерти китайок в возрасте от 24 до 30 лет, этот показатель высок и среди возрастной группы 15-24 года²³.

Таким образом, в КНР существует несколько половозрастных групп: женщины, подростки и молодежь, и старики, показатели самоубийств среди которых, привлекают особое внимание как китайских исследователей, так и специалистов международных организаций.

Почему же так много молодых китайок из сельской местности решают покончить с собой или предпринимают неоднократные попытки свести счеты с жизнью? Согласно результатам исследований, причиной тому целый комплекс факторов: низкий социальный статус сельских женщин, бедность, конфликтные семейные отношения, принудительные браки, насилие в семьях со стороны мужа и его родственников, невозможность расторгнуть брак, стерилизация и политика ограничения рождаемости, крушение надежд на лучшую жизнь, тяжелые условия жизни в сельской местности, хронический стресс, отсутствие социальных или религиозных запретов на самоубийство, отсутствие служб психологической поддержки и реанимации²⁴.

Представители местных организаций ВФЖ считают, что невозможность удовлетворения досуговых потребностей, отсутствие культурных мероприятий, резкое сокращение времени на общение и изнурительный труд в период сельскохозяйственных работ (большинство самоубийств происходят весной и летом) негативно действует на психологическое состояние сельских женщин, толкая некоторых на самоубийство. В межсезонье женщины, чьи мужья уезжают

в города на заработки и подолгу отсутствуют, особо остро чувствуют свое одиночество. На женских плечах лежит вся тяжесть работы в поле, по хозяйству, воспитание детей и уход за стариками. Единственное развлечение — телевизор, на экране которого женщины видят роскошную городскую жизнь и романтические отношения героев фильмов. Новые представления о семье, взаимоотношении полов, целях брака вступают в конфликт с традиционными ценностями, порождая острую неудовлетворенность семейной жизнью и нежелание жить по сложившейся модели. Молодые деревенские женщины поневоле оказались в эпицентре борьбы нового со старым. Социальное и психологическое давление настолько велико, что многие его просто не выдерживают.

Некоторые решаются на самоубийство, потому что в “их жизни нет ничего интересного”, нет никакой отдушины, не с кем поделиться своими проблемами и душевными переживаниями. Другие — чтобы убить время и хоть как-то отвлечься от ежедневной рутины играют в мажонг (игра в кости)²⁵. “Китай достиг значительных успехов во многих областях, однако жизнь многих женщин ухудшилась, потому что законы, защищающие их права, уже не соблюдаются” — считает заведующая отделом Всекитайской федерации женщин по правам и интересам женщин Дэн Ли²⁶. Кроме того, она признала, что вмешательство организаций ВФЖ и правоохранительных органов в случаях домашнего насилия в сельских семьях остается довольно затруднительным. Это связано как с влиянием традиционных представлений, так и с другими факторами²⁷.

Доступность ядовитых веществ — еще одна важная причина большого числа самоубийств в Китае. Практически в двух из каждых трех попыток суицида применяются пестициды и сильнейший крысиный яд, имеющиеся в каждом крестьянском хозяйстве. Их легко приобрести: бутылка высокотоксичного пестицида стоит менее 1 долл. США (прибл. 7 юаней). Прием 100 миллилитров химиката представляет смертельную угрозу для жизни и требует экстренной медицинской помощи.

Хотя в каждой китайской деревне есть врач, однако он часто бывает бессилен в случаях с отравлениями пестицидами. Для спасения жизни требуется специальное оборудование для поддержания дыхания, которое имеется только в больницах уездного уровня. В случае если женщину, пытавшуюся покончить жизнь самоубийством, удастся доставить в больницу (в уездах с неразвитой инфраструктурой это может занимать до двух часов, и многих просто не успевают довести), где есть необходимое оборудование, ее спасение и реабилитация превращаются в непосильное финансовое бремя для родственников. Большинство сельских жителей не имеют медицинской страховки, а стоимость такого рода медицинской помощи исчисляется сотнями юаней²⁸.

Китайское правительство борется с эпидемией самоубийств в сельской местности путем запрета производства, ограничения продажи ядовитых веществ и усложнения доступа к ним потенциальных жертв²⁹. Так, в 2002 г. министерством сельского хозяйства КНР было запрещено производство 11 и использование 18 видов высокотоксичных пестицидов, однако они все еще остаются на рынке³⁰.

Многие из перечисленных факторов (конфликты и насилие в семье, несчастная любовь, хронический стресс) характерны и для мотивации самоубийств городских женщин. Однако у горожанок, имеющих более высокий социальный статус, есть другие проблемы, толкающие их на суицид. Так, жесткая конкуренция на рынке занятости в условиях реформ поставила женщин в более трудные условия, чем мужчин. Многим работающим женщинам очень непросто нести двойное бремя, сочетая занятость в общественном производстве, домашние обязанности и воспитание детей³¹. Часть женщин в городах и поселках Китая в последние годы была вынуждена отказаться от трудоустрой-

ва, посвятив себя исключительно домашним обязанностям³², что также далеко не всегда благоприятно влияет на их психологическое состояние. Среди факторов психического нездоровья общества бывший министр здравоохранения КНР Чжан Вэнькан назвал "нарастающую конкуренцию" и растущую безработицу в Китае, у которой, как и во многих других странах мира, "женское лицо". Более 60% безработных и уволенных с убыточных или прекративших работу предприятий составляют женщины. Они насчитывают почти две трети лишившихся работы в годы 9-й пятилетки (1996 — 2000 гг.). Месячный доход на одного человека в 70% их семей не превышает 300 юаней (менее 40 долларов)³³. Более того, среднестатистический годовой доход работающих женщин в Китае не превышает 70% от заработка мужчин (в 1990 г. он составлял 83%)³⁴.

В последние годы все более острой становится проблема домашнего насилия. Итоги обследования, проведенного Всекитайской федерацией женщин в 2002 г., показали, что примерно в 30% из 270 млн китайских семей в той или иной степени существовала проблема домашнего насилия, и в 90% случаев жертвой являлась женщина³⁵.

По мнению китайских психологов, в современном обществе, особенно в последнее десятилетие, резко возросло количество людей, страдающих от стресса, эмоционального и психологического дискомфорта, что обусловлено ускорением темпа жизни, многочисленными противоречиями между новыми и традиционными представлениями и нормами, стереотипами поведения и мышления. Наибольшей остротой характеризуются проблемы семьи и брака, включающие отношения между супругами, родителями и детьми, представителями разных поколений. Различия в представлениях о семейной жизни, обязанности мужа и жены, характере отношений между ними часто приводят к неудовлетворенности семейной жизнью.

Средства массовой информации, художественная литература и фильмы, способствовавшие в последние десятилетия широкому распространению концепции любви (в традиционной культуре массовое сознание не связывало любовь с семьей и браком), привели к росту сексуальной активности не только среди молодежи. Рост уровня жизни и доходов, неудовлетворенность семейными отношениями стимулировали распространение внебрачных связей состоящих в браке мужчин. По данным китайских экспертов, количество женских жалоб на то, что мужа содержат на стороне "вторых жен" увеличилось в 1997-2000 гг. на 40%. Содержание "второй жены" (*бао эр нью*) подразумевает значительные финансовые расходы на покупку квартиры, оплату счетов, что, безусловно, сказывается на семейном бюджете. Такого рода отношения обостряют внутрисемейные конфликты, негативно влияют на психологическое состояние женщин, чьи мужья имеют любовниц³⁶.

Девушки, подвергающиеся сексуальным домогательствам на работе, имеющие внебрачные отношения, в том числе и с женатыми мужчинами, также входят в группу риска: изнасилование, несчастная любовь, прекращение отношений часто являются мотивами самоубийства. В этом отношении показателен случай 23-летней мигрантки, бросившейся под поезд метро, информацию о котором опубликовала газета "Шанхай стар". На самоубийство ее толкнул разрыв отношений с женатым мужчиной. Врачам удалось спасти ей жизнь, однако за несколько дней пребывания в больнице ее работодателю (она работала в шанхайской гостинице) пришлось заплатить более 40 тыс. юаней (около 5 тыс. долл. США), так как у девушки не было медицинской страховки, а указанный случай получил освещение в СМИ. Шанхайские психиатры высказали мнение, ссылаясь на участившиеся случаи самоубийств в метрополитене, что средства массовой информации не следует сообщать о самоубийст-

вах, поскольку материалы такого рода порождают цепную реакцию, подсказывая потенциальным самоубийцам способ реализации их намерений³⁷.

В период полового созревания юноши и девушки склонны к импульсивности, чрезвычайно остро переживают многие жизненные проблемы, прибегая к крайним решениям, включая самоубийство. Согласно отчету шанхайского Центра детской медицины, более половины инцидентов, связанных с опасностью для жизни и здоровья несовершеннолетних, происходят дома. Корни подростковых самоубийств, как правило, тоже кроются в семейном неблагополучии. Причем, по словам советника Госсовета КНР, заместитель начальника национального Управления охраны труда Шань Чуньчань, статистика этих неблагоприятных явлений имеет тенденцию к росту. Детей травмируют плохие отношения между родителями, их скандалы и насилие в семье. Самое страшное для подростков — насилие со стороны родителей, полагающихся по традиции на воспитательный эффект ремня, кулака и бамбуковой палки. Согласно последним исследованиям, родительским побоям подвергаются более 60% китайских детей, почти 85% терпят ругань и оскорбления³⁸.

Разводы родителей негативно отражаются на воспитании детей в неполных семьях, на их психологическом состоянии и социальной адаптации. Так, согласно статистике, более 40% подростков из неполных семей совершают противоправные действия, боязнь наказания может провоцировать у них суицидальное поведение.

Современные дети испытывают значительные моральные перегрузки и психологическое давление со стороны родителей. Дело в том, что, единственные дети в городских семьях являются, как правило средоточием всех интересов и надежд своих родителей, но далеко не все, в силу своих умственных способностей и психических особенностей, могут справляться с возложенными на них зачастую чрезмерными ожиданиями. За последнее десятилетие получение знаний превратилось в Китае в некую навязчивую идею как у родителей, так и у подростков, вызывающую обеспокоенность педагогов и психологов. Анализ занятости учащихся выявил, что у последних практически нет времени для элементарного отдыха, игр, общения в обычные и в выходные дни. Дети в своих интервью высказывали пожелания выспаться, иметь больше свободного времени для игр, общения, отдыха, просмотра телепередач и т.п. Чрезмерная нагрузка неблагоприятно отражается на здоровье учащихся начальных и средних школ, и ситуацию необходимо менять, считает профессор Института социальных исследований Шанхайской академии общественных наук Яо Пэйкуань³⁹.

Основные факторы, влияющие на распространение суицида среди подростков и молодежи: давление, оказываемое родителями и школой в связи с успеваемостью, семейные проблемы, насилие в семьях, распад семей, распространение употребления алкоголя и психоактивных веществ (по официальным данным на конец 2002 г., доля молодежи и подростков составляла 74% общей численности наркоманов в стране, которая достигала 1 млн человек)⁴⁰, несчастная любовь, отсутствие интересов, потребительские ценности и невозможность их удовлетворения, ухудшение психического здоровья⁴¹. Причины суицида как социального явления по сути своей те же, что и у взрослых — разрушение механизмов воздействия общества на индивида. Из разряда личностных причин можно выделить: чувство неприкаянности, ненужности, бессмысленности жизни.

Среди молодых людей психиатрами зафиксировано в последние годы появление "интернет синдрома", характеризующегося патологической зависимостью от Интернета. Страдающие этим синдромом пытаются избежать нудачи и разочарований в жизни, уходят от реальной действительности в виртуальный мир, проводя многие часы за компьютером. У них, как правило, слабая самодисциплина, имеются серьезные проблемы с семьей и друзьями. "Они

приходят в онлайн-мир за комфортом и в результате начинают сопротивляться любому оффлайн-вторжению". "Интернет-синдром" характеризуется бессонницей, головными болями, могут наблюдаться галлюцинации, различные мании. В конечном счете, все это приводит к психическим и физическим заболеваниям и даже к самоубийствам⁴².

Медики открыто говорят о том, что в настоящее время проблема психических расстройств и заболеваний среди молодежи выдвинулась в разряд первостепенных, и ее уже невозможно игнорировать. Они объясняют такую печальную статистику неспособностью подростков приспособиться к быстрым темпам модернизации китайского общества, что в результате приводит к повышенным психическим нагрузкам на молодое поколение. С целью "смягчить наносимый реформами удар" по юному поколению в 2004 г. в школах КНР началась кампания по оказанию психологической поддержки школьникам. В средних учебных заведениях вводится система собеседований психологов с учащимися.

В последние годы и пожилые люди все чаще кончают жизнь самоубийством, не будучи в состоянии терпеть физические и психологические страдания, которые обусловлены ростом пропасти между поколениями в представлениях о жизненных ценностях и образе жизни, дефицитом средств, необходимых для оплаты медицинского обслуживания и лекарственных препаратов, неспособностью адаптироваться к новым экономическим и идеологическим реалиям. Плохое обращение со стариками фиксируется медицинскими, социальными службами, средствами массовой информации. Народные суды все чаще рассматривают иски престарелых граждан к своим взрослым детям, отказывающим им в помощи и уходе. Безразличие, невнимание и даже жестокость по отношению к пожилым людям проявляются в различных формах (физическое, психологическое и материальное унижение). Так, например, в Тяньцзине социологическое исследование выявило, что наиболее часто конфликтные ситуации с элементами насилия связаны с жилищными проблемами, выполнением сыновних и дочерних обязательств и повторными браками пожилых родителей⁴³. Все эти факты свидетельствуют о размывании традиции уважения и заботы о родителях и старших по возрасту.

По данным опроса, проведенного Всекитайским центром гериатрии, в сельских районах Китая 35,1% престарелых страдают от одиночества. Этот показатель еще выше у престарелых вдов и вдовцов. Данные опроса показывают, что 26,1% общего числа престарелых, проживающих в сельских районах, жалуются на недостаточно уважительное или неуважительное отношение к ним со стороны детей⁴⁴.

Психика пожилых людей претерпевает изменения, порой весьма существенные. У людей старших возрастных групп часто отмечаются депрессии, чувство страха. По мнению директора научно-исследовательского института по проблемам психического здоровья при Пекинском университете Юй Сина, в XXI в. Китаю предстоит решать серьезную проблему, связанную с ухудшением состояния психического здоровья людей преклонного возраста. По его словам, одной из основных болезней пожилых людей стало слабоумие⁴⁵. Исследование психического здоровья пожилых людей провинции Хунань выявило воздействие социокультурного окружения на распространенность депрессии. Отсутствие гармоничных, с точки зрения традиционных представлений, отношений между членами семьи, нарушение традиционных социокультурных норм являются основными причинами возникновения депрессии у пожилых людей, которая может провоцировать и суицидальное поведение⁴⁶.

В группе, включающей сельских мужчин старше 75 лет, зафиксированы самые высокие показатели самоубийств (145 чел. на 100 тыс.). Согласно результатам исследования мотивов самоубийств среди 1021 пожилых людей в уезде Чандэ пров. Хунань, 23,6% из них покончили жизнь самоубийством по

причине серьезных хронических заболеваний, 20,3% — из-за оставления их без ухода и помощи, 12,2% — вследствие жестокого обращения со стороны детей, 9,4% — из-за склонности взрослых детей к азартным играм⁴⁷.

В связи с актуализацией проблем ухода за престарелыми и насилия в семьях в новой редакции Закона о браке (2001 г.) обновлены статьи, регулирующие взаимоотношение близких родственников, особенно в части их ответственности по содержанию пожилых членов семьи. Кроме того, в закон включена новая глава “Меры по оказанию помощи и правовая ответственность”, полностью посвященная проблемам домашнего насилия и жестокого обращения в семье. В первую очередь она защищает права женщин, детей и пожилых членов семьи, которые наиболее часто подвергаются насилию различного типа. Отчасти в связи с вышеизложенными неблагоприятными тенденциями депутат ВСНП Ван Чжунчэн, известнейший в КНР специалист в области нейрохирургии, передал на рассмотрение ВСНП 10-го созыва (март 2003 г.) предложение о предварительном введении в Пекине эвтаназии⁴⁸ и разработке соответствующего положения и законодательных актов⁴⁹.

Экономические неурядицы, безработица порождают у трудоспособных мужчин проблемы, связанные с обеспечением самым необходимым себя и своих близких. В этом случае ставится под сомнение компетентность мужчин, испытывающих финансовые затруднения или потерявших работу. Они, как правило, особенно остро чувствуют себя неудачниками. Одинокие мужчины сводят счеты с жизнью также из-за неудач в личной жизни или невозможности создать семью в условиях серьезного дисбаланса полов⁵⁰ в структуре населения КНР. Большинство мигрантов мужчин (в стране насчитывается 140 млн мигрантов) испытывают хронический стресс из-за разлуки со своими женами и подавления сексуальных потребностей⁵¹. Однако самое страшное в жизни этой многочисленной категории населения КНР — одиночество и практически полное отсутствие возможности найти вторую “половину”. Разочарования в личной жизни ведут к серьезным нарушениям психики, алкоголизму и даже самоубийствам среди гастарбайтеров. Более того, стрессовое состояние рабочих-мигрантов представляет опасность для городских жителей: находящиеся в душевном смятении или алкогольном опьянении приезжие рабочие часто нарушают закон. По возвращении в родные места после нескольких лет трудной городской жизни 30-летние мужчины становятся слишком “старыми” и для сельских невест.

Борьба с коррупцией привела в 2003 г. к всплеску суицида среди партийных работников: более 1,2 тыс. функционеров КПК покончили жизнь самоубийством⁵². Однако данные по половозрастному составу этой категории, к сожалению, отсутствуют.

* * *

Ситуация с суицидами в современном китайском обществе подтверждает идею Э. Дюркгейма⁵³ относительно общего генезиса различных форм девиации, исторически преходящего характера социальных норм и неизбежности определенного уровня социальной патологии в любом обществе, а также взаимосвязи уровня социальной патологии и социальной дезорганизации⁵⁴. Рост аномических (по классификации Дюркгейма) самоубийств напрямую связан с негативными последствиями модернизации китайского общества — социальной дезинтеграцией, разрушением связей между индивидом и группой, ослаблением социального контроля над индивидом, изменением структуры и функций семьи. Жизнь теперь не столь жестко, как в традиционном обществе, регламентирована обычаями. Индивиды поставлены в условия ожесточившейся кон-

курении, их преследуют разочарования и страдания, возникающие из-за несоответствия ожиданий и возможностей их удовлетворения. Ускорение темпа жизни, усложнение и разнообразие задач, которые ежедневно необходимо решать, порождают многочисленные кризисные ситуации, с которыми справляются далеко не все⁵⁴.

Говоря о самоубийствах в современном Китае, необходимо отметить, что помимо общих для других стран мира, — в том числе России, Японии, Республики Корея — экономических и социальных причин, толкающих к суициду психически здоровых граждан, существует ряд особенностей, связанных с отношением к самоубийству в китайской культуре. Восприятие суицида лишено однозначности, оно связано с концепцией “потери лица” (“потерять лицо” — значит сознаться в своей неправоте, утратить честь, опозорить себя и свой род), буддийскими представлениями о смерти и конфуцианским культом предков. В отличие от христианства, лишаящего самоубийцу христианского погребения и отпевания и расценивающего самоубийство как грех саморазрушения, как нежелание нести свой жизненный крест, отказ от преданности Богу и надежды на него⁵⁵, буддизм рассматривает самоубийство в большинстве случаев как бессмысленный акт, не давая ему при этом этической оценки. Суицид, согласно представлениям буддизма, не спасает от страданий, более того, ухудшает карму человека, поскольку прекращает процесс духовного самосовершенствования. В последующем перевоплощении самоубийца столкнется с аналогичной ситуацией, от которой он якобы ушел. “Когда разрушается тело, глупый попадает в преисподнюю”⁵⁶. Согласно конфуцианской концепции сыновней почтительности сяо и культу предков, самоубийство — это разрушение тела, полученного от родителей, отказ от выполнения сыновнего и дочернего долга, отказ от всех обязательств по отношению к другим родственникам, что недопустимо по морально-этическим соображениям.

Тем не менее, в традиционном Китае существовало несколько типов социально приемлемых самоубийств. В Цинской империи самоубийство входило в перечень наказаний. Император мог проявить великодушие и послать сановнику, совершившему преступление, яд, шнурок или лепестки золотой фольги для удушения⁵⁷. Это значило, что последний должен уйти из жизни, используя присланный предмет. Самоубийство считалось достойным выходом из позорной ситуации (история Поднебесной знает немало таких примеров: шесть императоров покончили с собой, в том числе последний император династии Мин Чжу Юцзянь, вождь Тайпинского восстания Хун Сюцюань и др.). Несправедливо обвиненный чиновник мог свести счеты с жизнью с целью доказательства своей невиновности. Самоубийство (как правило, посредством повешения) было одной из форм протеста против притеснений сильных мира сего или несправедливости, например, со стороны свекрови, или против принудительного брака. Доведенный до отчаяния человек совершал самоубийство в доме или рядом с домом обидчика, что доставляло последнему достаточно много неприятностей, связанных с вмешательством властей. Считалось также, что душа самоубийцы не могла подняться на небо и навсегда оставалась в доме, навлекая на семью несчастья⁵⁸. Таким образом, самоубийство могло быть и формой мести, поскольку дух самоубийцы имел возможность преследовать обидчика. В истории Китая известны случаи массовых самоубийств. Так, близ Гуанчжоу в 1873 г. восемь девушек, одевшись в лучшие платья, бросились в реку, чтобы избежать нежелательных браков. Практически аналогичное массовое самоубийство произошло в провинции Цзянсу в конце 1988 г., когда 15 девушек утопились в озере. Некоторые из них верили, что после смерти они вновь вернуться в этот мир, но для лучшей жизни, переродившись в городских девушек⁵⁹. Этот случай — яркое свидетельство возросших ожиданий сельских девушек, связан-

ных с браком и образом жизни в целом, обусловленных значительной разницей в уровнях жизни в городе и деревне. Самоубийство могло также являться примером проявления сыновней или дочерней почтительности или верности вдовы, поскольку самопожертвование считалось одной из высших добродетелей.

Таким образом, мотивации самоубийств, характерные для традиционного общества, в силу инертности представлений, встречаются и в современном Китае, и в Японии, и в Южной Корее. В Китае к этому типу могут быть отнесены самоубийства — протесты против насильственных браков, насилия в семьях, невыносимых условий существования и попытки “сохранить лицо”.

Мотивации суицидов в Китае в целом соответствуют общепринятой типологии, несколько отличаясь по половозрастным и социальным группам⁶¹:

— самоубийство рассматривается, как правило, молодежью и стариками как способ получить чье-либо внимание, любовь, освобождение от проблем, от чувства безнадежности;

— жизнь бессмысленна, а на будущее рассчитывать не приходится. Потеряны все надежды изменить жизнь к лучшему. Такая мотивировка характерна для молодых женщин, живущих в сельской местности;

— множественность проблем — все проблемы настолько глобальны и неразрешимы, что человек не может сконцентрироваться, чтобы решить их последовательно (мотивация для мужчин, попавших в сложные материальные обстоятельства или потерявших работу);

— попытка сделать больно другому человеку или решить проблемы и облегчить жизнь своей семье (наиболее характерна для пожилых людей);

— способ решить проблему — индивид рассматривает самоубийство как протест, показатель силы, мужества (характерна в той или иной степени для всех групп)⁶².

Китайское правительство рассматривает проблему суицида как один из главных показателей состояния психического здоровья населения, которая требует безотлагательного разрешения. В 2003 г. принято решение о разработке государственного плана на предстоящее десятилетие по предупреждению суицида. Он предусматривает создание более совершенной системы учета лиц, предпринявших попытки суицида, создание служб психологической помощи как в городах, так и в сельской местности, интенсификацию сотрудничества между медицинскими ведомствами, лечебными учреждениями, другими заинтересованными организациями. Сегодня лишь немногие города — Шанхай, Нанкин, Чанша, Пекин и др. — имеют структуры, специализирующиеся на оказании помощи людям, испытывающим психологический кризис⁶³. В настоящее время лишь 1% людей, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, получают профессиональную помощь психиатров. Учитывая тот факт, что для людей с суицидальным поведением характерны неоднократные попытки суицида, активная профилактика, по мнению китайских властей, поможет снизить уровень самоубийств⁶⁴.

В настоящее время в КНР на 100 тыс. человек приходится всего 1 психиатр. Китайцы традиционно игнорируют психические расстройства, воспринимая их как нечто постыдное, и избегают говорить на эту тему. В этом, по мнению главного врача Шанхайского центра психиатрии Хэ Яньлина, заключается одна из причин невостребованности и неразвитости психиатрической и психологических служб. Расходы КНР на предотвращение самоубийств и других последствий психической депрессии (часто именно депрессия толкает людей на этот роковой шаг) составляют не менее 3,5 млрд долл. США в год⁶⁵.

Ухудшению психического состояния общества, по мнению китайских экспертов, способствуют безработица, резкие социальные и экономические перемены, а основными причинами роста количества самоубийств являются пси-

хические заболевания, наркомания, алкоголизм, миграция населения, семейные конфликты и жизненные проблемы в целом⁶⁶.

В заключение следует особо подчеркнуть, что наибольший эффект в деле снижения количества самоубийств и их профилактики, наряду с мерами, предпринимаемыми китайским правительством, даст, по нашему мнению, успешное решение социальных проблем (реальное повышение социального статуса сельских женщин, снижение уровня безработицы, развитие развлекательно-досуговой сферы в сельских районах, ликвидация дисбаланса полов в структуре населения, создание государственной системы социального обеспечения престарелых граждан и т.п.). Перечисленные задачи, стоящие перед китайским руководством, отличаются сложностью и требуют значительных капиталовложений, постоянного внимания, жесткого контроля и регулирования со стороны государства, сотрудничества с различными международными организациями.

1. <http://www.befrienders.org/suicide/statistics.htm>
2. <http://www.membrana.ru/articles/global/2004/09/08/231700.html>
3. <http://un.head.by/print/news/belarus/09-09-04-1.html>;
<http://www.un.org/russian/av/radio/2004/sep/04090800.htm>
4. Беларусь лидирует по количеству самоубийств // <http://www.gs.promedia.by/archiv/2004/338/bel.html>.
5. Войцехович Б., Редько А. Самоубийства с позиций социальной медицины // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1996. № 2. С. 16-19.
6. <http://www.lzvestia.ru/community/article30986>
7. <http://www.inopressa.ru/independent/2004/07/26/13:39:57/suicide>;
<http://www.realnews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=55>
8. BBC News. 23 July 2004.
9. Мартинес К. Япониию захлестнула волна самоубийств // <http://www.inosmi.ru/print/171689.html>
10. Сеульский вестник. 09.08.2003// <http://vestnik.tripod.com/novosti03/080904.html>
11. Phillips M.R., Liu Huaqing, Zhang Yanping. Suicide and Social Change in China // Culture, Medicine and Psychiatry. 1999. Vol. 23 (1). P. 25-50.
12. Автор выражает благодарность и признательность Фонду Цзян Цзинго (Chiang Cning-kuo Foundation for Scholarly Exchange) за возможность сбора материалов по данной проблематике в библиотеке Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета.
13. China South Morning Post. 20 November 2003; The Lancet. 9 March 2002; Peoples Daily. 9 September 2003.
14. http://www.chinadaily.comcn/en/doc/2003-09/11/content_263118.htm
15. http://russian.people.com.cn/20010/31/rus200111031_52025.html
16. Синьхуа мэйжи дяньсюнь. 2003.12 сентября.
17. http://en.ce.cn/Life/social/200411/01/t20041101_2147368shtml
18. http://www.chinadaily.comcn/en/doc/2003-09/11/content_263118.htm
19. Кратковременное состояние сильного эмоционального переживания — ужаса, ярости, отчаяния, обычно сопровождающееся потерей контроля над своими действиями.
20. http://www.chinadaily.comcn/en/doc/2003-09/11/content_263118.htm
21. Однако необходимо иметь в виду, что достоверные данные по самоубийствам в странах Латинской Америки, Африки, Индии и Индонезии отсутствуют.
22. <http://russian.xinhuanet.com/htm/11201940031.htm>
23. Lee S., Kleiman A. Suicide as resistance in Chinese Society//Chinese Society: Change, Conflict and Resistance (Perry E.J., Selden M. eds) London. 2000. P. 221-240.
24. Ibid.
25. <http://www.time.com/time/asia/covers/501030728/suicide/html>
26. The Sky is falling// <http://www.time.com/time/asia/covers/501030728/story.html>
27. <http://russian.xinhuanet.com/htm/08271702481.htm>
28. http://en.ce.cn/Life/social/200411/01/t20041101_2147368shtml

29. http://russian.people.com.cn/200110/31/rus20011031_52025.html;
http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_2526000/2526567.stm;
30. http://en.ce.cn/Life/social/200411/01/t20041101_2147368.shtml
31. http://www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-09/11/content_263118.htm
32. Цзинци жибао. 2003. 12 сентября.
33. Хоу Вэнчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции//Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С.140.
34. Труд. 2003. 9 августа.
35. <http://russian.people.com.cn/31516/2387795.html>
36. <http://www.cry.ru/text.shtml?200007/20000724174808.inc>
37. Zhang Kun. Metro Suicides on the Rise in Shanghai//Shanghai Star. 7 November 2004.
38. <http://www.explan.ru/archive/2004/30/s2.htm>
39. Shanghai Star. April 25, 2002.
40. http://english.peopledaily.com.cn/200306/25/print20030625_118871.html
41. Suicidal Behavior in Chinese Youth (ed. By J.W.L. Tse, C. Bagley) Ashgate. 2002. P.4-6.
42. <http://www.introweb.ru/inews/news1382.php>
43. Wang Laihua, Bai Hongguang Safeguarding the Lives of the Elderly and Their Dependence on the Community// Social Sciences in China. 2000, Spring., P.123
44. http://russian.people.com.cn/200401/19/rus20040119_87364.html
45. Синьхуа. 2001. 8 мая.
46. Zhang A., Yu L, etc. Family and Cultural Correlates of Depression among Chinese Elderly// International Journal of Social Psychiatry. 1997. Vol. 43. N 3. P. 200.
47. Sing Lee, A. Kleinman. Suicides as resistance in Chinese Society//Chinese Society: Change, Conflict, Resistance/ (ed.E.J. Perry, M. Selden) L.-N.Y. 2000. P. 236.
48. Эйтаназия. Эвтаназия (лат.) — всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом.
49. Синьхуа. 2003. 9 марта.
50. Синьхуа. 2004. 13 августа.
51. http://en.ce.cn/Life/social/200411/11/t20041111_2256796.shtml
52. <http://www.rense.com/general148/clamp/htm>
53. В конце XIX в. французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858-1917) разработал общую теорию суицидного поведения. Исследование "Самоубийство" (1897) основано на анализе статистического материала, характеризующего динамику самоубийств в различных европейских странах. Согласно его мнению, вероятность суицида определяется тем, насколько человек привязан к таким социальным группам, как семья, религиозные институты и общество. Чем сильнее связи человека с этими группами, тем ниже вероятность суицида.
54. Дюркгейм Э. Самоубийство // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.,2001.
55. Там же. С. 247, 305-306.
56. <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/moral/16.html>
57. Дхаммапада//Буддизм. Четыре благородные истины. М.: Эксмо-пресс., 2001. С. 46.
58. http://www.mysuicide.ru/litera/public/pisatel_i_samoydistvo/razdel_2.html
59. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1987. С. 311; Sing Lee, Kleinman A. Suicides as resistance in Chinese Society. P. 228.
60. South China Morning Post. October 15, 1988.
61. Предложенная классификация мотивировок достаточно условна, поскольку все мотивировки в той или иной мере встречаются во всех половозрастных группах.
62. http://psy.1september.ru/2000/17/12_13.htm
63. http://russian.people.com.cn/200110/31/rus20011031_52025.html
64. http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-07/11/content_347322.htm
65. Китай становится центром самоубийств// <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/mir01.php#15>
66. http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-07/11/content_347322.htm

Документы, архивы

Из переписки И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.)

Картунов А.И.

В Институте Дальнего Востока РАН планируется к изданию большой сборник неопубликованных документов "Переписка И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 — сентябрь 1926 г.)". Сборник включает в себя переписку Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана 1923-1926 гг., хранящуюся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и переписку И.В.Сталина и Л.М.Карахана 1924-1925 гг., которая хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Содержание писем открывает много нового для историков советско-китайских отношений и политики ВКП(б) и Коминтерна по вопросу национально-революционного движения в Китае в указанные годы. Письма Сталина и Чичерина Карахану, с одной стороны, содержат директивы, а с другой, — запросы мнения полпреда по текущим вопросам внутривосточного положения в Китае, развития национально-революционного движения в этой стране, а также его предложений по решению возникавших проблем и информацию о выполнении получаемых им из Москвы директив.

Из-за ограниченных возможностей журнальной публикации ниже помещены лишь несколько писем за 1923-1924 гг. и четыре письма и телеграммы, относящихся к 1925 году.

Из публикуемых писем вырисовывается весьма сложное и трудное положение советского полпреда, которому по существу приходилось заниматься не только проблемами Китая, но и ряда сопредельных стран. Он должен был активно включиться в длительные переговоры с соответствующими японскими официальными лицами² по проблемам Сахалина³. Частично в сферу его деятельности оказались включены и некоторые монгольские вопросы (док. № 2, 3, 5). Таким образом, на Карахана возлагались обязанности проводить советскую внешнюю политику почти на всем Дальнем Востоке. Разумеется, главное место в его работе занимали китайские проблемы, часто трудно совместимые с обязанностями его официального статуса дипломата высокого ранга.

Содержание писем дает представление о том, решение каких задач, особенно в Китае, было главным для Москвы на каждом данном этапе. В связи с этим представляет интерес одно из первых писем Л.М.Карахана Г.В.Чичерину от 27 августа 1923 г., написанное им из Мукдена по пути следования в Пекин (док. № 1). В нем сформулированы "конечная цель и ближайшие задачи",

которые должна была решать советская миссия во главе с Караханом. В качестве конечной цели намечалось создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунь Ятсеном, "с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом Гоминьдан". При этом Карахан ясно осознавал, что Сунь Ятсен не сможет придти к власти чисто военным путем, что ему придется поставить "во главу угла политическую работу и комбинировать с Чжан Цзолинем"⁴, в то время фактическим хозяином Маньчжурии. Ближайшая задача, как она изложена в письме, состояла в том, чтобы договориться с Чжан Цзолинем относительно КВЖД. Карахан считал, что Чжан Цзолинь нужен не только для осуществления "конечной цели", но "нужен нам и для ближайших задач в Китае и на Дальнем Востоке".

С осени 1923 г. по май 1924 г. Л.М.Карахан решал главным образом две главные задачи. Первая — установление де-юре отношений с Китаем, и эта миссия завершилась успешно: 31 мая 1924 г. с Пекинским правительством было подписано "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой"⁵. После длительных и мучительных переговоров с Мукденом 20 сентября 1924 г. было заключено отдельное "Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях"⁶. Так решилась вторая задача, впрочем, как впоследствии оказалось, — временно, т.к. Чжан Цзолинь постоянно нарушал соглашение.

Что касается "конечной цели — замены Пекинского правительства на правительство в составе Сунь Ятсена и Фэн Юйсяна", о чем было принято Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 25 июня 1925 г., а позже — на "коалиционное правительство с участием Фэн Юйсяна, гоминьдановцев и других более умеренных", согласно директиве Политбюро от 3 декабря 1925 г.⁸, то эта цель не была достигнута ни во время работы Л.М.Карахана в Китае (до сентября 1926 г.), ни после его возвращения в Москву.

С осени 1923 г. до 12 марта (день кончины Сунь Ятсена) в переписке трех деятелей значительное место занимали вопросы о Сунь Ятсене и возглавляемом им Гоминьдане. Несмотря на то, что советское руководство и Коминтерн с 1923 г. встали на путь сотрудничества с Сунь Ятсеном и оказания ему помощи финансовой⁹, оружием, политическими и военными советниками и инструкторами, в Москве было весьма неопределенное представление о Сунь Ятсене. Об этом убедительно свидетельствуют письма И.В.Сталина и Г.В.Чичерина (док. № № 8, 11, 12). Некоторые из руководства относились к Сунь Ятсену даже негативно (док. № 6, 7, 8). Карахан убеждал их в своих письмах (док. № 9, 12) в том, что сотрудничество с Сунь Ятсеном — дело надежное и что нужно "не скупиться" на помощь ему и финансовую, и оружием. Указанные письма Сталина и Чичерина ставят под сомнение мнение ряда авторов, будто уже в 1922-1923 гг. "большевики искали контактов с Сунь Ятсеном, потому что видели в нем потенциального соратника в великом деле разжигания пожара мировой революции"¹⁰ (выделено мной — А.К.).

В переговорах с японской стороной по Сахалину Сталин и Чичерин требовали в 1924 г. от полпреда держаться твердой позиции не верить японским дипломатам, а "только фактам" (док. № 3, 4, 7, 10, 11, 12), а позже, в 1925 г. указывали также на важность отношений с Японией.

С началом революционного подъема, начавшегося с антиимпериалистического "движения 30 мая" 1925 г. (см. прим. 3 к док. № 15) Сталина беспокоили в основном два вопроса: возможность изоляции Кантона западными державами и "расширить щель между Кантоном и Пекинским правительством", в то же время "переманить на этой почве на свою сторону" пекинское прави-

тельство и начать ликвидацию китайского национального движения под флагом "объединения" Китая. Сталин при этом предлагает Карахану соответствующие меры, чтобы не допустить такого развития событий и настаивает на осторожности и бдительности Кантона в этой обстановке. И второй вопрос — о целесообразности "взять в свои руки дело объединения Китая". При этом он предлагает "позондировать почву насчет объединения Кантона с Пекином на основе, скажем, принятия в Кантон представителя Дуань Цижуня (см. прим. 1 к док. № 14) с сохранением широкой автономии для Гуандуна". Далее предлагается план создания нового Пекинского правительства (док. № 14). Карахан немедленно ответил Сталину, высказав свои интересные соображения по этим вопросам (док. № 15).

Из публикуемых ниже писем читатель узнает интересные факты и соображения по многим другим вопросам, которые мы в кратком вступлении не перечисляем. Переписка по существу раскрывает "кухню" разработки политики Москвы в отношении затрагиваемых в письмах проблем советской внешней политики тех лет на Дальнем Востоке, главным образом в Китае, и развития национально-революционного движения в нем.

В публикуемых документах китайские имена приведены в современном написании. Наименование г. Гуанчжоу сохранено в написании документов как Кантон. Примечания — после каждого документа.

*Публикацию подготовила А.И. Картунова
доктор исторических наук*

Примечания

1. Отдельные выдержки из писем Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана содержатся в опубликованных работах: Картунова А.И. Вопрос о КВЖД в письмах Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана (1925-1926 гг.) // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России. Тезисы докладов VII международной конференции "Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" (Москва. 25-27 сентября 1996 г.). Ч. 2. М., 1996; Ее же. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923—июль 1927 г.). М., 2000. Изд. второе, дополненное. 2001; Ее же. Вопросы политики Москвы в Китае в переписке Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана. 1924-1926 гг. // Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М.Л.Титаренко. М., 2004; Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. 1917-1924. По материалам Архива внешней политики России // Новая и новейшая история. 1997. № 4; Ее же. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924-1929 гг. Там же. 1998. № 1; Линь Цзюнь (КНР). Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам архива МИД России // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 46-56. Послесловие от редакции. С. 56-57.

2: 9 июля 1923 г. Л.М.Карахан писал из Москвы А.А.Иоффе, находившемуся в Китае, что в связи с обострением здоровья последнего и совпавшим с этим кризисом в переговорах, "обнаруживший с полной ясностью, что дальнейший обмен мнений в том виде и в той обстановке, как он имел место до сих пор, должен быть изменен, заставили ЦК [РКП(б)] серьезно обсудить вопрос о переговорах с Японией и о Вашем там пребывании". И далее Карахан ставил в известность Иоффе, что в случае возобновления переговоров "ЦК назначил уже меня для ведения их и что независимо от момента возобновления переговоров я через дней 7-10 выезжаю на Дальний Восток" // АВП РФ, ф. 08, оп. 6, д. 7, п. 4, л. 52-53.

3. К осени 1922 г. японская интервенция на Советском Дальнем Востоке закончилась полным провалом. 25 сентября 1922 г. японские интервенты оста-

вили Владивосток, в их руках осталась лишь часть советской территории — северная половина Сахалина. В 1923-1924 гг. шли длительные переговоры по спорным вопросам между СССР и Японией. В январе 1925 г. правительство Като подписало договор с СССР об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией. 20 февраля 1925 г. Советско-Японское соглашение было ратифицировано Президиумом ЦИК СССР.

4. См. прим. 6 к док. № 1.

5. Текст Соглашения см.: Советско-китайские отношения 1917-1957 // Сб. документов. М., 1959. С. 82-85.

6. Текст Соглашения см.: Документы внешней политики СССР. Т. VII. М., 1963. С. 459-465 (док. № 222). 17 марта 1925 г. Пекинское правительство уведомило полпредство СССР об утверждении Мукденского соглашения в качестве приложения к Пекинскому соглашению от 31 мая 1924 г.

7. См. прим. 4 к док. № 1.

8. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920-1925. Т. I. М., 1994. С. 576 (док. № 156) и с. 666 (док. № 201). 29 июня 1925 г. Сталин предложил свой вариант замены Пекинское правительства (док. № 14), но и он не был выполнен.

9. 8 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов и командировать в Китай "по соглашению с Сунь Ятсеном группу политических и военных советников". См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920-1925. Т. I. М., 1994. С. 206 (док. № 64).

10. Крюков М. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С. 100.

№ 1

ИЗ ПИСЬМА Л.М.КАРАХАНА Г.В.ЧИЧЕРИНУ

Мукден, 27 августа 1923г.

НАРКОМИНДЕЛУ Г.В. ЧИЧЕРИНУ

Дорогой Георгий Васильевич.

Уже отсюда из Мукдена¹, на основании той информации, которую мы имели в Москве, и той информации, которую я получил здесь в Мукдене и из Пекина и из бесед с китайскими деятелями, некоторые общие соображения о положении в Китае и о нашей линии здесь можно установить и сейчас до приезда в Пекин. Нового в этих соображениях нет ничего. Это то, к чему мы пришли еще в Москве, когда согласились на переговоры с Чжан Цзолинем и на "дружбу" с ним и в то же время намечали широкий план содействия Сунь Ятсену. Мы исходили из того, что пекинское правительство, будучи совершенно игрушкой в руках дипломатического корпуса, с одной стороны, Цао Куня², У Пэйфу³ и крестьянского генерала Фэна⁴, сидящего со своей дивизией в самом Пекине, с другой стороны, не является той политической силой, с которой мы могли бы твердо договориться и опираясь на которую мы могли бы развить нашу работу в Китае. Здесь на месте я еще более убедился в правильности нашей оценки положения в Китае и тех решений, которые у нас в Москве были приняты, как в отношении Чжан Цзолия, так и Суня. В Китае у нас есть конечная цель и ближайшие задачи. Конечная цель — это создание объединен-

ного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунем, с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом "Гоминьдан". К этой конечно цели Сунь Ятсен думает придти чисто военным путем. Мы считаем эту точку зрения неправильной и внесли в его план правки, которые имеют своей целью во главу угла поставить политическую работу. Для этой цели ЦК назначил тов. Бородин³, задача которого инспирировать, а, может быть, и руководить этой политической работой Гоминьдана или национально-демократических групп Китая. Но даже при той поддержке финансовой и политической, которую мы готовы дать Суню, он никогда не сможет сесть на пекинский престол. Ему необходимо комбинировать с какой-нибудь другой реальной силой и для того, чтобы не иметь ее против себя и для того, чтобы, пользуясь военной поддержкой этой силы, успешно справиться с Пекином и стоящими за ним генералами. Такой реальной силой является Чжан Цзолинь⁴, который, как нам известно, уже сейчас комбинирует с Сунем и в известной степени объединяет свои военные намерения с кантонским правительством. Но Чжан Цзолинь нужен не только для осуществления "конечной цели", но нужен нам и для ближайших задач в Китае и на Дальнем Востоке. Мы не можем ждать, пока Сунь Ятсен будет в Пекине, чтобы тогда разрешить вопрос о КВЖД и другие второстепенные вопросы, имеющие большое политическое и экономическое значение для нашего Дальнего Востока. Ближайшие же задачи могут быть разрешены только с Чжан Цзолинем. Я в этом убедился еще больше здесь, в Харбине и в Мукдене. Мы совершенно правильно в Москве решили, что вопрос о КВЖД должен быть решен именно с Чжан Цзолинем. В Мукдене также понимают необходимость быстрого разрешения вопроса о КВЖД и установления "дружбы" с нами. Чжан Цзолинь без дружбы с нами — это неустойчивое равновесие, это постоянная неуверенность в завтрашнем дне. Он хозяин в Маньчжурии, но это положение временное. Он спит и видит тот день, когда воссядет на пекинском престоле. Но в Пекин может придти только в том случае, если вопрос о КВЖД разрешен мирно, соглашением с нами, и когда с нами у него установлена достаточно прочная дружба, чтобы он не боялся двинуть все свои войска на юг против Пекина. Но если даже предположить, что Чжан на некоторое время успокоился и не мечтает о Пекине, то и в этом случае ему нужно соглашение с нами, ибо здесь понимают (а мы со своей стороны сделали все, чтобы укрепить их в этом мнении), что мы ждать дальше не можем, что вопрос о КВЖД должен быть разрешен и что если мы потеряем всякую надежду договориться с ними мирно, мы можем пойти на военное занятие КВЖД. Разрешение вопроса о КВЖД ни в какой мере не помешает осуществлению "конечной цели", о которой говорилось выше. Оно вполне укладывается в рамки общего плана, ибо закрепляясь на КВЖД, развязывая руки Чжану для похода на Пекин, мы создаем условия, облегчающие совместный приход Чжана и Сунь Ятсена в Пекин. В то же время, владея КВЖД, мы укрепляем нашу позицию в Маньчжурии настолько, что в случае разногласий и конфликтов между Чжан Цзолинем и Сунь Ятсеном (Сунь указывал нам на возможную необходимость нашего нажима на Чжана, если, придя в Пекин, он не захочет разделить власть с Сунь Ятсеном), командующее положение наше в Маньчжурии, поскольку мы владем КВЖД, будет очень сильным орудием нашего давления на первого и облегчит разрешение спора между Чжаном и Сунем в пользу последнего.

Наша тактика сегодня

Ближайшая задача — сговориться с Чжан Цзолинем относительно КВЖД. Сегодня состоялось третье по счету заседание с китайцами, но я затруднился бы сказать, как скоро мы дойдем до положительного результата.

Прием, чествования и пр[очие] китайские церемонии, которые были устроены по случаю моего приезда, очень симптоматичны. Вся китайская и иностранная пресса здесь отмечают, что ни одному иностранному представителю не было устроено такого торжественного приема. Это означает, что Чжан Цзолинь решил серьезно сговориться с нами. Но он не может подписать такого соглашения, которое не было бы одобрено так называемым общественным мнением Китая. Поэтому в переговорах с нами, будучи готов идти на большинство, он должен это сделать в таких формах, чтобы ни его прямые противники, ни национальные группировки Китая не могли обвинить его в том, что он продал интересы Китая России. В этом трудность вопроса, в этом все ограничения и нерешительность, которую они проявляют в переговорах с нами. Нужно вообще отметить, что оптимистические предположения Давтяна^а, которые он делал месяца полтора назад во время своего пребывания в Мукдене, сейчас едва ли уместны. Тов. Давтян сам считает, что теперешнее положение значительно сложнее и труднее. Одной из причин, если не единственной, является давление иностранных держав. Китайцы сделали глупость, поторопившись разрешить вопрос о земельном отделе КВЖД без договора с нами в военном порядке. Эта попытка вызвала решительный отпор со стороны иностранных держав, которые обратились с нотой протеста по этому поводу и к китайскому правительству, и через своих консулов в Мукдене и Харбине нажали на Чжан Цзолиня. Последнему пришлось бить отбой и сейчас вопрос о земельном отделе без движения. Несмотря на приказы и распоряжения о передаче его китайским властям, все заняли выжидательное положение и никаких попыток реализовать этот приказ, не делается. Кроме того, у нас имеются сведения о том, что иностранные державы разным путем поставили в известность как Пекин, так в особенности Чжана, что они не допустят никакого соглашения между Чжан Цзолинем и нами без участия иностранных держав. Я думаю, что это пустая угроза, ибо реального противодействия они не смогут оказать. Если бы мы подписали соглашение о КВЖД, то дипкорпус в Пекине мог бы пойти только на дипломатическое вмешательство, на ноты, угрозы и только. Реальное военное вмешательство исключено. Единственная сила, которая могла бы впутаться в это дело военным способом — Япония. Но как раз настроение как японского общества, так и японского правительства таково, что никакое выступление против России сейчас было бы невозможно. Тем не менее китайцы несколько потрухивают и [это?]* скажется на переговорах. Я еще не теряю надежды договориться, не выезжая из Мукдена. В ближайшие дни вопрос этот выяснится окончательно, и об этом Вы будете знать по телеграфу. Из прилагаемого следующего** проекта^а, предъявленного мною китайской делегации, Вы увидите, что он заключает нашу программу максимум, и уступок, которые мы готовы сделать, в нем нет. Он обеспечивает нам большинство не только в финансовом вопросе, но большинство по всем вопросам в Правлении [КВЖД], причем это большинство обеспечивается двояким способом. Во-первых, правом введения в Правление с решающим голосом управляющего дорогой и, во-вторых, путем разрешения вопросов, не решенных в Правлении, на соединенном заседании Правления и ревизионного комитета, что дает нам большинство 8-ми против 7-ми. В проекте внесены оба условия, дающие нам большинство, с тем, чтобы в результате торга от одного из них отказаться. Нам более выгоден второй способ, ибо он дает твердое большинство при всех обстоятельствах; в то время, когда участие управляющего с решающим голосом дает нам большинство бесспорное во всех случаях, кроме назначения самого управляющего. Вто-

* Слово вставлено по смыслу. Отпечатано нечетко.

** Слово не пропечатано. Следующее слово пропущено. По смыслу: соглашений.

рая формула и для китайцев более приемлема, ибо там большинство мы получаем в замаскированной форме, и для сохранения лица, я уверен, они предпочтут эту вторую формулу. У меня в запасе имеется еще уступка ограничить большинство только финансовыми вопросами, но это есть крайняя уступка, о которой мы пока не заикаемся.

Переговоры в Пекине

Если мы договоримся в Мукдене, то в Пекине мы будем чувствовать себя победителями, и тон нашего разговора с пекинским правительством будет совершенно непринужденный. С точки зрения внутрикитайского положения переговоры с пекинским правительством укрепляют его против Чжана и против Суня. Поэтому, поскольку мы заключим соглашение с Мукденом, нам выгодно путем каких-нибудь предварительных [соглашений] затянуть переговоры в Пекине и дискредитировать пекинское правительство. Я еще не решил окончательно, но думаю, что, имея соглашение с Мукденом, прежде, чем начать переговоры с Пекином, можно будет потребовать немедленной передачи нам посольского здания и установления дипломатических сношений с тем, чтобы после этого начать обсуждение всех вопросов. Но об этом я буду Вам также телеграфировать. Я вынужден письмо сократить, т.к. курьер, едущий из Пекина в Москву, не может дольше ждать и должен ехать на вокзал. Доклад Кузнецова¹⁰, который Вы получите вместе с настоящим письмом, рисует довольно правильно положение в Пекине. Кроме того, я советовал бы Вам посмотреть бюллетень пекинского полпредства от 1-го и по 15-е. Он также интересен.

Общественное мнение

В своих телеграммах Вы указывали на необходимость считаться с общественным мнением Китая. С этой стороны дело здесь обстоит благополучно, ибо мой приезд встретил самый сочувственный отклик как раз среди этих демократических групп: студенчества, интеллигенции, национальных группировок и т.д. Из Пекина сообщают, что там они готовятся устроить грандиозную встречу. Такое отношение к представителю советской власти нужно отнести, во-первых, к тому, что вообще наше положение в Китае очень сильно укрепилось. За последний год была проделана очень большая работа, были установлены очень большие связи, и наше посольство окружено вниманием разнообразных общественных слоев. Нужно отметить, что Давтян в этом отношении проделал очень хорошо большую работу. Во-вторых, имеет большое значение то, что в моем лице они видят автора двух известных обращений к китайскому народу¹¹... (Отточие мое. — А.К.).

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 9, л. 7-12.

Машинописный текст, копия, подпись — факсимиле.

Примечания

1. По пути из Москвы (выехал в начале августа 1923 г.) в Пекин Л.М.Карахан посетил Мукден и Харбин. В первом он остановился главным образом для встреч с генералом Чжан Цзолинем. 2 сентября Карахан прибыл в Пекин.

2. Цао Кунь (Цао Чжуншань) — один из главарей чжилийской клики милитаристов, в 1922 г. путем подкупа избран президентом Китайской Республики, в 1924 г. — свергнут.

3. У Пэйфу — китайский военный и политический деятель, в 1920-1927 гг. возглавлял чжилийскую милитаристскую клику, которая в 1920-1924 гг. контролировала пекинское правительство.

4. Фэн Юйсян (Фэн Хуаньчжан) — в начале 20-х годов был связан с чжилийской кликой милитаристов, в октябре 1924 г. — руководитель переворота в Пекине, главнокомандующий Национальными армиями и командующий 1-й Национальной армией.

5. См. прим. 7 к док. № 2.

6. Чжан Цзолинь (Чжан Юйтин) — в то время фактически был полноправным хозяином Маньчжурии, глава прояпонской фэнтяньской клики. В 1924-1928 гг. контролировал пекинское правительство.

7. В Москве вариант военного занятия КВЖД не был одобрен ни в то время, ни в 1926 г. (см. док. № 3).

8. Я.Х.Давтян — в 1922-1924 гг. — советник представительства СССР в Китае. Его предложения не выявлены.

9. Проект не обнаружен.

10. Н. Кузнецов — советский дипломат, участвовал в 1924 г. в переговорах по вопросам КВЖД. Его подпись стоит под соглашением от 24 сентября 1924 г. (см. прим. 6 к вводной статье). Доклад Кузнецова не выявлен.

11. Видимо, имеются в виду декабрьская 1919 г. декларация и Обращение Совета Народных Комиссаров “К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая”, направленное советским правительством 25 июля 1919 г., в которых изложены принципы советского государства об установлении нормальных дипломатических отношений Советской России с Китаем.

№ 2

ПИСЬМО Л.М.КАРАХАНА Г.В.ЧИЧЕРИНУ

Пекин, 11 сентября 1923 г.

НАРКОМУ Г.В.ЧИЧЕРИНУ

Дорогой Георгий Васильевич.

Я не буду подробно излагать Вам всех моих бесед с Чжан Цзолинем¹. Существенное из этих бесед Вы знаете по телеграфу. Я хочу только еще раз объяснить как вышло, что в результате неудачных переговоров нам все-таки удалось найти общий язык с маршалом. Во все время пребывания в Мукдене в беседах с самим маршалом, в беседах с отдельными его приближенными мы систематически и неуклонно подчеркивали одну основную мысль, что ждать мы не можем, что вопрос о КВЖД должен быть решен немедленно, что в Москве имеются разные мнения на счет разрешения этого вопроса, что я являюсь сторонником мирного разрешения и всегда эту мирную точку зрения отстаивал, что поэтому мне сказали, чтобы я поехал и договорился, если я считаю возможным это сделать и если это не удастся мне, стороннику мирного разрешения, то вообще в Москве разочаруются в возможности разрешения этого вопроса путем полюбовного соглашения. Делались намеки и на соотношение сил и на мнение читинских и владивостокских властей, одним словом была создана атмосфера большого напряжения. Во время переговоров с делегатами, отбрасывая все разговоры, отбрасывая обсуждение всех других пунктов, я в упор ставил один вопрос: “согласны на большинство или нет”? Нет — мы прекра-

щаем разговор и спрашивайте новых инструкций у своего правительства. Такая резкая постановка вопроса произвела достаточный эффект. Накануне отъезда, когда я был у Чжан Цзолиня с прощальным визитом, он начал с упреков. Он заявил мне, что он знает меня давно и очень много слышал хорошего, но что он сожалеет, что во время своего пребывания в Мукдене я несколько испортил это хорошее впечатление, ибо я позволил себе угрожать ему военным разрешением вопроса, если он не пойдет на требуемые мною уступки. Я ему тогда ответил, что мне нечего угрожать ему, что если я говорил о том, что мы можем военной силой взять дорогу и не делаем этого, то говорил об этом с одной целью, чтобы показать ему, что мы хотим мирно разрешить вопрос, несмотря на то, что военное разрешение никаких трудностей для нас не представляет². Из других источников мы узнали, что маршал боится разрыва в Мукдене и хочет продолжать переговоры в Пекине через специально присланных доверенных людей. Во время прощального визита он указал на то, что будут посланы специальные люди, которые будут вести дальнейшие переговоры, и что потом я вновь смогу приехать в Мукден и закончить начатое дело. Я на это ответил ему, что в Мукден мне приезжать незачем, что по его приглашению я приехал и пробыл 10 дней совершенно безрезультатно и что у меня нет надежды, что новый приезд мой даст какие-нибудь положительные результаты. Он тогда сказал, что я могу заехать на обратном пути. Я ему ответил, что я еще не знаю, какой дорогой поеду обратно, и что может быть мне не придется ехать через Мукден. Он искал дальнейшего контакта, он старался не оборвать нитей, но я это резко оборвал. После такого заявления я встал, сухо попрощался и ушел. Когда я уходил от него, мне казалось, что я слишком резко оборвал и отрезал пути к дальнейшему разговору и что это было неосторожно с моей стороны. Но дальнейшее показало, что такое резкое обращение с Чжан Цзолинем имело самый благоприятный эффект. В тот же день вечером он был у меня на обеде и сам заговорил о деле. После обеда мы с ним имели беседу тет-а-тет при участии лишь переводчика, доверенного ему человека. Когда комиссар иностранных дел, находящийся при нем, подошел и сел, чтобы принять участие в общей беседе, ибо до этого дня во всех самых конфиденциальных разговорах комиссар иностранных дел принимал участие, маршал пренебрежительным движением руки выгнал его. Тот встал и ушел, и мы остались втроем. Разговор этот велся с поразительной откровенностью. Передаю его кратко. Он прямо заявил, что его желание, чтобы мы фактически находились бы на дороге, но сделать это в порядке соглашения, ухудшающего нынешнее положение китайцев на дороге, он не может ввиду того, что ему приходится бороться на два фронта. Он имеет внутреннюю оппозицию, он будет иметь против себя Пекин и общественное мнение Китая, подогретое Пекином, где он будет изображаться как изменник и предатель национальных интересов в Китае. Он мог бы выдержать эту атаку, если бы он не имел внешнего фронта. За последние дни в связи с моим приездом на него оказывают сильнейшее давление представители иностранных держав, в частности, как он прямо заявил, представитель Японии, который чуть не ежедневно бывает у него, угрожает от имени правительства и требует, чтобы никаких соглашений с ним не подписывалось. Выдержать борьбу на два фронта он не сможет. Иностранцы сидят у него тут же и могут взять его за горло в любой момент, а наша помощь когда-то еще будет. Но он готов пойти с нами на соглашение, которое фактически предоставило бы нам дорогу, но без всякого соглашения, которым он обязывался бы от имени китайского народа. Тогда я предложил ему известную Вам формулу³. Он обрадовался и сказал, что это есть именно то, чего он хочет, но он просил, чтобы я ему написал письмо, где требовал бы немедленного устранения белых и замены всех должностей лицами назначенными Москвой, при-

чем он подчеркнул, чтобы в этом письме я указал бы, что белые, находясь на КВЖД, угрожают нашим границам и что мы дальше этого положения терпеть не можем, причем он подчеркнул, что это письмо ему нужно будет для иностранцев, если они явятся к нему с протестом. Он тогда покажет им письмо и скажет, что вот белые сидят, хозяйничают, угрожают Советской России и что он находился под угрозой нашего военного вмешательства на дороге и поэтому должен был уступить. Это спасает его от нажима иностранцев, а перед лицом своего общественного мнения он остается чистым, ибо положение китайцев не ухудшено. Они фактически будут иметь то же формальное количество единиц на дороге, как и до нас. В дальнейшем он сказал мне буквально, что главная его задача это разделать с негодяем У Пэйфу⁴, что он должен занять Пекин и выгнать оттуда Чжилийскую клику⁵, что сделать этого он не может до тех пор, пока у него не обеспечен тыл и нет настоящей дружбы с нами, а главное он не может этого сделать, ибо не располагает достаточным военным снаряжением и силами и поэтому он просит, чтобы сейчас же после того, как мы сядем на дорогу, мы пришли бы к нему на помощь оружием и инструкторами. Я ему ответил, что это вполне входит в наши намерения и что я могу только лишь жалеть, что лишь после 10-дневного пребывания моего здесь, только накануне отъезда он говорит со мной с той откровенностью, с какой должен был говорить в первый же день, Сейчас же во время этого разговора мы уговорились, что я остаюсь еще на один день, и что бы ни у кого из его приближенных не явилось подозрение, что я отъезд свой откладываю в виду разговора с маршалом, мы уговорились, что отъезд свой я отложу ввиду болезни моей жены, что соответственным образом было сделано, и я отложил свой отъезд на 1 день. На следующий день мы должны были выработать проекты обменных писем. Я их прилагаю при сем письме (см. приложение № 1)⁶. Проекты этих писем были сообщены в течении дня маршалу, который через особо доверенное ему лицо ответил, что в общем он с ними вполне согласен, но что он должен ввиду того, что он не может никого посвятить в это дело, а должен сделать его сам лично, он и должен обдумать, написать и поэтому не успеет в тот же день сделать этого, а поэтому просит меня поехать в Пекин, чтобы не вызвать ни у кого подозрения, а в Пекин он пришлет специальное лицо, с которым мы урегулируем вопрос об обмене письмами. Я тогда указал, что поскольку я не обменялся с ним письмами я ничего в Москву сообщить не могу. Между тем, Москва в большой тревоге, так как я уже сообщил о неудаче переговоров в Мукдене и что я не могу нести никакой ответственности за те решения, которые Москва примет на основании моей пессимистической информации. Поэтому я ему поставил вопрос, могу ли я сообщить в Москву, что вопрос о фактическом занятии нами дороги считается решенным, что маршал пришлет мне в Пекин ответное письмо за своей подписью, и что в Пекине состоится обмен письмами через несколько дней после моего приезда туда, и что Москва может быть спокойна, что соглашение о фактическом занятии нами дороги уже состоялось. Поздно вечером я получил ответ от маршала, что он просит меня сообщить в Москву и просит меня быть уверенным, что раз он дал слово, никаких изменений не может быть и что сейчас же после моего приезда в Пекин туда прибудет специально уполномоченное им лицо, и это лицо было мне названо. Когда я уезжал, советник маршала Ю был на вокзале и шепнул мне два слова (он немножко говорит по русски), что он скоро со мной увидится в Пекине. В Пекине я нахожусь уже целую неделю, но Ю еще не приехал. Я уже хотел командировать в Мукден находящегося здесь Бородина⁷, чтобы выяснить, почему Ю не приехал и указать, что Москва требует быстрого разрешения вопроса, но вчера, 10-го к нам явился один из посредников и сообщил, что им приготовлена квартира для г. Ю, который должен приехать скоро, что сегодня едет курьер в

Мукден и имеем ли мы что-нибудь сообщить туда. Так как посредник не знает ничего о соглашении мы должны были ему в самых осторожных выражениях указать, что мы ожидаем приезда г. Ю и считаем, что это должно быть сделано немедленно.

Надует маршал или не надует? Я в продолжении последних дней много об этом думал и склоняюсь к тому, что он не посмеет надуть. Объективно положение создалось такое, что фактическое занятие нами дороги и наша помощь ему является единственным выходом из положения. Маршал хочет быть в Пекине. Без соглашения с нами в Пекине он никогда не будет, но если он не договорится с нами, он не только не будет в Пекине, но рискует быть разбитым У Пэйфу, ибо иметь против себя и нас, и У Пэйфу он не может. Это настолько ясно, настолько очевидно для него и для всех нас, что ожидать со стороны его какого-либо глупого неосторожного шага, ссорящего его с нами, нельзя. Он достаточно умен и достаточно расчетлив, чтобы понимать это. Когда он лично мне делает заявление и обещает разрешить вопрос определенным образом, он понимает, что делает заявление ответственному представителю правительства и обмануть так мальчишески не посмеет, ибо понимает, что если он обманет, это значит, что мы поставим на нем крест и будем искать другого выхода и других путей для разрешения нашего вопроса и может быть будем искать путей к У Пэйфу. Поэтому, хотя у меня нет абсолютной уверенности в том, что делегат маршала придет и мы обменяемся письмами, я на основании всех этих соображений думаю, что это является самым вероятным и объективным необходимым результатом.

Наш кандидат в управление дорогой тов. Иванов⁸ приехал вчера в Пекин. Начальники отдельных служб и кандидаты в его ближайшие помощники, подобранные им в числе 9 человек, поехали во Владивосток и будут там ждать вызова. Таким образом, здесь у меня имеется необходимый состав для овладения управлением дороги. Остается Правление. На первое время я думаю придется включить в состав правления Погодина⁹ и Ракитина¹⁰ и еще двух местных товарищей, а также товарища Давтяна¹¹, которого придется назначить товарищем Председателя. Присутствие Давтяна в Харбине в первый период овладения дорогой абсолютно необходимо, ибо дело это очень деликатное, нужно сразу же взять правильный тон с китайскими властями. Иванов сам лично великолепно справится с железной дорогой как таковой, но для политической работы необходим будет Давтян. Дело настолько важно, особенно в первый момент, что я сам готов бы поехать в Харбин для непосредственного руководства "октябрьским переворотом" на дороге, но мое пребывание по многим политическим соображениям будет невозможно, и поэтому я буду руководить всем отсюда, из Пекина.

План овладения дорогой нами намечен следующий: мы сговоримся с китайцами, Чжан Цзолинь дает необходимые приказания главноначальствующему на дороге об оказании нам содействия, мы намечаем определенный день, в этот день все входы и выходы в Правление и Управление дороги занимают китайскими властями, наши члены Правления и управляющий дорогой являются в учреждение и требуют немедленной сдачи печати и документов; в случае отказа, китайские власти арестовывают всю верхушку, в случае сдачи печатей и дел их немедленно не арестовывают, но за ними устанавливается строжайший надзор. В первые дни все идет как по старому, а затем постепенно начинается чистка дороги от активно белогвардейских элементов как в самом Управлении, так и по линии. Для того, чтобы эту чистку провести, необходимо на дорогу бросить сотню-другую коммунистов из России. Кроме того необходимо бросить на дорогу коммунистов из ГПУ¹², чтобы на всех главных станциях иметь коммуниста и в то же время человека, прошедшего школу в

ГПУ. Без этого мы не сможем держать дорогу в своих руках. В Харбине и в полосе отчуждения имеется 400000 русских граждан. Партийная организация, так называемый Губком, имеет двести членов партии, из которых нет ни одного старше 1917 года¹³. Между тем самая дорога и весь район по своему экономическому и политическому значению несомненно больше любой нашей губернии. Нужно партийную организацию усилить, подняв ее до высоты хорошего Губкома. Но об этом я Вам буду еще телеграфировать и попрошу тогда обратиться в ЦК к Сталину и к Дзержинскому¹⁴, чтобы в порядке партийной мобилизации на КВЖД было брошено необходимое количество людей, не сразу, а постепенно, причем в отличие от обычных мобилизаций, когда к мобилизуемым попадает элемент недоброкачественный, от которого все учреждения и организации хотят избавиться, эту мобилизацию нужно провести по другому принципу: отобрать лучших людей как на важный боевой фронт и тут нужно чтобы и Учраспред¹⁵ и Дзержинский и Сталин обратили бы на это серьезнейшее внимание, иначе мы с первых же дней провалимся на дороге. Нужно иметь в виду, что мобилизуемые коммунисты и не коммунисты на дороге будут находиться в великолепных материальных условиях, так что сюда можно отправлять людей уставших от тяжелых условий российской жизни, ибо здесь условия жизни великолепны.

На этом я пока кончаю.

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 9, л. 13-18.

Машинописный текст, копия, подпись — факсимиле

Примечания

1. См. прим. 6 к док. № 1.
2. В действительности в то время не планировался военный вариант разрешения вопроса о КВЖД, в том числе и потому, что необходимых военных сил на границе с Маньчжурией у Советского Союза не было.
3. Формула не выявлена.
4. См. прим. 3 к док. № 1.
5. См. прим. 2, 3, 4 к док. № 1.
6. Приложение № 1 к письму не обнаружено.
7. М.М.Бородин (Грузенберг) был направлен руководством РКП(б) в Кантон в качестве политического советника Сунь Ятсена. Выехал из Москвы вместе с Л.М.Караханом в начале августа 1923 г., в Кантон прибыл 6 октября. В 1924 г. — июне 1927 г. — главный политический советник ЦИК Гоминьдана.
8. А.Н. Иванов — позже управляющий КВЖД.
9. Возможно, речь идет о В.Л.Погодине, бывшем в 1922 г. главой миссии ДВР в Китае.
10. М.Я. Раkitин — особоуполномоченный НКВД СССР в Харбине.
11. См. прим. 8 к док. № 1.
12. Главное политическое управление.
13. Имеется в виду год вступления в РКП(б).
14. Ф.Э.Дзержинский — в 1922-1924 гг. — член Оргбюро ЦК РКП(б), с 1924 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК, в 1919-1923 гг. — председатель ГПУ, ОГПУ, нарком внутренних дел, в те же годы — нарком путей сообщения.
15. Учетнораспределительное ведомство.

ПИСЬМО Г.В.ЧИЧЕРИНА Л.М.КАРАХАНУ

3 октября 1923 г.

Тов. КАРАХАНУ

Уважаемый Товарищ,

Генерал Чан Кайши¹ привез полномочия от Сунь Ятсена на разрешение здесь военных вопросов на базисе плана, принятого с тов. Иоффе². В то же время он хочет говорить и о политико-идеологических планах. Делегация нервничает, потому что ею слишком мало занимались и ничего не выходит. Приезд ее сюда довольно неудобен, ибо мы думали, что планы будут разрабатываться на месте, в Китае, после ознакомления военных и политически спецов с ситуацией. Кроме того, они живут здесь весьма шикарно, в противоположность Чжан Цзолиневскому генералу, который считал каждую копейку. Очевидно, Суньятсеновский генерал не доволен тем, что живет на наш счет чрезвычайно широко. У НКВД³ на то нет кредитов, и соответственно уменьшается ассигнованная на Сунь Ятсена сумма. Это все результаты политики тов. Маринга⁴. Надо по* этому положить конец, но мы здесь не можем отшить делегацию, имевшую такое серьезное полномочие от Сунь Ятсена. Используем ее присутствие для подробного обсуждения планов Сунь Ятсена. Из них кое-что можно извлечь, например, создание школы для китайцев, подготовку офицеров и пропагандистов. Но до сих пор мы ничего не получили от отправившихся военспецов, от тов. Бородина⁵ мы имеем только то, о чем упомянули в Вашей шифровке от 8 октября⁶. Спецы ведь поехали прежде всего для того, чтобы изучить положение и нам сообщить. Почему же нам ничего не сообщают?

По всем текущим вопросам тов. Духовский⁷ пошлет Вам детальные сведения. Я напишу в общих чертах об основном. Прежде всего, о военной демонстрации⁸. Это есть дальнейшее развитие того предложения, которое здесь делал тов. Кубяк⁹. Но планы тов. Кубяка возбуждают сомнения даже у его ближайших друзей. Коллегия представила Политбюро план в несколько измененном виде: чтобы Дальревком¹⁰ сам решил, какое количество войск должно участвовать в этих маневрах и когда и в какой форме их лучше произвести. Двинуть к границам в двух местах по 10000 человек, это будет стоить страшно дорого. Когда мы это изложили Политбюро, там высказали серьезнейшие сомнения относительно самого плана. Военные демонстрации делаются тогда, когда есть готовность в крайнем случае пойти дальше. Но Вы несомненно помните, какие были возражения против военных авантур в Маньчжурии, возражения местные и общие. В Политбюро спросили, что же будет, если после военной демонстрации Китай все-таки не уступит. Устроить военную демонстрацию, потом проглотить афронт, это было бы хуже всего. Судя по Вашим последним шифровкам, этот вопрос потерял актуальность. По существу же вопроса, Ваш ответ вряд ли удовлетворит Политбюро.

После этого от Вас получился новый план предварительного соглашения. Я послал Вам запрос, на который только что от Вас получил ответ. Этот ответ еще не было времени обсудить. Между тем, я Вам успел послать второй запрос, на который от Вас еще нет ответа. Согласится ли Чжан Цзолинь и какие будут практические последствия. Далее, мы находим необходимым, чтобы не было письменного соглашения, а то Китай потом сорвет с нами переговоры, а в его руках останется наше письменное согласие на передачу ему железной

* Далее слово не пропечатано.

дороги. На этот вопрос ответа еще нет. Вероятно, в ближайший четверг можно будет обсудить эти новые предложения.

Меня смущает вовлечение сюда вопроса о Монголии. Я думал, что об уходе наших войск будет идти речь только тогда, когда будет решен основной вопрос об отношениях между Монголией и Китаем. План вливания добровольцев в монгольскую армию должен быть еще обсужден в Урге, ибо ответ Главкома¹¹ был несколько уклончивый: исполнимость этого плана зависит от нашего влияния на монгольское правительство. Это вопрос очень сложный, который надо серьезно подработать.

Допустимо ли в предлагаемой Вами форме говорить об уходе нами войск из Монголии в нынешней стадии переговоров, это мы еще обсудим.

Относительно посылки инструкторов-авиаторов и передачи оружия Сунь Ятсену мы еще не обсуждали, так как Вы пишете, что сделаете конкретное предложение по получению Вами подробного доклада.

Относительно переговоров с Японией положение нам неясно. Японские министры иногда говорят, что изучают материалы и что переговоры начнутся потом (когда именно, неизвестно). Иногда японские министры говорят, что переговоров только потому нет, что мы их не предложили. Японские журналисты сказали нам, что японское правительство скрыло от публики наше предложение немедленно после закрытия официальных переговоров начать настоящую конференцию. Я Вам телеграфировал, что надо это недоразумение рассеять и широко публиковать, что тов. Иоффе предлагал немедленно открыть официальную конференцию. Но во всем этом совершенно неясно положение японского правительства. Не продолжает ли оно бросать пыль в глаза. Оно теперь больше зависит от Антанты, чем раньше. Не понизились ли поэтому шансы на заключение договора. В то же время японцы ведут себя невозможно нахально: налет на Самаргу¹² и похищение и разрушение там имущества, снятие наших фарватерных знаков и т.д. — все это указывает на усиление узко военных тенденций. Вы, конечно, уже знаете о нашем протесте Англии, Франции и Америке по этому поводу. Что касается помощи пострадавшим от землетрясения¹³, тов. Антонов¹⁴ рассказал возмутительнейшие подробности про экспедицию тов. Батиса¹⁵. Сам тов. Батис заявлял после возвращения на собрании ответственных работников во Владивостоке, что его целью было прорваться в район землетрясения, чтобы соединиться с революционными рабочими. Японским властям было сказано, что на пароходе нет ни японцев, ни корейцев, ни китайцев, после чего находившиеся на пароходе японские коммунисты громко перекликались с японскими матросами окружающих судов. В определенные части дня все бывшие на пароходе выстраивались на палубе и пели Интернационал и другие революционные песни.

Понятно, что комиссия Смидовича¹⁶ не желает давать деньги, лес японскому правительству, против которого японские профсоюзы ведут такую красноречивую прокламацию. Но что делать, вот вопрос? Вы знаете о плане Смидовича обратить различные деньги на снабжение снастями и вообще необходимыми материалами японских безработных, чтобы они сами ловили рыбу, и то же самое для лесных деланок. Только что получился ответ от Дальбюро¹⁷: ввиду политического состояния Японии, нет сомнения, что японское правительство не допустит организации трудовых артелей японских рабочих и что участками могут воспользоваться только промышленники.

Относительно леса произошло следующее. В бытность в Москве тов. Кубяка было решено использовать лес для давления на японское правительство при переговорах. Главконцесском¹⁸ поэтому решил воздержаться покамест от продления прежних лесных концессий японцам. Решено было всем японцам отвечать, что разрешение этих вопросов зависит от хода Ваших переговоров с японским правительством. Но в этот момент Наркомфин получил сведения о

том, что мы этим ударим самих себя и потерпим колоссальные убытки (было высчитано до 20 милл. зол.руб.). Как раз в данный момент из Японии даются громадные заказы и, если мы не будем им продавать леса или не дадим вывозить концессионного леса, они будут все ввозить из Америки и Канады, куда громадные заказы уже даны. Поэтому произошел в этом вопросе крутой поворот и постановлено возобновить концессии и максимально ускорить экспорт леса в Японию. Против этого теперь протестует Дальбюро; результаты еще неизвестны. Доводы тов. Сокольниковы⁹ были настолько серьезны, что нельзя ожидать смягчения принятого решения о немедленном экспорте леса в Японию.

С товарищеским приветом /ЧИЧЕРИН/

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 5, л. 11-12.

Машинописный текст, копия, подпись — автограф.

Примечания

1. Чан Кайши прибыл в Москву 2 сентября 1923 г. в качестве главы партийно-военной делегации Сунь Ятсена (находилась в Москве по 27 ноября 1923 г.) для обсуждения с Советским руководством военных планов и вопросов партийного строительства. Весь документальный материал о пребывании делегации в Советском Союзе, принятых решениях см.: "ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920-1925. Т. I, док. № № 82-85, 87, 89, 92, 97-99.
2. И.И. Иоффе — в 1922-1923 гг. — полпред в Китае, в 1923 г. вел переговоры с Японией. После встречи и обсуждения с Сунь Ятсеном военных вопросов направил в Москву два варианта военных планов Сунь Ятсена. Текст этих планов см.: "ВКП(б), Коминтерн и Китай. 1920-1925. Т. I, с. 193-198, (док. № 60).
3. Народный Комиссариат по иностранным делам.
4. Г. Маринг (Х. Снефлит) — в 1921-1923 гг. — представитель ИККИ в Китае.
5. См. прим. 7 к док. № 2.
6. Шифровка не обнаружена.
7. С.И. Духовский — в 1920-1924 гг. — заведующий Отделом Дальнего Востока НКВД.
8. Речь идет о проведении военной демонстрации (без военных действий) у границ с Маньчжурией для нажима на Чжан Цзолиня с целью ускорить разрешение вопроса о КВЖД.
9. Н.А. Кубяк — в 1922-1924 гг. — секретарь Дальбюро ЦК РКП(б).
10. Дальневосточный революционный комитет.
11. Видимо, речь идет о Чойбалсане.
12. Самарга — река в Приморье.
13. Имеется в виду Хансайское землетрясение в Японии в 1923 г., в результате которого погибло 100 тысяч человек.
14. Вероятно, речь идет об Антонове — председателе Дальневосточного краевого бюро РСДРП(б), в 1922 г. — уполномоченном по переговорам об эвакуации японских войск.
15. Батис — личность не установлена.
16. Видимо, речь идет о комиссии по помощи пострадавшим от землетрясения в Японии.
17. Дальневосточное бюро РКП(б).
18. Главный концессиональный комитет.

19. Г.Я. Сокольников (Бриллиант) — в 1922-1930 гг. — кандидат в члены ЦК РКП(б)/ВКП(б), в 1921-1929 гг. — член коллегии, заместитель наркома, нарком финансов СССР.

№ 4

ПИСЬМО Г.В.ЧИЧЕРИНА Л.М.КАРАХАНУ

3 октября 1923 г.

Тов. КАРАХАНУ

Уважаемый Товарищ,

Подробно о делах пишут Вам гг. Духовской¹ и Берлин². Прибавлю несколько дополнительных сведений. Авторитетнейшее учреждение³, признав желательным добиться прежде всего эвакуации Северного Сахалина и применения к договору с Японией рапалльского принципа⁴, в то же время по предложению тов. Кубяка⁵ постановило, что желательно использовать при предстоящих переговорах с Японией предоставление им лесных концессий. Это было поручено точнее зафиксировать тов. Пятакову⁶ и мне при участии тов. Кубяка. Мы будем обсуждать и дальнейшие стадии этого вопроса. В дискуссии упоминалось также, что можно использовать и рыбные ловли, но тут нужно быть более осторожными, чтобы не возбудить против себя японских масс, питающихся этой рыбой. На совещании с тов. Пятаковым и Кубяком было принято решение отсрочить все переговоры об утверждении уже выработанных договоров на лесные концессии с японцами и не вести новых переговоров о лесных концессиях с тем, чтобы все эти вопросы были связаны с Вашими переговорами с Японией. Это даст Вам возможность таким путем оказывать давление на японское правительство. Сюда включены и рыбные ловли, но с тем, чтобы действовать гораздо осторожнее и не ставить вопрос о рыбных ловлях слишком остро. Относительно лесных концессий было также решено, что их нельзя давать японцам сплошной массой, а только по шахматному принципу, т.е. в перемежку. На этом же заседании был выдвинут мною вопрос о Вашем предложении предоставить Вам мандат сообразно правам министра финансов в силу устава Вост[очно]-Кит[айской] жел. дороги. Тов. Пятаков признал это целиком желательным, а тов. Кубяк только с некоторым пожеланием смягченных форм. Но и он успокоился, когда ему объяснили, что это делается для внешнего мира, а что внутренняя конституция еще будет разработана с ведомствами. Проект этой внутренней конституции теперь выработан и сегодня принят нами на Коллегии⁷. В ближайшие дни она будет обсуждаться ведомствами. Речь идет только о том, чтобы каждому ведомству было предоставлено то, что ему нормально следует, причем это не устраняет для Вас возможности в экстренных случаях снестись с Москвой для немедленного принятия какого-нибудь решения помимо общего порядка. Для внешнего мира Вы будете выступать в духе Ваших предложений.

При разговоре со мной тов. Кубяк настаивал на том, чтобы наш уполномоченный находился не во Владивостоке, а в Чите с тем, чтобы через него шла вся внешняя политика. Об уполномоченном в Чите Вы уже давно говорили, но вряд ли это может устранить необходимость уполномоченного во Владивостоке.

Оргбюро⁸ в заседании 1-го октября указало, что наш полпред в Китае и в Японии в своей работе, затрагивающей интересы Дальневосточной области, должен учитывать мнения Дальбюро⁹, а также, констатируя, что сплетение

мелких взаимоотношений населения Дальневосточной области с населением Японии и Китая вызывает в настоящее время необходимость со стороны Дальбюро указаний, связанных с внешней политикой, предложить НКИД, если нет серьезных препятствий, перевести представительство из Владивостока в Читу, чтобы облегчить согласование работы представителя НКИД и Дальбюро ЦК. Об этом я Вас запрашивал, но еще не получил ответа.

Точно также я не получил от Вас ответа по некоторым мелким вопросам, например, о возобновлении почтовых сношений с Японией.

В связи с здешними разговорами с гоминьдановцами желательнее еще получить от Вас сообщение о нынешнем положении Сунь Ятсена, его отношениях к Гоминьдану и к другим партиям.

С коммунистическим приветом /ЧИЧЕРИН/

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 5, л. 11-12.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Примечания

1. См. прим. 7 к док. № 3.
2. Берлин — работник НКИД, в первой половине 20-х гг. (с перерывами) работал в Маньчжурии.
3. Речь идет о Политбюро ЦК РКП(б).
4. 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи Рапалло был подписан двусторонний договор между РСФСР и Германией, предусматривавший восстановление дипломатических отношений между двумя странами. Рапалльский договор предусматривал взаимный отказ Советской России и Германии от возмещения военных расходов и убытков, от расходов на содержание военнопленных. Германия отказывалась от претензий государственных и частных лиц в связи с аннулированием старых долгов и национализацией иностранной собственности в Советской России — “при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств”. Советская Россия отказывалась от репарационных платежей с Германии. В переговорах с Японией по Северному Сахалину не было разногласий. Единственный пункт — это вопрос о долгах и старых договорах, заключенных между царской Россией и Японией.
5. См. прим. 9 к док. № 3.
6. Г.Л. Пятаков — в 1923-1927 гг. — член ЦК ВКП(б), с 1920 г. — заместитель председателя Госплана РСФСР, с 1923 г. — заместитель председателя ВСНХ СССР.
7. Речь идет о Коллегии НКИД.
8. Организационное бюро ЦК РКП(б).
9. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б).

(Окончание следует)

Философия

Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая

© 2005

О. Городецкая

Специфику той или иной духовной культуры не в последнюю очередь определяют органичные для нее представления о личности и критериях ее ценности. Эти представления, даже подвергшиеся унифицирующему воздействию "глобализирующего" культурного "мейнстрима", многообразно проявляют себя в этнопсихологических особенностях и идеологиях современных наций.

Истоки традиционных для китайской культуры концепций человека наиболее отчетливо просматриваются в древних ритуалах погребения — концентрированном выражении взгляда на человеческую жизнь и смерть. Изучение погребальных обрядов позволяет прояснить место тех или иных региональных составляющих древнекитайской культуры в ее историческом развитии, уточнить происхождение многих важных для нее элементов картины мира, в том числе воззрений на человеческую личность.

Основным архаическим субстратом китайской традиции считаются энеолитические культуры круга Луншань, с конца III тыс. до н.э. распространившиеся по территории Китая. На их базе во II тыс. до н.э. возникло мощное государственное образование Шан-Инь. Раскопки луншаньских и шан-иньских гробниц позволили отчасти реконструировать погребальный ритуал тех времен. По крайней мере, точно установлено, что он сопровождался приношением в жертву людей, которым отрубали головы. Не исключено, что ритуал умерщвления жертв именно посредством отсекания голов (т.е. лишения лица) и культ человеческого лица (маски) — явления взаимосвязанные в культуре Шан. Именно изображение лица (возможно, лика первопредка Шан-ди) присутствовало на специальных топорах для отрубания голов жертвам. Такие топоры находят во многих шанских погребениях. Как правило, на них изображены рельефы в виде устрашающей маски с прорезанными насквозь контурами глаз со зрачками, ушами, бровями и оскаленным ртом (устрашающий лик божества смерти или первопредок, принимающий в себя дух умершего?). Топор из гробницы царицы Фу Хао (XIII в. до н.э.) выглядит несколько иначе. В центре этого топора изображена человеческая голова в окружении двух драконов с повернутыми к ней распахнутыми пастьми. Это изображение на орудии ритуального умерщвления также достаточно традиционно для Шан-Инь.¹

Городецкая Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, сотрудник Национального музея Гугун (Тайбэй).

Однако в XI в. до н.э. иньскую культуру в долине Хуанхэ сменила чжоуская, возросшая на ином этническом субстрате. В отличие от Инь, археологические памятники которого с разных территорий типологически сходны, Чжоу не было монокультурным явлением. В те времена ярко заявляли о себе иные (в том числе и пост-иньские) этнокультурные образования, которые все больше и больше контактировали, сближались, размежевывались, превращая Поднебесную в “котел” идей, верований и традиций. В то же время чжоуская культура имела ряд типических черт.

В Чжоу высшим божеством почиталась не личность первопредка, но персонифицированное Небо, даровавшее, в частности, мандат на царствование всем “совершенноумдым” правителям древности, а следом и родоначальнику чжоуской династии. Чжоуская космогония не фигуративна. В основе ее лежит распределение всего сущего по принципам тени и света (*инь—ян*), Земли и Неба, а также по пяти направлениям (включая центр) и сезонам. В эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.) сформировался и до сих пор не разгаданный “Канон перемен” (“И цзин”) — гадательная книга, объясняющая миропорядок и течение жизни с помощью графических структур — триграмм и гексаграмм². Явления природы в Чжоу находили свои графические воплощения в иероглифах, схематических знаках, геометрических фигурах, иногда в образе фантастических животных, но не людей.

Однако в *цзюане* (“свитке”) 3 гл. 11 конфуцианского памятника II в. до н.э. “Сообщения школы Конфуция” (“Кун-цзы цзя юй”)³ рассказывается следующее: “Конфуций, посещая Пресветлый зал⁴ видел, что на четырех дверных проемах есть образы (*жун*) [совершенноумдых правителей] Яо и Шуня, изображения (*сян*) [порочных властителей] Чжоу и Цзе. У каждого из них добрый или отвратительный облик (*чжуан*) и сопроводительные поучительные записи о расцвете и упадке. Кроме того, там была картина, где Чжоу-гун, регент [малолетнего царя] Чэн-вана (1024—1005 гг. до н.э. — О.Г.), нес за его плечами щит с изображением секиры во время посещения князьями сидящего лицом к югу [Чэн-вана]. Нынешние знатоки и ученые называют Чжоу-гуна обеспечившим благоденствие поста Сына Неба и удалявшим его от ошибок. Конфуций прогуливался, осматривал, и сказал об этом так: „Это то, что процветало в Чжоу. Пресветлое зеркало, при помощи которого вникаешь в форму. Древность, с помощью которой познаешь современность” ... Конфуций, осматривая Чжоу, дошел до храма земледелия великого первопредка. Справа пред ступенями храма были золотые люди. Трижды запечатаны их молчащие рты, но речет эпитафия на их спинах”.

Эти свидетельства “Кун-цзы цзя юй”, описывающие, казалось бы, дела Чжоу, на самом деле повествуют о памятниках Ранней Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.), “оправдывая” их чжоуской традицией. Действительно, во времена У-ди в зале для аудиенций Лу-цинъ дворцового комплекса “Долгой Радости” — Чанлэ-гун было приказано создать портретную галерею правителей древности. Известно, что одному из своих приближенных У-ди подарил картину с изображением Чжоу-гуна и Чэн-вана⁵. Что же касается “золотых людей”, то это, видимо, те металлические истуканы, что У-ди поместил перед своим дворцом, перенеся их от дворца Цинь Шихуан-ди, основателя первой в Китае централизованной империи Цинь (221–207 гг. до н.э.). Соотнесение ханьских реалий с чжоуской традицией и личностью Конфуция обычно для той эпохи, знакомой которой была государственная идеологическая программа “конфуцианизации”, начатая У-ди. Не менее важно было также отмежеваться от “идеологически чуждого” циньского происхождения некоторых из этих реалий (“золотых людей” и других): “конфуцианизация” имперской идеологии противостояла пережиткам враждебного конфуцианству легизма, бывшего государственной идео-

логией Цинь. Таким образом, свидетельства ханьского ламятника “Кун-цзы цзя юй” описывает факты истории и мировоззрение Хань, а не Чжоу, где не было ни “икон”, ни истуканов.

Именно в чжоуской культуре формируется идея мировой триады: Небо, Земля, Человек. Людское сообщество по значимости встает на один уровень с Всевышним Небом и силами Земли. Человеческим трудом небесные эманации прорастают в земле, дают новые всходы и семена. Тем самым прокламируется особое положение человека по отношению к остальному живому миру, утверждается исключительная ценность человека как такового. Эти процессы сопутствовали идеализации древности (прежде всего личностей и деяний древних “совершенномудрых” государей) и развитию культа предков. Он имел свою “антифигуративную” специфику и парадоксальным образом оказывался вне идей конкретизации и индивидуализации персонажей, поскольку идея “предка”, как будет показано ниже, объединяла всех умерших представителей рода.

В эпоху Чжоу начало складываться закрепившееся впоследствии представление о многосоставности личности. Считалось, что ее низшая составляющая присутствует в человеке в виде семи “земных” душ (*по*), возникающих при зачатии и уходящих в землю вместе с умершим телом, преобразуясь в “нечисть”, “навя” (*гуй*). Иерархически выше стоят три “небесных” души (*хунь*), обретаемых при рождении и преобразующихся после смерти в духов (*шэнь*). В целом семантика *по* и *хунь*, степень их принадлежности конкретному индивидууму довольно расплывчаты. Целью чжоуских погребальных действий было, во-первых, уничтожение вредоносности *гуй*, а во-вторых, объединение трех *шэнь* в единую духовную субстанцию рода — *лин*, которому живые потомки затем приносили поминальные жертвы и который воплощался в табличке с посмертными именами почивших предков. В отличие от *хунь* и *по*, *лин* принадлежит мертвому. Наличие трех *хунь*, превращающихся в трех *шэнь*, обуславливает троичность всех ступеней траура: три дня до первичного, временного успокоения покойного, три месяца — до постоянного.⁶ Интересно, что в центре иероглифа *лин* находятся именно три графических элемента “рот”. Вряд ли их наличие там этимологически связано с идеей трех *хунь*, однако эта графика могла способствовать соотношению иероглифа *лин* с триединым духом покойного (как покажет дальнейший анализ, это значение, скорее всего, не было связано с его изначальной семантикой).

В гл. 54 памятника V-III вв. до н.э. “Чжоу шу” (“Чжоуские писания”) разница между терминами *шэнь* и *лин* представлена в следующем образом: “То, что люди не могут именовать, называется *шэнь*. В смерти письменно завершенный называется *лин*. Среди хаоса остающийся не ущербным называется *лин*. В пределе знающих бесов и духов называется *лин*. Без движения создающий имя называется *лин*. В смерти способный посещать духов называется *лин*. Питающий пристрастие к жертвоприношениям бесам и духам называется *лин*”. Таким образом, духи-*шэнь* могут быть безымянны, т.е. относиться к сфере изначального хаоса, а *лин* обладает письменной завершенностью и хаосу не подвержен. Здесь особо примечательно соотношение духовности с письменностью — очередная демонстрация исходного представления о магических свойствах иероглифики. Недаром термином *лин* обозначалась табличка с именем покойного, считавшаяся вместилищем его *лин*.

Другие упоминания *лин* в главах 4, 11, 49 и 53 “Чжоу шу” также свидетельствуют о более общем, категориальном значении этого понятия по сравнению с *шэнь*. В целом *шэнь* — духи, взятые во множестве, *лин* — единая духовная субстанция. Как сказано в гл. 53 “Чжоу шу” — “Юэ лин” (“Помесячные установления”), в последний летний месяц для обогащения народа новым урожаем предписывалось, поклоняясь небесным первопредкам, именовать сонм

земных духов-шэнь, а храмовые жертвы приносить божеству-лин земли и злаков, [Хоу]-цзи, который считался покровителем правителя и народа. Из этого указа также видно, что *лин* иерархически выше *шэнь* и имеет единое имя. В этом смысле примечательны такие термины, как “духовный свет прежних правителей-ванов” (*сянь ван чжи лин гуан*, “Чжоу шу”, гл. 49) или “четыре духовных концентрата” (*сы лин*, “Ли цзи”, гл. 9/7^а), в которых объединяются все земные и небесные, горные и водные духи каждой из сторон света, и которые имеют зооморфное символическое воплощение в виде единорога, феникса, черепахи и дракона.

О концентрации *шэнь* в рафинированное единство *лин* сказано в 39-м стихе “Дао дэ цзина”, причем этот процесс описан как аналогичный обретению Небом чистоты, а Землей — покоя. “Небеса достигают единства и тем самым чисты. Земли достигают единства и тем умиротворены. Духи достигают единства и тем самым одухотворены”. Любопытно, что этот факт как самоочевидный упоминает Лао-цзы, взяв его в качестве одной из отправных точек для своих идей.

История формирования иероглифа и понятия *лин* заслуживает особого внимания. Согласно ханьскому словарю “Шо вэнь цзе цзы” (“Толкования письмен и изъяснение иероглифов”), основой его был знак *у* (шаманка) или *юй* (нефрит), результатом чего являлись два написания *лин* и определение его исходного значения как “созывания духов при помощи нефрита”. Здесь, возможно, имеются в виду обнаруженные археологами нефритовые маски из Шицзя-хэ, на длинных “шеях”, которые служили рукоятками (для шаманок?). Впоследствии в традиции закрепилось написание с графической основой *у*. Знак *у*, имеющий иньское происхождение, как отмечалось, означает женщину-шамана. Сообразно с этим, иероглиф *лин* в его наиболее раннем употреблении в царстве Чу, в составленном в период Хань из произведений более ранних эпох поэтическом своде “Чу цы” (“Чуские строфы”), в “Дун хуан тай и” (“Оде Первейшему владыке Востока”) из “Цзю гэ” (“Девяти песен”), означал танцующую шаманку. Среди чуских нефритов есть изображение такого экстатического танца (VIII—V вв. до н.э.). Форма иероглифа *лин* вполне соответствует чуской этимологии: внизу расположен знак “шаманка”, над нею три “рта”, которые могут символизировать группу людей, а еще выше — “дождь” — одна из главнейших целей шаманских танцев (вызывание дождя как схождения духов). Возможно также, что в соответствии со словарным значением фонетика (графического элемента, “поддерживающего” те или иные чтения иероглифа) *лин* — “дождь”, три “рта” следует понимать как капли дождя, и/или духи (души). Интересно также, что иероглифика свидетельствует о первичности женского шаманизма в Китае: знак *си*, означающий шамана-мужчину, возникает позже как производный от *у*. Явление того же рода — составной характер иероглифа “мужчина” (состоит из графем “поле” и “сила”), тогда как иероглиф “женщина” ключевой — (представляет собой одну графему). Значение женского начала в архаической культуре Китая закреплено в мифологическом и даосском (т.е. чуском, ибо в Чу зародилась даосская философия) образах Праматери: Си-ван-му (“Матушка — правительница Запада”), Нюй-ва (женский первопредок) и т.п.

Однако в другом стихе из “Девяти песен” — “Сян фу-жэнь” (“Госпожам реки Сян”) иероглиф *лин* употреблен в значении, близком к *шэнь*: “Носишь меж девяти хребтов и встречаю [речных фей], духи их являются мне как облака”. Но и здесь это не простые (земные и безымянные) духи, а облачные явления небесных фей, жен “совершенномудрого” древнего правителя Шуня. Интересно семантическое и графическое сходство иероглифов “облако” (*юнь*) и *лин*: знак “дождь” стоит в верхней части обоих иероглифов. Облако является

природным источником дождя, а шаманка — его испросителем. Маловероятно, что автор этих строк Цюй Юань (IV в. до н.э.) не подразумевал эту близость. Также термином *лин* у Цюй Юаня названо божество реки Хуанхэ — Хэбо — в одноименной песне. Иными словами, в близком к *шэнь* значении “дух” *лин* указывает на конкретное и великое божество.

В чжоуском памятнике “Ши цзин”(“Канон стихов”, “Книга песен”) (IV, V “Шан сун”, 5) *лин* означает духа иньского царя У-дина, который “блистает чистотой и великолепием” (*чжо чжо цзюэ лин*).

Соответствует всем этим значениям и закрепленное в “Цзо чжуани” (“Комментарии Цзо”, Ай-гун, 24-й год) понимание *лин* как “величия”: “Наш государь хочет достичь счастья Чжоу-гуна и желает испросить величия Цзана”. Таким образом, *лин*, с одной стороны, соответствует конкретным божествам, имеющим великие имена, но с другой стороны, эта конкретность собирательна — единый дух рода, дух первопредка, дух воды, света и т.д. Все эти значения выводятся из исходного — “танцующая шаманка”: в нем заключено как понимание особого величия шаманского духа, способного сзывать духов к себе в услужение, так и воплощение шаманкой Праматери, образа единого родового божества. *Лин* предстает в ипостасях соответственно шаманки (собираательницы духов) и божества (представляющего единство духов).

Вследствие представления о едином фамильном *лин* чжоуский культ предков был культом не столько персон, сколько родовой преемственности. Эта его особенность получила закрепление в конфуцианском постулате, сформулированном в “Мэн-цзы” (IV — начало III в. до н.э.): отказ иметь потомство есть крайнее проявление непочтительности к родителям. В заупокойных ритуалах Чжоу идея преемственности и отождествления древнейших праотцев со всеми последующими поколениями умерших, а через них — с живущими и теми, кто должен родиться, прослеживается довольно четко.

Так, в культовой практике Чжоу каждый умерший представлялся мистическим воплощением своего древнего первопредка и всех последующих поколений отцов. Умирая, он воссоединялся с ними, сливался с единством, объединяющем всех тех, кто жил прежде, кто передал свою жизнь живущим ныне; точнее, сохраняет свою жизнь в живущих, а еще точнее — сохраняет свое тело. Ибо жизнь, согласно китайскому пониманию, — телесна.

Погребальный и поминальный ритуалы Чжоу подробно описаны в конфуцианских канонах “И ли” (“Благопристойность в правилах образцового поведения”) и “Ли цзи” (“Записки о благопристойности”).¹⁰ Согласно этим источникам, ни реальный труп, ни его пластическое подобие не могли служить пристанищем для духа умершего, поскольку, как сказано в комментарии к “Ли цзи”, “дух (*шэнь*) — это не человек (*жэнь*)”.¹¹ Подробное описание погребальной церемонии содержится в гл. 12 “И ли” — “Ши сан ли” (“Погребальный ритуал служилых”).¹² Необходимо иметь в виду, что в этом памятнике, созданном в эпоху Чжаньго (“Сражающихся царств”) и дополненном в эпоху Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), как и в “Ли цзи”, в описаниях чжоуских ритуалов могут присутствовать также чуские и ханьские реалии. Не имея иных письменных источников, необходимо сверять приведенные в этих памятниках сведения с данными археологии.

Согласно “И ли”, одежду для облачения покойного сначала вывешивали на крыше, ориентируя ее на север, чтобы очистить от зловредных духов и изгнать их в область вечного мрака. Тело клали в гроб и с зажженной свечой выносили из западных ворот.¹³ Следующим этапом был ритуал жертвоприношения в доме покойного, “заместителем” которого становился наряженный в его одежду живой потомок. Подробно эти ритуалы описаны в гл. 14-16 “И ли”.¹⁴ Потомок руководил церемонией, вкушал жертвы и, согласно ритуалу, играл

роль живого трупа-ши, который предназначался для вхождения духа и его пребывания до воссоединения с единым духом первопредка. По окончании трехмесячного траура покойный обретал постоянное пристанище и впоследствии при жертвоприношениях в храме предков потомок уже не олицетворял “труп”, поскольку персональный дух покойного, воссоединившись с единым духом предков, не нуждается в теле.

Любопытно также то, что роль трупа играл ребенок. Таким образом, потомок (будущее рода) становился наместником покойного (прошлое). Здесь идея относительного тождества предков и живых прослеживается с особой наглядностью. Такой мальчик-мертвец должен был быть самым младшим потомком, а при отсутствии потомства — однофамильцем покойного. Он принимал жертвенные дары и прочие почести, адресованные почившему. Этому обряду посвящены оды “Канона стихов” (III, II, 4, 5 “Фу и” — “Кряква и чайка”)¹⁵ и (II, VI, 5, “Чу цы” — “Прутняк и колочки”)¹⁶. Он также описан в “Записках о благопристойности”, где о таком юном наместнике мертвых сказано: “Труп — это подобие (образец, символ) духа” (*ши шэнь сян е*) (гл. 9/11)¹⁷. Интересно, что иероглиф *сян* затем стал наиболее распространенным китайским портретным термином. Таким образом, фраза может быть прочитана и по-другому: “Труп — это портрет духа”. Таково естественное, биологическое понимание “портретного творчества” Чжоу: воплощение, двойник деда — его внук. В “Ли цзи” под духом-*шэнь* понимается покойный, который уже не имеет телесной формы и не является человеком. Но для того, чтобы дух мог выйти, необходимо живое, родственное ему тело, становящееся формой (*син*) духа.¹⁸ Потомок — это его телесное подобие и живой портрет, форма его души, и потому нет нужды в телах “из всякого камня и всякой глины”, которые были столь необходимы в заупокойных ритуалах иных культур (например, Древнего Египта).

Согласно гл. 1 “Ли цзи”, “трупом” может быть только внук, но не сын: “Благородный муж содержит в себе внука, не содержит в себе сына. Таким образом, сказано: внук может быть трупом деда, сын не может быть трупом отца”. Комментарий к этому пассажи гласит: “Необходим внук, поскольку он соответствует одному порядку старшинства поколений”¹⁹. Это связано с тем, что, по чжоуским представлениям, в роду чередуются поколения отцов — все нечетные, начиная от первого прародителя, и поколения сынов — все четные, начиная от сына первого прародителя. Сообразно с этим таблички-*лин* в родовом храме располагались в два ряда — левый отцовский и правый сыновний. Представлять покойного мог только потомок, принадлежащий к одному с ним ряду, т.е. потомок через поколение.

В гл. 5/7 “Записок о благопристойности” объяснение чжоуского погребального культа вложено в уста Конфуция (552/551—479 гг. до н.э.), беседующего со своим учеником Цзэн-цзы (505—436? гг. до н.э.):

“Цзэн-цзы спросил: Министры (*цин*) и вельможи (*да фу*) Цин в качестве трупа маркиза (*гун*) удостоиваются ночного дежурства (*шоу су*) и получают траурные одеяния второй степени траура (*ци цуй*) для внутренней траурной церемонии (*нэй сан*). Это чему соответствует?”

Конфуций сказал: Удаляться из дворца, чтобы задерживаться в служении — это благопристойность (*ли*).

Конфуций сказал: Труп выходит в церемониальном головном уборе *бянь*. Министры, вельможи и служилые (*ши*) — все следуют за ним. Труп обязателен для церемонии. Он обязательно должен быть впереди процессии”.²⁰

Таким образом, ритуал жертвоприношения для поминовения усопших невозможен без потомства, поскольку дух не имеет наследственного тела, в которое он мог бы войти. Такой ритуал называется “жертвоприношение закупо-ренному” (*я*). И об этом отдельно говорится в гл. 5/7 “Ли цзи”.

“Цзэн-цзы спросил: При жертвоприношении [духу умершего] обязательно иметь труп? Как можно поступать при жертвоприношениях “закупоренному”?”

Конфуций сказал: В жертвоприношения при траурных церемониях труп обязателен. Трупом обязательно является внук. Если внук еще младенец, то на руках взрослого человека. Если нет внука, то можно взять из однофамильцев. Когда приносятся жертвы умершему в малолетстве, необходимо совершать ритуал жертвоприношение “закупоренному”. При этом церемония считается совершенной. Если идут траурные жертвенные церемонии, но нет трупа, то это [посвящается] умершему в малолетстве.

Конфуций сказал: Есть иньский обряд “закупоренному” и янский (т.е. соотносящиеся с дуальными космическими началами *инь* и *ян*. — О.Г.) обряд “закупоренному”.

Цзэн-цзы спросил: Если умершему в малолетстве не совершают жертвоприношения по случаю приобщения его к духу предка, то что при этом называется иньским, а что янским.

Конфуций сказал: Если старший наследник умер в малолетстве, то младший наследник не должен представлять потомка. Тогда по окончании первого периода (трехдневного. — О.Г.) траура приносится в жертву одно жертвенное животное. Жертвы умершему в малолетстве не преподносятся. Нет жертвенных столиков, нет жертвенных возлияний. Не объявляют, что ритуал жертвоприношения завершен. Это называется иньским обрядом “закупоренному”.

Если младший брат умер в малолетстве и без потомства, то жертвы приносятся в семье старшего наследника. Старший в доме одет в белое. Жертвенную чашу ставят на востоке. Это называется янским обрядом “закупоренному”²¹

Согласно гл. 14 “И ли”, при отсутствии “трупа” возможно бескровное жертвоприношение готовой пищей (*цзянь*) и исключена прощальная трапеза (обозначается омонимичным иероглифом *цзянь*).²²

Так погребальный ритуал Чжоу закреплял ценность потомственной преемственности и культурную норму, согласно которой не имеющие продолжателей своего тела не имеют права на полноценное поминовение с жертвенными дарами. Умершие до срока и без потомства остаются без жертвенной снеди и потому превращаются в “голодных” и “бесприютных духов” (*э гуй, гу гуй*). Интересно, что этот древний образ, трансформировавшись, впоследствии укоренился в китайском буддизме.

Описанные выше “костюмированные живые трупы” были не нетленными, а временными пристанищами усопшего и к тому же не принадлежали только ему. Они, скорее, олицетворяли преемственность от первопредка до последнего потомка. Тем самым утверждалась идея непосредственного продолжения потомками тела предков. Будучи похожими на умерших, они были их естественной природной копией, поколение за поколением рождающейся вновь изнутри — из семьи, из биологического продолжения человека, а не извне, как пластическое или графическое изображение облика конкретного покойного. Они были продолжателями, а не двойниками.

Наместники мертвых, так называемые трупы, провожали умерших, их духов-*шэнь*, и помогали им воссоединиться с духом первопредка. В дальнейшем вместилищем души покойного и объектом поклонения становилась упоминавшаяся выше деревянная или глиняная табличка (*лин*) с записанным на ней посмертным именем (*ши*) усопшего. Идентичность родовой души *лин* и ее иероглифического воплощения зафиксирована уже тем, что дух и табличка с именем духа называется одинаково. Кроме того, в “Цзо чжуани” (Вэнь-гун, 1-й и 10-й гг.) прямо говорится о том, что *ши* соответствует *лин*.²³ Таблички с иероглифами посмертных имен были хранилищами душ умерших, воссоеди-

нившихся со своими предками. В таком воссоединенном, божественном виде духи предков преобразуются в единое родовое божество-*лин*. Таблички-*лин* с именами единого родового божества вплоть до позднейшего времени было принято складывать одну поверх другой внутри небольших, специальной формы семейных алтарей. Когда они туда уже не помещались, нижние закапывали в могильники, и так продолжалось до тех пор, пока что-нибудь не прерывало бытие семейного древа. Так категория семьи оставалась превалирующей над понятием индивидуума.

Таким образом, в культуре Чжоу не пролеживается отчетливой религиозной необходимости изображать людей, которая была бы связана с верованиями в потустороннее, соответствующими идеями и идеалами. Однако в погребальных действиях и заупокойных ритуалах периода Чжоу стали появляться некие антропоморфные атрибуты, например, деревянные статуэтки-*юн*, которые можно встретить в захоронениях, начиная с V в. до н.э. История появления этих статуэток и их семантика требует отдельного исследования.

В древности, которую комментарий “Ли цзи” относит к временам Ся (в переложении на современную хронологию это XXIII—XVIII вв. до н.э.), было принято делать из тростника некий атрибут для отправления заупокойного культа. В реальности, видимо, “Ли цзи” описывает одну из исконно чжоуских традиций (возможно и сяскую, если Ся считать проточжоуским образованием). Назывался этот атрибут “соломенный(ая) шаман(ка)” или “соломенный дух” (*чу лин*). Назначение его не указано. Однако, по-видимому, он должен был являться неким орудием в руках жреца (жрицы?), свершающего (совершающей) погребальный обряд. Мог ли *чу лин* олицетворять дух покойного, не ясно. Представляется, что все-таки нет, поскольку индивидуализация была еще мало свойственна раннечжоуским временам и собственно чжоускому мировоззрению. С большей вероятностью *чу-лин* мог иметь отношение к единому духу всех почивших предков, к которому предстояло присоединиться духу покойного, или олицетворять великий дух шамана, в чьих руках он находился. Существенным моментом является вопрос о моменте применения *чу лина* — до или после положения в гроб. В первом случае это мог быть обряд очищения покойного, во втором — этап призывания его духов-*хунь* к единству.

Согласно изысканиям Н.А. Червовой, поклонение предку могло осуществляться еще и следующим образом: изготовленный из бамбука скелет, облаченный в одежду только что умершего, выступал в качестве сакрального заместителя его души, а также души первопредка, был его двойником (*чун*). Бамбуковому “двойнику” молились, подносили жертвенные дары.²⁴ К сожалению, не удается найти очевидных подтверждений традиции изготовления таких “святых статуй” и понять, какой из культур она могла принадлежать. Вообще, как становится очевидным в результате исследования погребальных обычаев и Чжоу, и Чу, и Цинь, идея двойничества в целом противоречит китайскому мировоззрению.

Что же касается *чу лин*, то о них говорится в “Ли цзи” в следующем контексте:

“Конфуций сказал: Делающие просветляющие орудия (*мин ци* — похоронные атрибуты. — О.Г.) знает путь траура (*сан дао*). Нельзя использовать заготовленные вещи. Увы, для умершего использовать орудия живущих, разве это не то же, что использовать сопребение (*сюнь*)?! Сказано: просветляющие предметы — это духовный свет (*шэнь мин*). Глиняный катафалк (*ту цзюй*) и соломенное божество (*чу лин*) — существующий с древности путь просветляющих орудий.

Конфуций сказал: Делаящий соломенное божество добронравен (*шань*). Делаящий статуэтки (*юн*) не гуманен (*бу жэнь*). Разве это не похоже на использование людей?!"

В комментарии известного знатока классики Чжэн Сюаня (127—201 гг.) сказано, что духовный свет соответствует умершему и это то, что отличает его от человека. В пояснении другого авторитетного знатока канонов, Кун Инда (574—648 гг.), дан некий исторический экскурс. Согласно ему, в Ся знали путь духовных похорон, делали соломенные божества и понимали, что духи и бесы отличны от людей. В Инь использовали для покойного вещи живых людей и самих живых людей, преподнося их покойному в качестве жертвенной пищи. В Чжоу вместо живых сопогребенных стали использовать деревянные статуэтки. Однако, поскольку они имеют форму человеческого тела и лица, то по содержанию близки к живым жертвам и, вероятно, могли восприниматься как их магические двойники. Такой ритуал Конфуций не признавал "гуманным".²³

О том же говорится и в "Мэн-цзы" (I А, 6), также со ссылкой на Конфуция. "Чжунни рек: Начавший делать статуэтки, видимо, не имел потомства! Они делаются похожими на людей и так же употребляются. Так поступающие подобны тем, кто доводит народ до голодной смерти".

Комментарий связывает этот отрывок с предыдущим, где говорится о тех, кто налогами доводит людей до голодной смерти. Они сравниваются с поедателями людей дикими зверями, которым уподобляются те, кто желал иметь в своей могиле сопогребенных.

Однако, согласно археологическим находкам, замещение живых жертв деревянными изображениями было принято не в Чжоу, а почти исключительно в ареале южного царства Чу. Феномен чуской культуры настолько грандиозен, его история настолько глубока, а археология — изобильна, что немало ученых утверждают, будто именно чуская культура стала базовой для всего Китая. В целом эта точка зрения выглядит вполне обоснованной. Кун Инда, говоря о том, как в Чжоу стали делать статуэтки, на самом деле описывал явление чуской культуры. И этот факт — одно из косвенных доказательств примата чуской составляющей в культурокомплексе Древнего Китая.

Однако в I тыс. до н.э. продолжал существовать и другой тип погребального ритуала, в котором, как в иньские времена, использовались не соломенные "духи" и даже не деревянные статуэтки, а умерщвленные и сопогребенные люди. Главным культурным центром этой традиции было древнее царство Цинь.

Когда Цинь создало всекитайскую империю, то в знаменитой гробнице императора Цинь Шихуан-ди оно совместило собственные и чуские обычаи. Поэтому там были и сопогребенные, о чем ясно сказано у Сыма Цяня, и их пластические подобию — в виде знаменитой глиняной армии Цинь Шихуан-ди. При этом "удвоения" тел не было. Живую армию не погребли. В гору Лишань отправили жен и наложниц, евнухов и дворцовую прислугу, а также строителей усыпальницы.

Тема борьбы с ритуалом сопогребения, появившаяся в Чжоу и развитая конфуцианскими учителями, оставалась актуальной и в период Хань, поскольку исходно иньский и принятый Цинь ритуал человеческих жертвоприношений продолжал существовать в различных областях Поднебесной. Такие захоронения, относящиеся к I тыс. до н.э., находят и на Западе, и на Востоке, и на Севере. Но в большинстве ханьские покойники, как и чуские, принимали к себе в склеп только пластические воплощения сопогребенных. Этот обычай стал источником китайской антропоморфной скульптуры. Сохранялся он и спустя тысячелетия. Так, в 63-й главе романа "Цзинь, Пин, Мэй", созданного в XIV в.,

рассказывается, как для умершей госпожи Ли Пиньэр в лавке были куплены две фигурки служанок.

Древние ритуалы погребения складывались и эволюционировали в ходе взаимодействия разных, во многом отличных и самостоятельных культурных комплексов. Эта эволюция была отнюдь не прямолинейной, а соответствующие обычаи даже в "конфуцианской" империи далеко не во всем отвечали каноническим требованиям, освященным авторитетом Конфуция. Вместе с тем можно констатировать, что именно взаимовлияние чжоуских и чуских традиций во многих отношениях определило вектор развития представлений о человеческой личности и ценности человеческой жизни в китайской культуре.

1. Чжунго чжун да каогу фасянь [Великие археологические открытия Китая]. Пекин, 1990. С. 94; Men and Gods. New Discoveries from Ancient China. Louisiana, 1997. P. 49.
2. См.: Щуцкий Ю.К. Китайская классическая Книга перемен. М., 1997.
3. "Кун-цзы цзя юй" [Сообщения школы Конфуция] — возможно, первый памятник ханьского конфуцианства, созданный во II—I вв. до н.э., возможно, во времена императора У-ди (145-87 г. до н.э.) и с его "благословения", дополнен и переиздан в VII в. В "Кун-цзы цзя юй" явно прослеживается попытка привязать явления Ранней Хань к традициям Чжоу. "Сообщения школы Конфуция" являются не канонизированным конфуцианским памятником, однако в библиографическом разделе "Хань шу" ["Писаний Хань"] они квалифицируются как конфуцианское сочинение круга "Лунь юй" ["Суждений и бесед"] Конфуция. Возможно, это связано с пропагандой ханьского "ортодоксального конфуцианства", которое начал насаждать У-ди. См. ксилографическое издание: "Кун-цзы цзя юй" ["Сообщения школы Конфуция"] // Сы бу бэй яо [Главное в полноте по четырем разделам]. Т. 1130—1131. Цз. 9—10. Шанхай, 1936. Пер. на англ. яз. R.P. Kramers.
4. Пресветлый зал (*мин тан*) — ритуальная постройка, служившая для приема правителем подданных. Ему приписывается чжоуское происхождение, но такие "залы" неоднократно сооружали императоры династии Хань.
5. См.: Го Жосюй. Ту хуа цзянь вэнь чжи [Записи о виденных и известных по рассказам произведениях живописи]. Шанхай, 1963. С. 5; Го Жосюй. Записи о живописи: что я видел и слышал. М., 1978. С. 19, 238. Пер. К.Ф. Самосюк.
6. Подробное описание погребальных действий первых трех дней после кончины, а также регламентацию троичности этапов см.: И ли чжу шу [Благопристойность в правилах образцового поведения. С комментариями и толкованиями]. Ч. 1-4 // Ши сань цзин чжу шу. Т. 15-18. Шанхай, 1957. Ч. 3-4.
7. Исторический памятник "Чжоу шу" прежде почти не учитывался в отечественной синологии. Между тем он является аутентичным источником V—III вв. до н.э. "Чжоу шу" повествует о ритуалах, нравах и исторических событиях государства Чжоу. Часть трактата считается даже созданной в период Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н.э.). Однако поскольку этот памятник не был включен в конфуцианский исторический канон, он оставался в тени и крайне слабо изучен. Дошедший до нас вариант, изданный в III—IV вв. Кун Чао без комментариев, состоит из 70 глав и добавочного текста, аутентичность которого и принадлежность к "Чжоу шу" ставится под сомнение. В неизвестное время источник получил название "Неканонические писания Чжоу" ("И Чжоу шу"), поскольку они не вошли в конфуцианский канон. См. ксилографическое издание: И Чжоу шу [Неканонические писания Чжоу] // Сы бу бэй яо. Т. 1110—1111. Шанхай, 1936.
8. Ли цзи // Хуан Кань шу пи бай вэнь "Ши сань цзин" ["Тринадцатиканоние" без комментариев с пометками Хуан Каня]. Шанхай, 1983. С. 83; Ли цзи чжэн и [Правильный смысл "Записок о благопристойности"] // Ши сань цзин чжу шу ["Тринадцатиканоние" с комментариями и толкованиями]. Т. 4/22. Цз. 22. Гл. 9. Л. 8. С. 1044.
9. См.: Го юй [Речи царств] Чу юй [Речи царства Чу] Т. 2. Ч. 1. Шанхай, 1958. С. 203.
10. "Записки о благопристойности" ["Ли цзи"] — канонический конфуцианский памятник, созданный в IV—III вв. до н.э., дополненный и комментированный во II—I вв. Среди разнообразия учений I тыс. до н.э., на мой взгляд, именно конфуцианство

наиболее полно соответствует исходной чжоуской традиции и подытоживает ее. Конфуций считал себя преданным учеником и продолжателем дел и идей Чжоу-гуна (первого правителя города-государства Лу — родины Конфуция), который, в первую очередь, был совершенномудрым советником чжоуского У-вана, получившего от Неба мандат на управление Поднебесной. После смерти У-вана Чжоу-гун был регентом при малолетнем Чэн-ване и учил его принципам управления. Поэтому зафиксированные в “Ли цзи” ритуалы, вероятно, вполне адекватно отражает древние пласты чжоуской культуры, отчасти сохранившейся и в более поздние времена во многом благодаря конфуцианству.

“И ли” [“Благопристойность в правилах образцового поведения”] — другой канонизированный конфуцианством памятник V—III вв. до н.э., треть которого посвящена подробному описанию ритуалов заупокойного культа. Однако в нем чжоуские реалии перемешиваются или с чускими, или с последующими ханьскими.

11. Ли цзи чжэн и. Т. 2. С. 406-407.
12. И ли чжу шу. Т. 3/17. С. 993-1090.
13. И ли чжу шу. Т. 3/17. С. 1068-1069. Что в дальнейшем происходило с трупом, ни в “И ли”, ни в других источниках определенно не говорится. Открытым остается вопрос о существовании в Чжоу обычая кремации. О сожжении гроба с покойным говорится в комментарии III в. к “Лу юй” [Сообщениям царства Лу]. К сожалению, это единственный и не синхронный письменный источник. Хотя кремация с целью избавления от вредоносности *гуй* могла иметь место в Чжоу, учитывая общую “нетелесность” этой удивительной культуры, которая принципиально отличается от всего, что было до и будет в Китае после, в том числе в империи Хань, правители которой мыслили себя себя возрождающими чжоуские порядки.
14. И ли чжу шу. Т. 4/18. С. 1207-1498.
15. Мао ши [(Канон) стихов (в версии) Мао] // Хуан Кань шоу пи бай вэнь Ши сань цзин; Мао ши чжэн и [Правильный смысл (Канона) стихов (в версии) Мао] // Ши сань цзин чжу шу. Т.5/9. Цз.17(2)/55. Л. 12. С. 1471. В переводе: Ода о наместнике мёртвых // Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. А. Штукина. М., 1987. С. 239-240.
16. Мао ши. С. 94; Мао ши чжэн и. Т. 4/8. Цз. 13(2)/42. Л. 4-5. С. 1098-1099. В переводе: Жертвоприношение предкам // Шицзин. С. 189-191.
17. Ли цзи чжэн и. Т. 3/21. С. 910; Т. 4/22. С. 1213.
18. Там же. С. 910.
19. Там же. Т. 1/19. С. 122.
20. Там же. Т. 3/21. С. 918-919.
21. Там же. Т. 3/21. С. 910-914.
22. И ли чжу шу. Т. 4/18. С. 1242-1243, 1251.
23. Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и [Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”] // Ши сань цзин чжу шу. Т. 2/28. С. 709.
24. Червова Н.А. Китайский живописный портрет эпохи феодализма. М., 1952. С. 4. Рукопись дипломной работы исторического факультета МГУ.
25. Ли цзи чжэн и. Т. 2/20. С. 406-407.

Религия

Идеологические интерпретации социальной роли религии и буддизм в КНР

© 2005

С. Горбунова

Установка на "взаимосоответствие религии и социалистического общества" (*цзунцзяо юй шэngxуэйчжун шэngxуэй сян шиин*) получила распространение в КНР в начале 90-х годов XX в. В новом тысячелетии она превратилась в обозначение долгосрочного политического курса в отношении религии.

Впервые эта формулировка, подразумевающая как определенные требования к религиозным конфессиям, так и обязательство некоей толерантности властей по отношению к верующим, прозвучала 7 ноября 1993 г. в выступлении Цзян Цзэминя, в то время Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР, на Всекитайском совещании по работе единого фронта. Выдвижение новой идеологемы было обусловлено и внешними, и внутренними причинами. К внешним относились кардинальные социальные и политические изменения в странах бывшего социалистического лагеря. Эти изменения недвусмысленно указывали на то, что падение власти прежних правящих партий было связано с постепенной утратой контроля над политическими, идеологическими и социальными процессами в государстве, в том числе в сферах межнациональных отношений и религии. Внутренние причины, вызвавшие к жизни новую установку, — это прежде всего негативные, с точки зрения властей КНР, идейные и общественные тенденции, ставящие под угрозу политическую стабильность в стране. Такого рода тенденции проявили себя как в социальных движениях, которые реализовались в студенческих волнениях весны 1989 г., всколыхнувших китайское общество, так и в разного рода эксцессах и юридических нарушениях, отразивших проблемы в области политико-правового регулирования межнациональных отношений и религиозной деятельности.

Среди негативных моментов, касающихся жизни религиозных конфессий, Цзян Цзэминь выделил два типа проступков: те, что допускались верующими, и те, которые совершались местными властями. К первым он отнес произвольное строительство новых храмов, реставрацию и расширение старых, несанкционированное проведение "масштабных религиозных мероприятий", "случаи религиозного вмешательства в дела органов власти, юстиции, просвещения, в сферу бракосочетания, в производственную деятельность и повседневную жизнь народных масс"; "восстановление давным-давно ликвидиро-

ванных религиозно-феодалных привилегий, порядков угнетения и эксплуатации” и т.п. К числу нарушений второго рода руководитель партии и государства причислил “факты нарушения свободы вероисповедания граждан, посягательства на законные права и интересы религиозных конфессий”. Среди ошибок, допущенных властями в этой сфере, он отметил проявление “тупого равнодушия” руководителей кадров к нуждам верующих, “серьезный бюрократизм”, попустительство злоупотреблениям религиозной обрядностью¹. В связи с этим Цзян Цзэминь подчеркнул, что “в национальном и религиозном вопросах нет малых дел”².

В его выступлении были определены три важнейших принципа деятельности в сфере религии: “Во-первых, надо всесторонне и правильно проводить в жизнь политику партии в отношении религий; во-вторых, по закону усилить контроль над религиозными делами; в-третьих, активно вести религию к взаимосоответствию с социалистическим обществом”³. Последнее положение Цзян Цзэминь счел нужным подробно разъяснить. “Как претворение в жизнь партийной политики свободы вероисповедания, так и усиление по закону управления религиозными делами имеют целью привести религию в соответствие с социалистическим обществом. Религия представляет собой исторический феномен, который может существовать в социалистическом обществе долгое время. В случае несоответствия социалистическому обществу неизбежен конфликт. Под соответствием подразумевается отнюдь не требование к верующим отказаться от своего верования, а, в политическом плане, требование к ним любить Родину, поддерживать социалистический строй и руководство Компартии. Одновременно надо преобразовать религиозные порядки и догмы, не соответствующие социализму, использовать положительные факторы из религиозных учений, канонов и морали на служение социализму”⁴.

Принципиально важно отметить, что в содержании установки доминирующее место отведено государственным интересам и ответственности верующих перед обществом. Вместе с тем обращалось внимание и на то, что “нельзя административной силой ни ликвидировать религию, ни развивать религию”⁵. Раскрывая положение о приоритете Конституции и законов в регулировании жизни религиозных конфессий, Цзян Цзэминь подчеркнул, что “защита нормальной религиозной деятельности и пресечение, подавление противозаконной, преступной деятельности”, использующей религиозную атрибутику, — это “две стороны одного вопроса, которые нельзя противопоставлять”⁶. Однако критерии “нормальной” и “противозаконной” религиозной деятельности не были четко обозначены.

Первым делом к теоретическому обоснованию и концептуальному оформлению идеи, выдвинутой руководством страны, приступили китайские ученые. Так, в вышедшей в 1995 г. книге Дай Каншэна и Пэн Яо “Социализм и китайские религии” авторы констатируют, что две сферы — общественная и религиозная — могут иметь общие цели и соответствовать одна другой только при определенных условиях. Предпосылки для такого взаимосоответствия появились в процессе реформ. При этом оно отнюдь не означает примирения религиозного идеализма и научного социализма, базирующегося на диалектическом и историческом материализме⁷. “Научный социализм руководствуется атеизмом, а религия — теистическими теориями. Научный социализм опирается на знание объективных законов развития материи и общества, а религия отражает иллюзии относительно роли потусторонних сил. Научный социализм ориентируется на познание объективного мира и его улучшение путем искоренения любой эксплуатации, с тем чтобы посредством революции добиться освобождения человечества. Религия дает только иллюзию убежища от эксплуататорского режима. Научный социализм ратует за освобождение человечества и

построение счастливого общества на земле. Религия опирается на теории о возможности окончательного освобождения после смерти и достижения счастья в потустороннем мире”⁸.

“Взаимосоответствие” религии и социалистического общества, даже “гармония” между ними, по Дай Каншэну и Пэн Яо, оказываются возможными потому, что религия — это не только форма общественного сознания, но и форма общественной практики, а также культуры. В связи с этим авторы упоминают концепции “Буддизм в жизни человека” (*жэньшэнь фюцзяо*) и “Буддизм в жизни людей” (*жэньцзянь фюцзяо*).

Первая из них была выдвинута известным реформатором китайского буддизма монахом Тайсюем (1890–1947). Проблему социально ориентированного буддизма он толковал в духе буддийского универсализма. С одной стороны, Тайсюй считал, что буддизм может служить не только отдельному социуму, но и всему человечеству. С другой — он также утверждал, что невозможно преобразовать мир политическими действиями, если человек не изменится изнутри. По мнению Тайсюя и его последователей, главной чертой буддизма является “осознание” (*цзюэ*) тем, кто достиг “пробуждения” (просветления), взаимозависимости индивида и окружающего мира, страданий всех живых существ. Второй чертой буддизма мыслилось самоотождествление индивида с окружающим миром. И, наконец, третьей чертой считалась настоятельная необходимость действия, в том числе в общественно-политической сфере. Теория Тайсюя в середине XX в. получила развитие у его последователя и ученика монаха Иншуня, который назвал расширенную версию концепции своего учителя “Буддизм в жизни людей”. Впоследствии он немало сделал для ее распространения в среде тайваньских буддистов.⁹

В начале периода реформ в КНР видный буддийский деятель Чжао Пучу¹⁰, ставший в 1983 г. Председателем Буддийской ассоциации Китая, восстановленной после лихолетья “культурной революции”, предпринял попытку возродить ряд положений этой теории. Его целью было повышение общественной значимости и авторитета сангхи (буддийской общины) в новых условиях. Справедливо будет предположить, что инициативы Чжао Пучу, вхожего во властные структуры, могли сыграть свою роль и в выдвижении установки на “взаимосоответствие религии и социалистического общества”. На это косвенно указывают также упоминания названных выше концепций в книге Дай Каншэна и Пэн Яо.

В процессе экономического развития, рассуждают эти авторы, трансформируется общественный строй, меняется идеология. Однако религиозное учение на протяжении тысячелетий может оставаться неизменным. Это означает, что религии могут адаптироваться к новым историческим условиям. Такая адаптация в период общественных изменений требует разрешения возникающих противоречий, что справедливо и в отношении периода реформ. Существующее противоречие между религией и социалистическим строем определяется авторами как “противоречие внутри народа”, т.е. неантагонистическое¹¹.

В условиях открытости и реформ общество и религия следуют общему курсу и имеют общую цель — укрепление патриотизма и осуществление социалистической модернизации. Это не означает, что массы верующих должны отречься от своей веры и отказаться от своих принципов¹². Вместе с тем авторы приходят к заключению, что “любовь к Родине и любовь к религии” (*айго айцзяо* — эта формула тоже получила распространение в религиозных кругах в 90-е годы) не противоречат друг другу, а “взаимосоответствие религии и социалистического общества” — “историческая необходимость, общее чаяние на-

рода". Они подчеркивают также, что "достижение соответствия и преодоление несоответствия" — длительный исторический процесс¹³.

Идейно обосновывая установку на "взаимосоответствие", Дай Каншэн и Пэн Яо вместе с тем обнажили ее внутреннюю противоречивость. Положение о "взаимном" движении сторон навстречу друг другу в конечном итоге сводилось к тому, что именно верующие должны приспосабливать свои интересы к требованиям социалистического общества.

Вплоть до 2000 г. идея "взаимосоответствия религии и социалистического общества" оставалась теоретической установкой, спущенной сверху, которая растворилась среди прочих идеологем, определявших государственную политику в отношении религии. Религиозными кругами она не была востребована. Пристальному вниманию к ней через семь лет после ее обнародования способствовала активизация секты "Фалуньгун"¹⁴, деятельность которой в КНР была запрещена. Видимо, сыграла свою роль и определенная активизация имеющих религиозную окраску сепаратистских движений, прежде всего в Синьцзяне и Тибете. Представители власти, работники организаций, призванных контролировать и регулировать религиозную деятельность, и руководители религиозных объединений вновь обратились к установке на "взаимосоответствие" и стали активно содействовать ее последовательному сближению с реальной жизнью.

Началось ее активное обсуждение в буддийских кругах. Так, современным тенденциям в китайском буддизме в аспекте проблемы "взаимосоответствия" была посвящена конференция, состоявшаяся в Шанхае 18-20 сентября 2000 г. Она была организована по инициативе Буддийской ассоциации Китая и прошла в монастыре Юйфо-сы под эгидой ее шанхайского отделения. В конференции приняли участие представители центрального руководства БАК и отделения в Шанхае, Научно-исследовательского института буддийской культуры, Шанхайского городского бюро по делам религий и национальностей, а также прибывшие более чем из 20 провинций, районов и городов Китая "мастера дхармы", религиозные ученые и светские исследователи, всего около 100 человек¹⁵. 18 сентября с докладом выступил мирянин Дао Шужэнь, являвшийся в то время заместителем Председателя БАК. Он выразил мнение о том, что "буддизм к настоящему времени сравнительно со столетием, прошедшим со времени освобождения Китая от феодализма, и пятидесятилетием, прошедшим со времени образования КНР, достиг наилучшего состояния"¹⁶. За двадцать лет открытости и реформ в религиозной сфере был преодолен ряд трудностей. Вместе с тем в буддийской среде все еще наблюдается ряд отрицательных явлений. К их числу были отнесены проявление равнодушия к идее "взаимосоответствия буддизма и социалистического общества", ослабление демократических принципов управления монастырями и т.д.¹⁷ Завершил выступление риторический призыв "высоко нести знамя любви к Родине, любви к религии, единства, а также культивировать идею взаимосоответствия буддизма и социалистического общества с китайской спецификой"¹⁸.

Представитель нового поколения китайских буддистов, сформировавшегося уже в период реформ, "мастер Дхармы" Сюэчэн¹⁹, являвшийся в то время заместителем секретаря БАК и излагавший официальную позицию ее руководства, заявил, что идеи буддизма сопоставимы с теорией социализма и между ними много общего²⁰. Секретарь ШБА, "мастер Дхармы" Чжаочэн в унисон подчеркнул, что каждое буддийское начинание должно опираться на практику, соответствовать требованиям нынешней стадии развития социалистического общества и, в особенности, требованиям открытости и делу социалистического строительства²¹.

Несколько иные акценты сделали в своих выступлениях другие участники конференции. Заместитель Председателя пекинского городского отделения БАК, ученый-буддист Моу Сяодун подчеркнул историко-культурный аспект “взаимосоответствия”, которое должно основываться на взаимном уважении. Только при условии уважения особенностей буддизма социалистическим обществом будут сформированы необходимые предпосылки для их гармоничных взаимоотношений²². Представитель буддийской ассоциации пров. Аньхой “мастер Дхармы” Чжицзун подчеркнул, что необходимо охранять специфические буддийские традиции и в “разумных рамках” осуществлять модернизацию²³.

Заместитель Председателя БАК пров. Шэньси “мастер Дхармы” Цзэмин обратил внимание на то, что последователи буддизма не должны забывать о распространении учения Будды, обязаны обращаться к древним текстам в деле познания мира, развивать лучшие буддийские традиции, неуклонно осуществлять “собственно строительство буддизма”. Он также отметил плодотворность распространения принципа “Буддизм в жизни людей” и следования установке на “взаимосоответствие буддизма и социалистического общества”²⁴. Представитель Гуандунского института буддизма Юньмэн “мастер Дхармы” Миншу определил религию как фактор, который должен служить общественной пользе. Дополнив предыдущего докладчика, он указал на буддийское происхождение установки на “взаимосоответствие религии социалистическому обществу”²⁵.

Представитель гуйчжоуского буддийского монастыря Синшань-сы “мастер Дхармы” Синьчао подчеркнул, что именно в деле распространения морали и добродетели буддизм может прийти к “соответствию с социалистическим обществом”²⁶. Член редколлегии печатного органа БАК, журнала “Фа инь” (“Голос Дхармы”), Чэнь Синцяо справедливо заметил, что важной стороной генезиса буддизма является и история его социальной адаптации. Он подчеркнул, что в XXI в. буддисты будут не только продвигать дело собственного конфессионального строительства, но и стремиться к “взаимосоответствию буддизма и социалистического общества” на благо своего учения²⁷.

Дун Цюнь из Научно-исследовательского института культуры при нанкинском Университете Юго-Востока проследил связь между буддийской и социалистической моралью. По его мнению, буддийская мораль может оказать помощь в развитии чувства общественного и гражданского долга, профессиональной морали, семейной нравственности, в целом содействуя становлению социалистической морали²⁸.

Участники конференции были единодушны в том, что достижение “взаимосоответствия буддизма и социалистического общества” — это сложная проблема, требующая длительного времени для ее решения, что “только при усвоении исторических уроков, только при бережном сохранении буддийской традиции и духовных особенностей можно дать ответ на вызовы настоящего и будущего”²⁹. Указали они и на то обстоятельство, что ресурсы буддийской общины должны направляться в первую очередь на религиозные цели: в частности, монастырскую собственность следует использовать для развития буддийской культуры и образования, а также “распространения всеобъемлющей Дхармы” (“Закона”, т.е. учения и практики буддизма). В противном случае “проблема взаимосоответствия так и останется на уровне пустых разговоров”³⁰. Таким образом, представители буддийских кругов, выразив, как это принято при проведении официальных мероприятий в КНР, общее согласие с рекомендованной политической установкой, вместе с тем интерпретировали ее содержание по-своему, опираясь на концепцию социально ориентированного буддизма (“Буддизм в жизни людей”).

Примерно год спустя в журнале “Чжунго цзунцзяо” (“Религии Китая”) была опубликована статья заместителя Председателя БАК Дао Шужэня. Он предпринял попытку продолжить теоретическую разработку формулы “взаимосоответствие религии и социалистического общества”, рассматривая ее в аспекте исторического развития буддизма и, вместе с тем, основываясь на марксистской методологии. В статье констатируется, что религия может существовать в определенном обществе, только адаптируясь к нему. Например, главная причина исчезновения буддизма в Индии — его несоответствие вектору развития индийского общества. Автор вполне правомерно задается вопросом: “Почему пришедший из Индии буддизм смог приспособиться в Китае к иному государственному и общественному устройству, иной социальной структуре? Почему буддизм, зародившийся в тот период, когда производительные силы и наука находились на низком уровне, может существовать в нынешних условиях, когда наука высокоразвита?”³¹.

В своем ответе автор указывает, что в религии, особенно в буддизме, независимо от исторических перемен сохраняются некие духовные основы. Вместе с тем у религии есть черты, которые претерпевают изменения в процессе исторического развития. Отжившие формы идеологии и практики привели буддизм к упадку к концу XIX в., а в XX в. вызвали нападки на сангху. Тайсюй, исходя из изменений в обществе, выдвинул концепцию “Буддизм в жизни человека”, которая стала теоретической базой возрождения буддизма. Дао Шужэнь особо выделяет тезис Тайсюя о том, что “буддизм может соответствовать реальному времени, реальному месту, реальному человеку и служить обществу”. Примечательно, что в числе последователей Тайсюя автор в первую очередь называет Чжао Пучу, имевшего непосредственные заслуги перед народной властью,³² однако умалчивает об Иншуне, который действовал главным образом на Тайване.

Анализируя идею “соответствия буддизма социалистическому обществу”, Дао Шужэнь указывает на два аспекта этой проблемы. Во-первых, как ранее делали Дай Каншэн и Пэн Яо, он отмечает коренное различие философии социализма, с одной стороны, и философии буддизма, с другой: в основе социалистической философии лежит материализм и атеизм, а базу буддийской философии составляют идеализм и теизм (так автор трактует веру в Будду). КПК, утверждает автор, считает это противоречие объективным и длительным. Метод его разрешения может быть выработан при соблюдении благоприятного политического курса, приносящего “пользу государству, пользу партии, пользу народу, пользу религиям”. Во-вторых, Дао Шужэнь подчеркивает, что “взаимосоответствие буддизма и социализма” предусматривает свободу вероисповедания.³³ В результате он приходит к заключению о том, что буддизм способен существовать при социализме, может адаптироваться к нему и “соответствовать высшей стадии развития его экономического базиса”.³⁴

“Взаимосоответствие религии и социалистического общества” в 2001 г. превратилось в одну из главных публично обсуждаемых тем, касающихся религиозной деятельности. В частности, данной проблематике была посвящена конференция по вопросам работы в сфере религии, проходившая в мае того же года в пров. Цзянсу. Мнение участников этого форума, главным образом работников государственных ведомств, было обобщено в статье под заголовком “Следовать по пути взаимосоответствия религии и социалистического общества”³⁵. Ее автор, Вэн Чжэньцин, руководитель Управления по делам религий пров. Цзянсу, рассматривает установку на “взаимосоответствие” применительно к деятельности кадровых работников в сфере религий. Дежурные положения о том, что религии должны “соответствовать социализму”, а верующим необходимо соблюдать законы и служить государству и нации, он дополняет

важным указанием на то, что и социалистическому обществу следует "соответствовать" религиям. Он настаивает на требовании "взаимности" (хусян) в решении данной проблемы, подчеркивая тот аспект смыслового наполнения формулы "взаимосоответствия", которым до тех пор пренебрегали государственные чиновники. Как разъясняет Ван Чжэньцзин, принцип "взаимосоответствия" предусматривает, что гамьбу (кадровые работники), работающие в сфере религии, должны уважать и защищать свободу вероисповедания.³⁸

Тезис о "взаимосоответствии религии и социалистического общества" вновь прозвучал на Всекитайском совещании по работе в области религии, состоявшемся в Пекине 10-12 декабря 2001 г. Оно было созвано по инициативе ЦК КПК и Госсовета КНР. С речью на совещании выступил Цзян Цзэминь. Он вновь подтвердил, что работа в сфере религии является важной составной частью деятельности партии и государства. "Активное содействие достижению взаимосоответствия религии и социалистического общества" было включено им в круг приоритетных задач деятельности в религиозной сфере³⁹. Прошло восемь лет после первого высказывания руководителя партии и государства на эту тему. Теперь "взаимосоответствие" определялось как "правильный курс развития религий", как "научное положение, которое наша партия сделала, исходя из общего положения в стране в период социализма и обобщив опыт работы после образования нового Китая"³⁸. Разъясняя смысл этой установки, в качестве двух ее основ Цзян Цзэминь определил "сходство коренных интересов народа и масс верующих", а также "реформу и прогресс всех религий нашей страны". "Активное содействие достижению взаимосоответствия религии и социалистического общества не включает требование к массам верующих отречься от своей веры, но является требованием горячей любви к Родине, поддержки социалистического строя и политического курса. Им предусматривается, что религиозное движение служит интересам государства и нации"³⁹.

Цзян Цзэминь подчеркнул, что религиозный вопрос всегда переплетается с определенными экономическими, политическими и культурными проблемами, а зачастую и с межэтническими, а также международными противоречиями. Глава китайского государства декларировал необходимость придерживаться "научного подхода" к религии, проводить политику свободы вероисповедания, отметив при этом, что религиозная деятельность должна осуществляться в рамках прав и обязанностей, предусмотренных Конституцией и законами страны. Коснувшись вопроса управления религиозной деятельностью на законодательной основе, Цзян Цзэминь резюмировал, что необходимо реально обеспечивать свободу вероисповедания, условия для нормальной религиозной деятельности, а также гарантировать законные интересы религиозных организаций. В то же время, он отметил, что нельзя под предлогом свободы совести и соблюдения принципа отделения религии от политики отвергать контроль со стороны государства. "Недопустимо использовать религию как противовес партийному руководству и социалистической системе, для подрыва государственного единства и межнациональной сплоченности, для нанесения ущерба интересам государства и общества, для ущемления законных прав и интересов других граждан"⁴⁰. Он призвал религиозные организации играть более активную роль в обеспечении социального развития и стабильности⁴¹.

В то же время общее положение партийной и государственной политики, предусматривающее отделение религии от государства, в речи Цзян Цзэминя затушевывалось. Для достижения "взаимосоответствия религии и социалистического общества" отводился длительный период. Тем самым этой установке придавалось значение стратегического курса. Власть фактически демонстрировала прагматический подход к религии, заостряя внимание на том, что

религиозная деятельность может быть адекватной условиям и интересам социалистического общества.

Установка на "взаимосоответствие буддизма и социалистического общества" нашла отражение в выступлениях участников 7-й Всекитайской конференции Буддийской ассоциации Китая. Она проходила в Пекине 16-20 сентября 2002 г. В материалах конференции собственно буддийские проблемы рассматривались во взаимосвязи с актуальными проблемами современного Китая и с учетом важнейших политических и идеологических установок рубежа XX-XXI вв. Среди них фигурировала и формула "взаимосоответствия религии и социалистического общества". На открытии конференции выступил Шэ Сяо-вэнь, глава Управления по делам религий при Госсовете КНР. Он, по сути, повторил тезисы приведенных выше выступлений Цзян Цзэминя, но применительно к буддизму. Во-первых, подчеркнул он, развивая лучшие традиции буддизма и активно включившись в строительство материальной и духовной социалистической культур, последователи этой религии должны стремиться к ее "взаимосоответствию с социалистическим обществом"⁴². Во-вторых, буддистам следует "упрочивать социальное строительство", содействовать развитию буддизма. В-третьих, любое общественное, в том числе религиозное объединение должно следовать установке "четырех защит" (*сыге вэйху*): "защищать закон, защищать благо народа, защищать национальное единство, защищать единое государство"⁴³. Тем самым идеологема "четырех защит" как бы резюмировала смысл установки на "взаимосоответствие религии и социалистического общества".

Ее понимание последователями буддизма нашло отражение в новом Уставе БАК, принятом на конференции. "Активное распространение идеологии "Буддизма в жизни людей"⁴⁴, которую буддисты сближают с установкой на "взаимосоответствие", определяется как одна из целей деятельности ассоциации. В третьем пункте Устава говорится о необходимости соблюдать законы, содействовать изучению последователями буддизма законодательных актов. Далее следует предписание способствовать воспитанию патриотических чувств у верующих, а также разъяснять им установку на "взаимосоответствие религии и социалистического общества", которая рассматривается как выражение "любви к Родине, любви к учению"⁴⁵. Это были нововведения по сравнению с Уставом 1993 г.

С основным докладом выступил "мастер Дхармы" Ичэн⁴⁶, избранный на конференции Председателем БАК. Название его выступления — "Осознавая заветы Председателя Чжао Пучу, сконцентрировать усилия на создании новых перспектив для буддизма" — демонстрирует преемственность линии БАК последнего десятилетия. Ичэн подчеркнул, что "Чжао Пучу, будучи инициатором распространения идеологии "Буддизм в жизни людей", с одной стороны, призывал реализовать в мире "Рай Чистой Земли" (*Цзинту*)⁴⁷, с другой — вносить вклад в дело социалистической модернизации"⁴⁸. Ичэн интерпретировал установку на "взаимосоответствие религии и социалистического общества", проецируя ее на насущные интересы сангхи и сближая с концепцией общественного служения, выработанной в самом китайском буддизме. Практическое преломление официальной установки он видел в деятельности последователей этой религии на благо общества, в развитии дела милосердия, в формировании активной жизненной позиции буддистов, в объединении всех последователей буддизма в Китае независимо от национальной принадлежности, во внесении ими вклада в расцвет Родины и распространение буддийского вероучения, в воспитании образованных кадров. Конкретизируя непосредственные задачи буддистов и общин верующих, он нацеливал их на стремление к получению высшего образования; налаживание учебного процесса в храмах и мона-

стырях; внедрение демократических методов управления монастырями; укрепление принципов самоуправления, упорядочение системы административных назначений в монастырях и их финансового положения; налаживание выдачи сертификатов (или “монашеских грамот” — *дудэ*) для монахов и монахинь, а также решение вопросов, связанных с их припиской к тому или иному монастырю⁴⁸. Фактически, Ичэн трактовал формулу “взаимосоответствия религии и социалистического общества”, исходя из насущных проблем буддийских общин в КНР.

В документах 7-й конференции БАК нашел отражение широкий спектр вопросов, связанных как с реализацией социального служения буддизма, так и с осуществлением его спасительной миссии в отношении отдельного человека, живущего в обществе государственного атеизма. Несколько идеализированное понимание установки на “взаимосоответствие” как принципа сотрудничества, взаимной поддержки и взаимной ответственности, формы диалога “религия — власть” отразилось в выступлениях целого ряда представителей ханьского (т.е. собственно китайского, от этнонима *хань*, самоназвания китайцев) буддизма.

Вместе с тем близость этой установки участникам конференции, представлявшим другие национальности КНР, традиционно исповедующие формы буддизма, отличные от ханьской, правомерно поставить под вопрос. Например, представитель тибетских буддистов ограничился казенной констатацией того обстоятельства, что у буддизма “имеются возможности” для осуществления курса на “взаимосоответствие с социалистическим обществом”⁴⁹. В выступлении старейшего и авторитетнейшего представителя палийского (тайского) буддизма Ду Луньцзя также содержались лишь дежурные декларации о том, что “палийский (тайский) буддизм, сохраняя свои славные традиции, согласно требованиям времени, продвигает дело взаимосоответствия с социалистическим обществом”⁵⁰.

То, что указанная установка не находит особого отклика у деятелей тайского и тибетского буддизма, подтвердило совещание руководства БАК 15 марта 2003 г. На нем были подведены итоги работы за 2002 г. и намечены планы на 2003 г.⁵¹ Рефреном выступлений участников этого совещания стала тема “взаимосоответствия буддизма и социалистического общества”. Вместе с тем представитель Тибета указывал, что там эта установка пока не внедрилась и для ее практической реализации необходима реформа тибетского буддизма⁵². Суть такой реформы, однако, раскрыта не была. Таким образом, было очевидно, что если последователи китайского буддизма органично восприняли установку на “взаимосоответствие”, усматривая в ней буддийские истоки, то для представителей других ветвей буддизма она оставалась искусственной формулой. Хотя есть основания предположить, что для ее разработчиков первостепенное значение имела проекция именно на тибетский буддизм.

В целом можно сделать заключение о наличии существенного разрыва между пониманием установки “на взаимосоответствие буддизма и социалистического общества” руководством страны и официальными работниками в сфере религии, с одной стороны, и последователями буддизма — с другой. Для первых это политический инструмент управления верующими, в то время как для вторых — шанс упрочить социальный статус общины.

1. Цзян Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность. Статьи и выступления. М., 2002. С. 134.
2. Там же. С. 135.
3. Там же. С. 138.
4. Там же. С. 139.
5. Там же. С. 138-140.
6. Там же. С. 138.

7. Дай Каншэн, Пэн Яо. Шэхуэйчжуй юй чжунго цзунцзяо (Социализм и китайские религии). Наньчан, 1996. С. 48-49.
8. Там же.
9. Более подробно об этом см.: Горбунова С. А. Новаторский характер теории Тайсюя "Буддизм в жизни человека" // VIII Всероссийская конференция "Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация". М., 2002. С. 89-96; Китайский буддизм и проблема модернизации // IX Всероссийская конференция "Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация". М., 2004. С. 94 -100.
10. Известный религиозный и общественный деятель Чжао Пучу (1906-2000), выходец из пров. Аньхой, уже в молодости связал свою судьбу с буддизмом, став последователем этой религии в миру. 60 лет он посвятил деятельности в буддийских организациях. В 30-е годы он являлся заместителем руководителя одной из влиятельных групп буддистов-мирян — "Общества чистой Дхармы" в Шанхае, в 40-х годах активно включился в деятельность Китайского буддийского союза. Он стоял у истоков создания Буддийской ассоциации Китая (БАК) в 1953 г., был ее Генеральным секретарем до начала "культурной революции" (1966 г.), во время которой подвергся репрессиям, а с 1980 г. являлся Председателем БАК. Таким образом, он стал первым мирянином, возглавлявшим в XX в. буддийскую организацию. В начале 80-х годов Чжао Пучу вместе с монахом Минъяном и еще шестью соратниками возглавил работу по восстановлению буддийских храмов и монастырей. Он совмещал обязанности Председателя БАК, а также главного редактора журнала "Фа инь" ("Голос Дхармы") с государственной деятельностью, являясь заместителем председателя Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). См.: Фа инь. 2000, № 7. С. 25, 27, 36-37.
11. Там же. С. 135.
12. Там же.
13. Там же.
14. О секте "Фалуньгун" и эксцессах, вызвавших ее запрещение, см.: Tong J. An Organizational Analysis of the Falun Gong: Structure, Communications, Financing // The China Quarterly. 2002, № 171. С. 637-681.
15. Содержание докладов было изложено в журнальной публикации: Фоцзяо юй шэхуэйчжуй шэхуэй сяньшин янь таолуньхуэй цзай Шанхай лунчжун цзюйсин (Торжественное заседание в Шанхае, посвященное обсуждению концепции взаимосоответствия буддизма и социалистического общества) // Фа инь. 2000, № 10. С. 34-36.
16. Там же. С. 34.
17. Там же.
18. Там же.
19. "Мастер Дхармы" Монах Сюэчэн родился в 1966 г. В возрасте 16 лет вступил в сангху (монашескую общину). В 1988 г. окончил Институт китайского буддизма, через год был назначен настоятелем монастыря Гуанхуа в пров. Фуцзянь. В 1993 г. стал заместителем Генерального секретаря БАК. В 1998 г. был избран на должность председателя Фуцзяньского отделения БАК. В 2002 г. на 7-й конференции БАК был избран заместителем Председателя БАК и одновременно Генеральным секретарем. Сюэчэн — член ПК НПКСК 9-го и 10-го созывов. В настоящее время является также редактором журнала "Фа инь". Вплоть до недавнего времени был ректором фуцзяньского Института буддизма. В январе 2004 г. был назначен настоятелем древнего монастыря Фамэнь (пров. Шаньси), насчитывающего около 100 монахов, — весьма солидная цифра по меркам современного китайского буддизма. См.: Фа инь. 2004, № 2. С. 34 — 35.
20. Фа инь. 2000, № 10. С. 34.
21. Там же.
22. Там же. С. 35.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С. 36.
29. Там же.

30. Там же.
31. Дао Шужэнь. Фоцзяо дэ шэхуэй шиинсин (Социальная адекватность буддизма) // Чжунго цзунцзяо. 2001, № 6. С. 30.
32. Там же. С. 31.
33. Там же. С. 31.
34. Дао Шужэнь. Указ. соч. С. 30.
35. Вэн Чжэньцзинь. Иньдао цзунцзяо юй шэхуэйчжуи шэхуэй сяншин дэ туцзин (Следовать по пути взаимосоответствия религии и социалистического общества // Чжунго цзунцзяо. 2001, № 6. С. 35-36.
36. Там же.
37. Жэньминь жибао. 13 декабря 2001 г.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.
42. Фа инь. 2002, № 10. С. 9.
43. Там же. С. 10.
44. Там же.
45. Новым Председателем БАК стал авторитетный монах, "мастер Дхармы" Ичэн. Он родился в феврале 1927 г. в Хунани. Вступил в сангху в 1949 г. Ичэн представляет первое поколение буддийского монашества, сформировавшегося в период КНР. Он занимал ряд административных должностей: возглавлял отделение БАК пров. Цзянси, был заместителем Председателя БАК и т.д. Его избрание стало свидетельством несомненного успеха сангхи — после более чем 20-летнего периода БАК вновь возглавил представитель монашества.
46. Цзинту ("Чистая земля") — в китайском буддизме обозначение мира блаженства Сукхавати, в котором перерождаются праведники, ожидающие нирваны.
47. Фа инь. 2002, № 10. С. 33.
48. Там же. С. 35.
49. Там же. С. 53-54
50. Там же. С. 56.
51. См.: Фа инь. 2003, № 4. С. 4, 11.
52. Там же. С. 21.

Научная жизнь

Семинар по тайваньской проблеме

9 декабря 2004 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова состоялся семинар на тему "На пути к созданию механизмов мира и безопасности в Тайваньском проливе", в котором приняли участие специалисты ряда ведущих центров российского китаеведения. На семинаре также присутствовали и выступили представители научных и деловых кругов КНР и Тайваня^{*}.

Открывая семинар, директор ИСАА при МГУ профессор М.С.Мейер отметил, что поразительные успехи, достигнутые в экономике, а также в социальной и культурной сферах КНР и Тайваня, подчеркивают огромный потенциал и великую мудрость китайской цивилизации, которые должны обеспечить ей возможность решать самые сложные задачи современного развития, включая тайваньский вопрос. Он выразил надежду, что результаты работы семинара дадут полезный материал для будущих исследователей данной проблемы.

Глава Московского представительства Тайбэйско-Московской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству д-р Чэнь Жунцзе в своем выступлении отметил, что в прошлом, работая в качестве официального лица в области налаживания обменов между сторонами Тайваньского пролива, он сам был свидетелем многих перипетий в непростых отношениях острова и материкового Китая. На Тайване, заявил он, рады тому, что в последние годы, по мере возрастания совокупной мощи страны, КНР все увереннее входит в избранный "клуб" ведущих мировых держав. Статус постоянного члена Совета Безопасности ООН также налагает на нее важную моральную и юридическую ответственность за поддержание мира во всем мире и обеспечение стабильности и безопасности в Тайваньском проливе. Чэнь Жунцзе считает, что самыми важными задачами в отношениях двух берегов пролива являются в настоящий момент возобновление диалога, либерализация обменов и создание атмосферы взаимного доверия.

Необходимости формирования действенного механизма обеспечения безопасности и предотвращения конфликтов в Тайваньском проливе посвятил свое выступление профессор МГИМО МИД РФ, д.и.н. С.Г.Лузянин, который

* Три месяца спустя, в последний день завершившейся 14 марта 2005 года в КНР третьей сессии ВСНП 10-го созыва его депутаты единогласно утвердили "Закон о предотвращении раскола страны", который впервые юридически предусматривает возможность использования военной силы в решении тайваньского вопроса. В документе указывается, что КНР исключает какое-либо участие внешних сил в его урегулировании. "Решение этого вопроса и объединение родины является внутренним делом Китая" — гласит принятый закон (прим. ред.).

подчеркнул, что ключевая роль в развитии системы безопасности вокруг Тайваня принадлежит США, поскольку существует закон об отношениях с Тайванем, и США таким образом обязаны обеспечивать его безопасность. Вместе с тем, администрация Буша, углубляя сотрудничество с Китаем по всем направлениям, включая область борьбы с терроризмом, обеспокоена тем, что КНР усиливает свою военную мощь. Поскольку при нынешней ситуации, считает Лузянин, мало реально возможность переговоров по безопасности Тайваньского пролива с участием Китая, Тайваня, США, Японии и России, идея коллективной безопасности в этом районе далека от реализации. В Северо-Восточной Азии не может работать идея о том, что углубление взаимозависимости в экономической сфере оказывает положительное влияние на решение политических проблем или повышение взаимодоверия в военной области, отметил Лузянин. В этом регионе экономическое сотрудничество не сокращает политические разногласия. Тайваньский пролив, несмотря на интенсивное интеграционно-экономическое взаимодействие острова и материка, остается потенциальным районом военного конфликта. Таким образом, стремление к коллективным формам безопасности и к сохранению традиционных ее форм (баланс сил и двусторонние военные союзы) сосуществует параллельно. Эта двухуровневая структура может сохраняться достаточно долго.

Ученый полагает, что поскольку проблема безопасности в проливе остается достаточно острой, следует перевести нынешний "статус кво" в долговременное стратегическое состояние на основе "баланса сил" и постоянного внимания международного сообщества к данной проблеме.

Каким может быть решение тайваньского вопроса? Свой ответ на это предложил д.и.н. Ю.М.Галенович (ИДВ РАН). Он полагает, что прежде всего это решение должно устраивать все три заинтересованные стороны: Тайвань, Китай и США. При этом каждая из сторон должна пойти на компромисс. Очевидно, что данное решение должно исключать войну, применение силы, и быть исключительно мирным. Можно сказать, что принципами решения данной проблемы могли бы являться мир и многообразие. Это означает, что ни в коем случае не должна применяться военная сила ни в Тайваньском проливе, ни на обоих его берегах, то есть ни на континенте, ни на острове. Международное сообщество могло бы твердо придерживаться этой позиции, а обе стороны Тайваньского пролива смогли бы дать заверения, что все вопросы в их взаимоотношениях будут решаться только мирным путем.

Это также означает, что идея многообразия, допустимости сосуществования различных взглядов могла бы быть принята и применена и к вопросу о взаимоотношениях между берегами Тайваньского пролива.

При этом возможны варианты решения проблемы, считает Галенович. Стороны могут договориться о том, что существующая ныне ситуация будет сохраняться, по крайней мере, на протяжении ближайших 50 лет, в течение которых Пекин, с согласия Тайбэя, будет представлять в международных отношениях весь Китай, но, в то же время, у Тайбэя сохранится право иметь и поддерживать дипломатические отношения с любыми государствами и состоять в любых международных организациях. Иными словами, остров будет, таким образом, одновременно и частью КНР, и обладателем эксклюзивных прав в области международных отношений. Возможно также создание некоей надстройки — особого механизма, в котором будут представлены и Пекин, и Тайбэй. Вероятны, отметил выступавший, и иные решения.

Сотрудник Института США и Канады РАН к.и.н. С.М.Труш в своем выступлении стремился обобщить существующие в США подходы к решению тайваньской проблемы и проанализировать позиции первой администрации Дж. Буша-младшего по вопросу взаимоотношений с Китаем. Он отметил, что

провозглашенная ею в 2000 г. линия, согласно которой Китай трактовался как “соперник № 1”, после 11 сентября 2001 г. была существенно пересмотрена. Иная политика носила бы суицидальный характер: она означала бы перенапряжение сил, “удлинение линии фронта” и просто неразумную дипломатию. Отсюда — весьма компромиссные шаги Вашингтона практически по всем основным “проблемным” направлениям связей с КНР, в том числе и по Тайваню.

Характерным для этого компромиссного духа явилась эволюция Буша в его рефлексиях на тайваньский узел в 2001 и 2004 годах. Если в апреле 2001 года, до 11 сентября, своим пассажиром о том, что “мы сделаем все, что потребуется” для тайваньцев в случае нападения КНР, он вызвал обвал на азиатских биржах, то накануне президентских выборов и референдума на Тайване в 2004 г. Буш сказал почти прямо обратное. Предостерегая Тайбэй от резких движений в сторону независимости, он не дал последней никаких гарантий безопасности в этом случае. Действительно, если участие авианосных групп США в тайваньских кризисах в 1995 и 1996 годах с точки зрения американцев было оправдано, то сейчас все военные ресурсы и возможности Америки находятся на куда более строгом и экономном счету. А главное, на фоне нынешних иракских событий и Афганистана еще один региональный кризис, даже “малой интенсивности”, Вашингтону совсем не нужен.

Компромиссный подход администрации Буша к КНР за обозреваемый период существовал на фоне не менее умиротворительного настроения китайской администрации к отношениям с США. Для Китая это был период смены руководства, перехода власти в стране к его четвертому поколению, а также начальной фазы взаимодействия с ВТО, что, по определению, давало стимулы к нивелированию внешних конфликтов.

Несмотря на практическое отсутствие китайской темы в ходе предвыборной полемики в США, Китай не мог выйти из поля зрения американской политической элиты даже в период, когда она целиком была сфокусирована на Ираке. Подсознательно Вашингтон не могут не беспокоить будущие сценарии развития на китайском направлении, поскольку при определенных обстоятельствах — и при стабилизации ситуации вокруг Ирака, и при ее обострении — Китай способен выдвинуться в автономную и, вполне возможно, в более острую внешнеполитическую проблему для Соединенных Штатов.

Одним из факторов, обуславливающих это беспокойство, для США безусловно остается Тайвань. Главная задача американской стороны в предстоящее четырехлетие будет заключаться в том, чтобы гармонизировать порой явно противоречивые базовые интересы США в тайваньском вопросе. Это противоречие заключается, с одной стороны, в стремлении сохранить управляемость поведения своего союзника — Тайбэя, а эта управляемость невозможна без американских гарантий безопасности острова, а с другой стороны, — избежать самой войны в проливе и, тем более, подразумеваемого участия в ней США.

Как предполагает Труш, модернизация американской позиции будет заключаться в том, что США должны будут обусловить военные гарантии Тайваню твердым обязательством последнего не провозглашать независимость острова. Это обязательство, по мнению американцев, ликвидирует основное опасение Пекина и станет несущим элементом трехстороннего статус-кво.

В.Б.Кашин (ИДВ РАН) остановился на ряде новых моментов в военной политике КНР, США и Тайваня в зоне Тайваньского пролива. Отметил, что строительство “флота открытого моря” является важнейшим политическим приоритетом Пекина и важным элементом китайской стратегии в АТР. Повышение боевых возможностей флота необходимо для проведения успешной операции по силовому присоединению Тайваня, а также для успешного проецирования силы на соседние страны АТР.

Со своей стороны, Соединенные Штаты постепенно повышают уровень своих военных контактов с Тайванем, обращая все большее внимание на отработку взаимодействия своих вооруженных сил с тайваньскими войсками. Важным шагом в этом направлении явилось одобренное обеими палатами Конгресса США в мае 2004 года решение о расширении связей с Тайванем, в котором были затронуты вопросы оборонного сотрудничества в ряде сфер, включая ПРО и, что особенно важно, сняты запреты на посещения острова офицерами и гражданским персоналом ВС США любого уровня.

Стороны активизировали отработку взаимодействия при возможном отражении атаки НОАК на Тайвань. В июне 2004 г. проведены совместные американо-тайваньские командно-штабные учения, в ходе которых с привлечением методов компьютерного моделирования отработывались совместные действия в Тайваньском проливе против атакующих китайских сил. Данные учения были увязаны с проводившимися одновременно на Окинаве американо-японскими учениями. Таким образом, правомерно говорить о трехсторонних американо-японо-тайваньских маневрах.

В то же время по-прежнему трудно развивается диалог по вопросам поставок на Тайвань новых типов современных вооружений. Нынешний период развития военных связей между США и Тайванем характеризуется тем, что в отличие от 1980-90-х гг. не Тайвань выступает в роли просителя новых систем вооружений, а Вашингтон активно навязывает острову закупку новейших образцов военной техники, меняющей баланс сил в проливе. Однако ограниченные финансовые возможности острова не позволяют тайваньцам безоговорочно принимать американские инициативы. Переговоры о поставках идут долго и трудно, хотя в целом американцам удается продавливать свою точку зрения.

Анализируя взаимоотношения двух сторон Тайваньского пролива, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.ф.н. А.Г.Ларин указал, что стороны не хотят воевать — ни одна, ни другая. Их вооруженные силы выполняют главным образом предупредительные функции: НОАК — функцию устрашения, чтобы удержат Тайвань от провозглашения независимости. Тайваньская армия осуществляет функцию сдерживания, чтобы воспрепятствовать неожиданному захвату Тайваня врасплох, сделать цену за овладение островом неприемлемо высокой для Пекина. Он отметил, что наращивание вооружений в Тайваньском проливе может отчасти являться самоцелью военно-промышленных комплексов обеих сторон.

Для эволюции намерений Пекина показательным, что еще в 2000 г. он считал возможным решение тайваньской проблемы силовым способом, “если власти Тайваня будут бесконечно долго отказываться от мирного решения вопроса об объединении двух берегов пролива посредством переговоров”. Теперь это условие не упоминается, подчеркнул Ларин. “Материковый Китай не пойдет на применение силы в решении тайваньской проблемы, если только остров не провозгласит независимость или не произойдет иностранное вмешательство” — так утверждают руководители КНР.

По мнению исследователя, можно с уверенностью предположить, что статус-кво Тайваня будет сохраняться, при том что Чэнь Шуйбянь будет и дальше следовать своей линии независимости, не перепрыгивая, однако, через запретный барьер. Возникает вопрос: а для чего это нужно Чэнь Шуйбяню и его окружению?

По всей видимости, он и его сторонники, продвигая в жизнь идею независимости, используют и развивают местный тайваньский патриотизм как средство для решения двух важных задач. Во-первых, они стремятся утвердить в общественном сознании стойкое отторжение от предлагаемого Пекином объединения. Во-вторых, на волне настроений в пользу независимости они в борьбе с оппозицией

укрепляют свой авторитет в обществе. Обе названные задачи они выполняют посредством все новых и новых шагов вблизи запретной черты, осознавая, однако, рискованность своих действий и не пересекая ее.

В выступлении еще одного представителя ИДВ РАН д.и.н. **А.В.Ломанова** подчеркивалось, что хотя сохранение устойчивости и преемственности во властной элите КНР не дает оснований ожидать резких перемен политического курса, и попытки Тайбэя вовлечь новых китайских лидеров в двусторонний диалог о мире и разоружении на межгосударственной основе в обозримом будущем не будут иметь шансов на успех, тем не менее, новые руководители КНР уже привнесли во внутреннюю политику собственные акценты, которые могут быть спроецированы на курс материка в отношении острова.

В конце 2003 года в Китае получила хождение идея “мирного возвышения” страны. Новое руководство намеревалось использовать этот лозунг для идеологического противодействия зарубежным рассуждениям об “угрозе” со стороны набирающего силу Китая. Однако летом 2004 года “мирное возвышение” исчезло из официального лексикона в связи с ростом разночтений и сомнений среди экспертов. Отмечалось, что обещание исключительно “мирного” возвышения Китая шлет неверный сигнал тайваньскому руководству, поскольку угроза применения силы против острова остается частью официальной стратегии объединения страны.

Похожая проблема возникла и при начертании планов развития Китая. Накануне передачи партийной власти в 2002 году Цзян Цзэминь провозгласил: “Смотря на дело в целом, можно сказать, что первые 20 лет XXI века — это для нас период наиболее важных стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать”. Подразумевалось, что двадцатилетний период “важных стратегических шансов” должен быть посвящен решению экономических и социальных задач на фоне мирной и спокойной международной обстановки. Однако встает вопрос о соотношении объявленного партией “двадцатилетнего периода шансов” с поставленной Пекином задачей воссоединения с Тайванем. Означает ли это, что шанс на воссоединение с островом также должен быть использоваться до 2020 года? И как соотносится установка на реализацию “важных стратегических шансов” в экономике с неизбежным ухудшением ситуации внутри КНР и за ее пределами в том случае, если будет задействован военный сценарий объединения?

Проанализировав взгляды ряда политологов КНР от “консервативных” до “умеренно-либеральных”, выступавший отметил, что и “ястребы”, и “голуби” в китайском экспертном сообществе сходятся в том, что мир предпочтительнее войны, но реализация стратегии мирного объединения требует длительного времени — речь идет о десятилетиях и о способности материка набрать к тому времени достаточный экономический вес. Планы тайваньских политиков изменить конституцию путем референдума вызвали ужесточение риторики со стороны материка. Слова о “неизбежности войны” звучат все чаще, и как правило, исходят от представителей НОАК.

Риторика Пекина смещается в поле силового принуждения и давления в расчете на то, что угроза войны вынудит сторонников Чэнь Шуйбяня сдерживать свой пыл и замедлить движение к формальному суверенитету. Эта политика будет продолжаться и даже усиливаться до тех пор, пока обе стороны пролива не найдут взаимоприемлемую компромиссную формулу достойного завершения военно-политического противостояния.

Руководитель Центра восточноазиатских исследований МГИМО МИД РФ **А.В.Лукин** в своем выступлении счел целесообразным рассмотреть “образ Тайваня в России и СССР отдельно от образа КНР”. Основные выводы такого анализа были следующими: в России знали о Тайване по меньшей мере с

XVII в., но образ острова как отдельного от материка образования начал складываться лишь после захвата его японцами. С тех пор он претерпел эволюцию от “колониальной территории под гнетом японского империализма”, через территорию, оккупированную США, на которой правит марионеточный го-миньдановский режим — до динамично развивающегося, экономически процветающего и создавшего основу демократической системы острова.

Практически никто в России не считает жителей Тайваня отдельной нацией, отличной от китайской. В то же время относительно понимания реального статуса Тайваня существуют различия. Большинство исследователей и политиков согласны с официальной позицией Москвы и Пекина о том, что Тайвань является неотъемлемой частью КНР. Мнение меньшинства состоит в том, что Тайвань является частью Китая, но не обязательно КНР. Оно призывает рассматривать его как де-факто независимое государство, а Китай — как разделенную нацию по примеру Кореи.

Вне зависимости от различия в подходах к статусу Тайваня большинство российских политиков и специалистов выступают за активное развитие торговли, экономики, культурного и гуманитарного сотрудничества с островом и поощрение тайваньских инвестиций в Россию. Основная проблема в российско-тайваньских отношениях связана с фундаментальным противоречием в подходах Москвы и Тайбэя к двусторонним связям: россияне гораздо больше заинтересованы в экономическом сотрудничестве, в то время как Тайвань обращает основное внимание на укрепление политических связей, создание впечатления межправительственных отношений, гораздо меньше значения придавая торговле и инвестициям, и даже используя дискриминационные меры против российского бизнеса.

В целом интерес к Тайваню в России относительно высок, и Тайвань освещается в СМИ лучше, чем большинство азиатских стран, кроме КНР и Японии. Однако, в отличие от более широкого интереса к материковому Китаю, интерес к Тайваню и знание острова ограничиваются более узким кругом специалистов, дипломатов, журналистов, бизнесменов и политиков, занимающихся Китаем и Восточной Азией.

В России появилось небольшое, но активное тайваньское лобби, состоящее в основном из политиков, бизнесменов и ученых. Некоторые из них искренне полагают, что демократическая Россия должна поддерживать демократический Тайвань. Однако большинство руководствуется личными интересами. Влияние этого лобби на политику правительства очень ограничено, и его члены в основном ведут деятельность с целью получения финансовой поддержки от Тайваня.

Официальная позиция Москвы, считающей Тайвань неотъемлемой частью КНР, а тайваньский вопрос — внутренним делом КНР, остается неизменной более пятидесяти лет и вряд ли изменится в обозримом будущем. Россия продолжит развивать свои отношения с Тайванем, в то же время согласуя важнейшие решения с Пекином. Одновременно Тайвань становится важным экономическим партнером России в Азии (хотя намного менее важным, чем КНР), и военный конфликт в Тайваньском проливе может поставить это партнерство под угрозу. Следовательно, Россия будет поощрять диалог между Пекином и Тайбэем и поддерживать международные или двусторонние усилия по решению проблемы статуса Тайваня.

Что касается возможных будущих сценариев развития ситуации между Пекином и Тайбэем и реакции на них России, то в случае мирного воссоединения со стороны России не последует иной реакции, кроме поздравлений. В то же время военный конфликт между Тайванем и материком поставит Россию в сложное положение выбора, особенно, если инициатива будет исходить от

КНР, а США окажут поддержку Тайбэю. В этом случае Россия вряд ли вмешается, так как любое вмешательство будет грозить серьезным ухудшением отношений либо с Пекином, либо с Вашингтоном. Но, не отрицая юридических прав Пекина на Тайвань, Россия не одобрит применения силы и, вероятно, постарается предостеречь Пекин или убедить его смягчить свою позицию.

В.А.Корсун (МГИМО МИД РФ) констатировал, что чем дольше не возобновляется прерванный в 1995 г. межкитайский диалог, тем более возрастает угроза взаимного отчуждения и отдаления двух “айсбергов” (КНР и Тайваня) в их дрейфе по океану общественно-политической и философской мысли, а дальнейшее формирование национальной идентичности и “культурная локализация” Тайваня могут привести лишь к его окончательной духовной потере для Китая. Вместе с тем, ни КНР, ни Тайвань не заинтересованы объективно в идейной конфронтации, а тем более в провоцировании конфликта и создании угроз безопасности, и их внешнеполитические усилия сосредоточены на поддержании стратегической стабильности в регионе и расширении экономического сотрудничества. По обе стороны Тайваньского пролива должны понимать, что в условиях стабильности и безопасности умеренные политические силы, опирающиеся на торгово-промышленные круги, могут с выгодой для собственных интересов использовать фактор общественной поддержки проводимой ими политики, оттесняя “ястребов” на обочину политической жизни.

Своими впечатлениями от состоявшихся обсуждений поделился профессор Китайского института современных международных отношений **Ван Лицзю** (Пекин), который отметил, что российские ученые в своем анализе и оценках очень реалистичны и объективны, весьма отчетливо представляют себе современную ситуацию в Тайваньском проливе и вокруг острова.

Нынешняя ситуация, если говорить откровенно, здесь весьма напряженна, — подчеркнул он, — и внушает немалое беспокойство. Источник этой напряженности, по мнению ученого КНР, связан с моментом, когда в 2000 г. к власти на Тайване пришел Чэнь Шуйбянь и его группировка так называемой “тайваньской независимости”. Общеизвестно, что пресловутая проблема “тайваньской независимости” есть не следствие роста обычного национализма, а чисто политический вопрос. Это продолжение тех политических процессов и тенденций, которые уходят корнями в предшествующие этапы истории Китая. Но в современных условиях именно политика Чэнь Шуйбяня стала причиной обострения ситуации, ибо многие неблагоприятные моменты спровоцированы действиями его администрации. Силы, стоящие за ним, постоянно ведут политику всесторонней декитаизации острова, в том числе и в культурной сфере. Именно это приближает нас к опасной черте.

При этом не следует забывать и об американском факторе — факторе вмешательства США в дела Китая. Ибо роль фактора США в развитии отношений между Тайванем и материковым Китаем, в том числе и в деле объединения Китая — очень велика и неоднозначна. Роль американского фактора — это большая и отдельная тема, заслуживающая особого внимания, подчеркнул Ван Лицзю.

В ходе семинара выступили и другие эксперты, в том числе присутствовавшие на нем тайваньские политологи, высказавшие свои соображения о путях решения тайваньской проблемы.

© 2005

*А. Давыдов,
зам. главного редактора журнала
“Проблемы Дальнего Востока”*

Бородин В.Ф.
Х

Обсуждение вопросов социально-политического развития КНР в ИДВ РАН [31 янв. 2005]

31 января 2005 г. в ИДВ РАН состоялась 30-я ежегодная конференция Центра современной истории и политики Китая, посвященная вопросам социально-политического развития КНР. В конференции также приняли участие сотрудники других центров Института и специалисты в области внутренней политики и права КНР, работающие в других научных организациях.

Вниманию участников было предложено 19 докладов, тематически объединенных в четыре группы:

- политическая и идеологическая ситуация в Китае;
- особенности политико-правового развития в особых административных районах КНР и на Тайване;
- проблемы политико-экономического развития КНР;
- актуальные проблемы истории становления коммунистического движения в Китае и участия в этом процессе Коминтерна и ВКП(б).

Первая, самая многочисленная группа докладов, открылась обзором политической ситуации в КНР к началу 2005 г. и прогнозом ее развития, с которыми выступил д.и.н. Ю.М. Галенович. Докладчик обратил внимание на все большее превращение КПК из революционной в правящую партию, на ее решимость адаптироваться к работе в условиях неизбежности развития форм демократии и рыночных отношений. Он отметил, что служение управленческих кадров народу поднимается на уровень императива в работе правящей партии и органов государственной власти, а само управление государством все отчетливее ставится на научную основу. Е.Н. Румянцев продолжил тему, проанализировав некоторые тенденции политической жизни КНР второй половины 2004 г., отметив, в частности, тенденцию снижения влияния центра на регионы и роста самостоятельности руководителей провинциального уровня.

В докладе заместителя директора ИДВ д.э.н. В.Я. Портякова "Китай и социализм" вниманию собравшихся были предложены размышления по вопросу, который наиболее часто задается сторонниками и противниками социализма в разных частях мира, — социализм в Китае формальность или заявка на его всемирное второе пришествие? Отвечая на данный вопрос, докладчик высказал мнение, согласно которому социализм в Китае отнюдь не формальность, однако целью социалистического строительства в современном Китае его руководство считает, прежде всего, возрождение нации. Согласно прогнозу В.Я. Портякова, Китай в обозримом будущем останется в социалистическом поле, при этом будет все дальше дистанцироваться от социалистического образца советского типа.

Д.и.н. Н.Л. Мамаева в докладе "КПК и проблема модернизации КНР" рассмотрела деятельность КПК как правящей партии, отметив ее ведущую роль в определении стратегии развития страны. В докладе прослежено, каким

образом, с начала 50-х годов, отвечая на вызовы времени, в партийной среде формировалось понятие и содержание идеи модернизации. Программа китайской модернизации, отмечалось в докладе, прошла путь от индустриализации, использовавшей опыт СССР, через “четыре модернизации”, к выдвиганию на XVI съезде КПК и пленумах ЦК КПК 16-го созыва, задач всесторонней, или системной (*чжиду сяньдайхуа*), модернизации.

В докладе д.ю.н. Л.М. Гудошников “Реформирование кадровой системы КНР” главное внимание было уделено формированию регулярной системы государственной службы в КНР, что означает, по мнению докладчика, отход от ранее существовавшей административно — директивной системы зачисления на работу в государственные и иные учреждения на основе “всеобщего централизованного распределения кадров”. Нововведением является внесение в набор государственных служащих элементов конкуренции между претендентами на замещение определенных должностей.

В докладе руководителя Центра современной истории и политики Китая к.и.н. Д.А. Смирнова на тему “Официальная трактовка демократии в современном Китае (по книге Ли Теина “О демократии”) рассмотрены некоторые аспекты фундаментального исследования, подготовленного Академией общественных наук Китая под руководством бывшего президента АОН Китая Ли Теина (ныне — заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП КНР). Докладчик познакомил аудиторию с видением китайскими теоретиками сущности демократии и особенностей ее развития в мире и в современном Китае.

К теме демократии в ее китайском понимании обратился и к.ю.н. В.Ф. Бородич, выступивший с докладом на тему: “Современная китайская политическая мысль об изменении институтов демократии в процессе политической трансформации России и Китая”. Проанализировав в основном официальные взгляды китайских авторов, докладчик показал, что пример некритического и нетворческого заимствования российской правящей элитой модели демократии Запада рассматривается многими китайскими экспертами как эксперимент “буржуазной либерализации”, на отрицании которой КПК строит собственную социалистическую альтернативную модель демократии. Докладчик заметил, что официальному подходу к демократии под углом зрения ее соответствия критериям “демократии социалистической” в КНР существует и альтернативный подход либерального толка, имеющей хождение в Сянгане.

Тематика первой группы докладов завершилась выступлением А.В. Белякова, рассмотревшего некоторые вопросы истории и современную ситуацию с организованной преступностью в КНР.

Проблемам современного этапа политико-правового развития в особых административных районах КНР и на Тайване были посвящены четыре доклада. К.и.н. Г.А. Степанова в докладе “Новые моменты в общественно-политической жизни Сянганского особого административного района” осветила события в общественно-политической жизни СОАР в 2004 г. Докладчиком были названы документы, принятые в апреле 2004 г. Постоянным комитетом ВСНП относительно возможности введения всеобщих прямых выборов в 2007-2008 гг. главы администрации и Законодательного совета Сянгана, дана оценка факту проведения массовой манифестации жителей Сянгана 1 июля 2004 г., важности выборов в Законодательный совет в сентябре 2004 г. и изменений в его составе по итогам выборов. В докладе прозвучал комментарий к визиту представительной делегации Сянгана в Пекин по случаю 55-летия КНР и к выступлению Ху Цзиньтао на встрече с делегацией.

О роли Сянгана во внутренней политике КНР говорил в своем выступлении В.Н. Балакин.

Д.и.н. А.А. Москалев выступил с докладом о тайваньском национализме. Ретроспективам и основным направлениям конституционной реформы на Тайване посвятил свое выступление В.П. Поляков.

Проблемы политико-экономического развития КНР привлекли внимание четырех докладчиков. В докладах заместителя директора ИДВ РАН д.э.н. А.В. Островского и к.э.н. Е.С. Баженовой были рассмотрены имеющие политическое звучание аспекты переписей населения КНР. К.и.н. А.А. Козлов выступил с докладом на тему: "Урбанизация и устойчивое развитие Китая в XX веке". К.и.н. Т.М. Емельянова в докладе "Китайские профсоюзы в новом столетии" пришла к выводу, что деятельность китайских профсоюзов в новом столетии еще более активизировалась. В первую очередь она была направлена на преодоление негативных последствий, возникших в профсоюзном движении в ходе проведения реформирования госпредприятий. В 2003 году был достигнут рекордный за всю историю КНР уровень численности членов профсоюзов (134 млн) и числа профсоюзных организаций (1 млн 700 тыс.). Как известно, в конце 90-х годов прошлого века по этим показателям имело место значительное снижение.

Все большая роль, отмечено в докладе, отводится профсоюзам в создании обстановки стабильности в обществе. Это обусловлено тем, что массовые увольнения работников госпредприятий и методы его проведения вызвали недовольство трудящихся. Существенным моментом в упорядочении профсоюзной деятельности в сложившихся условиях явился Закон КНР о профессиональных союзах, принятый в октябре 2001 г. В результате принятых руководством Китая мер роль и ответственность профсоюзов в деле защиты законных прав и интересов рабочих и служащих повысилась.

Д.и.н. А.М. Григорьев сделал доклад на тему, посвященную истории взаимоотношений Коминтерна, КПК и ВКП (б). Доклад базировался на фундаментальном исследовании документов Коминтерна и ВКП (б), которое завершается группой ученых ИДВ, а также оценках работ китайской историографии по данному вопросу.

Материалы конференции планируется выпустить отдельным сборником.

Чон Чже Мун — Почетный доктор ИДВ РАН

28 января 2005 г. на заседании Ученого Совета Института Дальнего Востока РАН состоялась торжественная церемония вручения диплома Почетного доктора ИДВ РАН крупному специалисту в области внешней политики Республики Корея, общественному и парламентскому деятелю Чон Чже Муну. У себя на родине он пять раз избирался депутатом национального парламента, сейчас возглавляет стипендиальный Фонд Чон Хе Ена.

На заседании выступил директор ИДВ РАН, академик М. Л. Титаренко, огласивший решение Ученого Совета ИДВ, принятое 20 декабря 2004 г.: "За выдающиеся заслуги в установлении и расширении дипломатических, политических и межпарламентских связей между Российской Федерацией и Республикой Корея, большой личный вклад в расширение научных обменов между учеными Республики Корея и Института Дальнего Востока Российской академии наук избрать Чон Чже Муна членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии с присвоением ему звания Почетного доктора права ИДВ Института Дальнего Востока". М. Л. Титаренко рассказал о внешнеполитической деятельности Чон Чже Муна, о его вкладе в установление дипломатических отношений, в формирование и становление межпарламентского сотрудничества между нашими странами. Новому члену исследовательского коллектива пожелали дальнейших творческих успехов на пути изучения проблем дальнейшего развития и совершенствования российско-южнокорейских отношений в различных сферах.

Чон Чже Мун родился в 1936 г., окончил Институт политических наук Калифорнийского университета в Беркли (США) по кафедре политэкономии, прошел стажировку в университетах Германии и Кореи, вел преподавательскую работу в Корейском университете иностранных языков. Чон Чже Мун успешно занимался предпринимательской деятельностью, избирался в руководящие органы организаций предпринимателей Кореи. Будучи успешным бизнесменом и видным общественным деятелем он вступил в ряды оппозиционной партии и в 1985 году был избран членом национального парламента.

Чон Чже Мун принадлежит к поколению корейских политических и общественных деятелей, сыгравших решающую роль в переходе страны к гражданскому правлению и демократизации общественно-политической, социальной и экономической жизни страны. В течение 17 лет он был депутатом парламента и большую часть своей парламентской деятельности представлял оппозиционную партию.

Г-н Чон внес огромный вклад в диверсификацию внешнеполитических связей Республики Корея, был одним из самых активных инициаторов и организаторов установления отношений Южной Кореи с СССР и со странами Восточной Европы в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Чон Чже Мун был первым депутатом парламента Республики Корея, который еще в 1989 г. посетил Москву, где встретился с ответственными лицами, формировавшими внешнюю политику страны, и стал организатором визита в Москву парламентской делегации Республики Корея во главе с будущим президентом Южной Кореи Ким Ен Самом.

Чон Чже Мун возглавлял первую делегацию парламентариев Республики Корея, посетивших КНДР в 1991 г. Он дважды возглавлял парламентский Комитет по международным делам, был инициатором и создателем южнокорейско-российского межпарламентского Совета, долгие годы был руководителем межпарламент-

ской группы парламента Республики Корея на сессиях Межпарламентского Союза, избирался вице-президентом Межпарламентского союза, а также долгие годы возглавлял Комитет по внешней политике крупнейшей партии страны Ханнарадан. Им написано большое число статей и брошюр с изложением предложений по решению проблем мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Чон Чже Мун — единственный из политических деятелей Республики Корея, удостоенный российского Ордена Дружбы за большой вклад в становление и развитие российско-корейского сотрудничества. Орден Дружбы ему вручил Президент Российской Федерации В. В. Путин во время официального визита в Сеул в феврале 2001 г. Он удостоен званий Почетного профессора Университета культуры Тайбея и Яньбинского (КНР) государственного университета.

Парламентская и общественная деятельность Чон Чже Муна получила широкую известность не только в Южной Корее, но и парламентских и общественных деятелей многих стран. Он имел беседы со всеми лидерами крупных государств мира в конце 80-х — середине 90-х годов XX века, имел также аудиенцию у Папы Иоанна Павла II. Поздравили с присуждением ему степени Почетного доктора Чон Чже Муна ИДВ РАН бывший Председатель Государственной Думы Российской Федерации (1996–2003 гг.) Г. Н. Селезнев, бывшие председатели депутатской группы Государственной Думы по связям с парламентом Республики Корея аудитор Счетной палаты РФ М. С. Сурков, заместитель лидера партии Яблоко С. В. Иваненко, а также член Совета Федерации ФС РФ, бывший заместитель Председателя Совета Министров СССР В. К. Гусев. Прозвучавшие на торжественном заседании Ученого Совета ИДВ РАН добрые слова о деятельности Чон Чже Муна и о его книге переросли в интересную и содержательную дискуссию, в которой были затронуты не только вопросы современности, но и конфуцианской культуры и литературы средневекового периода в Китае и Корее, в которой размышления нового Почетный доктор ИДВ не потерялись среди высказываний крупнейших специалистов России по проблемам китайской философии и идеологии.

После завершения церемонии вручения диплома профессор Чон Чже Мун выступил с докладом по проблемам корейско-российских отношений и положения в Северо-Восточной Азии, выдвинув идею “новой дружбы” между Россией и Республикой Корея. Если первое десятилетие после установления дипломатических отношений между нашими странами было десятилетием узнавания друг друга, сейчас настало десятилетие всестороннего сотрудничества в самых различных областях, которые создадут фундамент тесной дружбы между нашими народами и странами. Южной Корее есть много чему поучиться у России и в сфере передовых технологий. Чон Чже Мун так же выдвинул идею постепенного превращения механизма шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме в коллективный механизм обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, экономического сотрудничества и объединения усилий стран региона. С учетом скорого вступления России в ВТО, в течение ближайших пяти лет можно обеспечить заключение между Россией и Южной Кореей соглашения о свободной торговле и уже сейчас начать его подготовку. По прогнозам специалистов, объем торговли между странами, подписавшими соглашения о свободной торговле, достигнет в 2005 году 55% общего объема мировой торговли. В ходе выступления в ИДВ РАН Чон Чже Мун познакомил собравшихся с русским переводом его книги “Россия далекая и близкая”, вышедшем в издательстве ИДВ РАН в 2004 г.

Редакция ИДВ планирует опубликовать рецензию на книгу Чон Чже Муна и выдержки из нее в одном из ближайших номеров журнала.

Чуванкина В., Лапина Е.

Защита диссертаций в Институте Дальнего Востока РАН в 2004 году //

В 2004 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжали работать два диссертационных совета — Д 002.217.01, рассматривающий диссертации по экономическим наукам, специальность 08.00.14 — Мировая экономика, и Д 002.217.02, рассматривающий диссертации по историческим и политическим наукам, специальность 07.00.03 — Всеобщая история и 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений и глобального развития. Всего было защищено 6 диссертаций: одна — на соискание ученой степени доктора наук и пять — на соискание ученой степени кандидата наук.

Л.Д. Бони, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат экономических наук, автор более 80 опубликованных работ, в том числе двух авторских монографий, успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему: **“Формирование рынка в китайской деревне (1978—2002 гг.)”**.

Диссертация Л. Д. Бони является фундаментальным новаторским исследованием, в котором впервые в отечественной и зарубежной синологии дан комплексный анализ процесса рыночной трансформации китайской деревни и его влияния на жизнь страны в целом. Решение проблем перехода деревни к рынку и модернизации аграрного сектора во многом определяет стратегию социально-экономического развития Китая на ближайшие десятилетия. Системный подход позволил автору раскрыть основные закономерности и специфику эволюционного перехода китайской деревни от административно-распределительной к рыночной системе экономики на микро- и макроуровнях, дать целостный анализ конкретных механизмов рыночных преобразований, показать роль взаимосвязи рыночного и государственного регулирования.

В работе также проанализирован широкий круг проблем, тесно связанных с формированием рынка в Китае, в том числе “земельный вопрос” и перспективы “семейного подряда”, процесс формирования разнообразных субъектов хозяйствования в деревне в условиях многоукладности, пути решения проблемы аграрного перенаселения и ход развития сельской урбанизации, зерновая проблема и обеспечение продовольственной безопасности, социально-экономические результаты рыночных реформ и противоречия в агросфере в переходный период, вызовы, связанные с вступлением Китая в ВТО. Научно обоснован вывод о том, что на современном этапе рынок в китайской деревне функционирует, его роль в размещении сельскохозяйственных ресурсов усиливается, хотя степень развитости рынка в деревне ниже, чем в городе. Решающим фактором, обеспечивающим прогресс и успехи рыночной трансформации в Китае, по мнению автора, является сильное государство и его активная роль в преобразованиях.

Положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы российской наукой и государственными экономическими структу-

рами при разработке концепции рыночной трансформации и модернизации агропромышленного комплекса России.

В.В. Жигулева, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, автор 17 опубликованных работ, успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: “Реформа системы ценообразования КНР (1978—2002 гг.)”.

Актуальность темы данного исследования обусловлена научной и практической значимостью изучения международного опыта трансформации системы ценообразования в странах с переходной экономикой, поскольку выбор модели реформы цен во многом предопределяет характер экономических преобразований и уровень социальных издержек для населения страны. В работе впервые в российской науке осуществлен комплексный анализ системы ценообразования в КНР в условиях перехода к рынку, показана эволюция теоретических подходов китайского руководства и ученых к данной проблеме, рассмотрена взаимосвязь между трансформацией экономической системы и реформой ценообразования, выявлены узловые моменты реформы цен на современном этапе, в том числе связанные с вступлением Китая в ВТО.

На основе комплексного системного анализа автором выявлены позитивные и негативные последствия либерализации цен. Показано, что применяемая в Китае поэтапная модель реформы ценообразования, сохранение на протяжении всего периода реформ возможности использования плановых и рыночных рычагов воздействия на цены, чередование периодов расширения границ либерализации и урегулирования ценовых диспропорций, достаточно высокая степень разработанности нормативно-правовой базы в сфере ценообразования и юридических рамок государственного вмешательства в ценовую деятельность хозяйствующих субъектов, позволили предотвратить гиперинфляцию и спад производства и обеспечили ускорение экономического роста, повышение уровня благосостояния народа. Обобщенный в диссертации китайский опыт реформы системы ценообразования может быть полезен как для российских научных и государственных организаций, занимающихся проблемами ценообразования, налогообложения и сравнительным анализом реформ в условиях переходных экономик, так и для частных компаний, устанавливающих контрактные отношения с китайскими партнерами.

Сюй Ци — гражданин КНР, окончивший очную аспирантуру ИДВ РАН, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Отношения между двумя берегами Тайваньского пролива и перспектива их развития”.

Диссертация посвящена комплексному изучению так называемой тайваньской проблемы. В работе показаны исторические предпосылки ее возникновения, рассмотрены концептуальные подходы сторон, помогающие понять сущность проблемы, обозначены доминирующие мировые тенденции, оказывающие влияние на проблему, выявлена взаимосвязь решения вопроса с процессами мирового развития, показаны механизмы и характер влияния мировых тенденций развития на перспективы разрешения проблемы взаимоотношений двух берегов Тайваньского пролива.

Данное исследование затрагивает области внешней и внутренней политики КНР, США, России и Японии, содержит сравнительный анализ экономических, военных потенциалов вовлеченных в конфликт держав, дает картину общей международной ситуации в мире, особое внимание уделено культурно-этническим вопросам, налагающим особый отпечаток на отношения между материком и островом.

Автор не только использовал китайские и тайваньские источники, часть из которых впервые введена им в научный оборот, но и сравнил содержащиеся в них оценки и выводы со взглядами российских исследователей данной темы.

Н.В.Анисимцев — младший научный сотрудник ИДВ РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему **“Эволюция системы исполнительной власти и государственно-административного управления Японии в 1990-2000-х гг.”**.

Последнее десятилетие XX — начало XXI в. представляют собой особый период исторического развития Японии в новейшее время, характеризующийся глубокими масштабными изменениями в политической системе страны, системе ее исполнительной власти.

Диссертант дал детальное описание японских органов исполнительной власти и государственно-административного управления, включая их структуру, права и обязанности, процессы принятия решений, формы, методы и процедуры правового, финансового и информационного обеспечения, а также методы внутреннего и внешнего контроля над ними.

Автор базирует свое исследование на широком круге документальных источников — главным образом на законодательных актах японского парламента и правительства, официальных справочниках министерств и ведомств Японии, а также активно использует основополагающие в этой области работы японских ученых — представителей различных школ.

Исследование является ценным источником информации для всех, кто в своей научной и практической деятельности связан с Японией и японоведением.

Опыт Японии в проведении административной реформы, как положительный, так и отрицательный, может быть принят во внимание властными структурами Российской Федерации.

Т.В.Ревякина, окончившая очную аспирантуру ИДВ РАН, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему **“Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 — середина 1940 гг.)”**.

Исследование посвящено анализу уникального этнокультурного образования, сложившегося на территории Китая в первой трети XX века в виде одной из многочисленных диаспор российского зарубежья. Автор стремится решить такие задачи, как формулировка общей характеристики китайской ветви российской эмиграции, определение социально-правового статуса российских эмигрантов, география их расселения на территории Китая, структура эмигрантского общества, наиболее распространенные формы адаптации эмигрантов в условиях инокультурной среды, основные виды деятельности российской диаспоры в Китае, оценка взаимодействия и взаимовлияния эмигрантского общества и местного населения страны-реципиента, демонстрация вклада китайской ветви российской эмиграции как в общеэмигрантскую культуру зарубежья, так и в русскую культуру XX века.

Важной положительной особенностью рассматриваемой работы является сопоставление адаптационных процессов в условиях двух цивилизационных систем Востока и Запада, что обусловило особенности развития восточной и западной ветвей российской эмиграции.

В.Л.Андрианов окончил очную аспирантуру ИДВ РАН и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему **“Формирование “Большого Китая”: геополитическое измерение”**.

Цель его исследования состоит в анализе того, как и каким образом на фоне реализации Пекином идеи “Большого Китая” трансформируется роль и место Китая в интеграционных процессах АТР. Актуальность исследования обусловлена тем, что становление “Большого Китая”, под которым следует по-

нимать экономическое единство, скрепленное этнической общностью, является одной из важнейших долгосрочных тенденций. Налицо все признаки формирования "Большого Китая" или Китайского общего рынка, куда входят или скоро войдут Китай, Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), а возможно и Сингапур. На общей национальной и культурной базе между этими странами и территориями складываются и укрепляются тесные производственно-экономические связи, образуя костяк "Большого Китая".

На основе фактического материала автор ставит под вопрос мнение некоторых ученых о том, будто оформление "Большого Китая" — это не более чем теоретическая разработка. Анализ внутренней и внешней политики КНР позволяет говорить, что оформление китайского экономического пространства является магистральной линией политики Китая, направленной на создание определенного порядка в рамках АТР. С самого начала реформ руководством КНР были определены три ключевые государственные цели на ближайшие десятилетия, а именно: ускорение темпов социалистической модернизации; воссоединение Родины, включая объединение с Тайванем; борьба против гегемонизма. На достижение этих целей была направлена вся внутренняя и внешняя политика. В основу было положено экономическое строительство, как залог разрешения внешних и внутренних проблем. Алгоритмом решения задачи по достижению этих целей явилась реализация концепции "Большого Китая".

На основе комплексного анализа делается вывод, что рост мощи Китая вместе с углубляющимися интеграционными процессами в рамках "Большого Китая" — один из определяющих факторов формирования новой мировой архитектуры.

© 2005

Кандидат экономических наук

В. Чуванкова,

Е. Лапина

РЕЦЕНЗИИ

**Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика
М.Л.Титаренко / Гл. ред. С.Л.Тихвинский.
М.: Памятники Исторической Мысли, 2004. 837 с.**

Юбилейное издание — особый и чрезвычайно сложный жанр. Масштаб юбиляра в процессе работы над книгой задает особую, высокую научную и общественно-политическую "планку", ниже которой предполагаемая работа не должна опуститься. Вышедшее к 70-летию академика *М.Л.Титаренко* издание "*Китай в диалоге цивилизаций*" превзошло ожидания, прежде всего по качественным научным параметрам. Был исследован широкий спектр экономических, политических, международных, философских и исторических проблем Китая и сопредельных стран и регионов. Работа не стала формально-юбилейным и эклектичным сборником, созданным к дате. Наоборот, она получилась органичной, современной и живой, отвечающей на многие вопросы внутренней и международной жизни Китая.

Достаточно трудно классифицировать данную работу по устоявшейся методике (коллективная монография, научный сборник, итоговый аналитический материал и пр.), это скорее большое "научное резюме" китаеведения за 50 лет развития, своеобразный фундаментальный отчет, в котором прописаны основные проблемы Китая, подготовленный ведущими учеными отечественного и зарубежного китаеведения. За каждым из отечественных авторов¹ стоит разработанная крупная проблема или целое направление, которые как ручейки сливаются в одно мощное научное течение, именуемое современной российской *китаеведческой школой*, в которой академик *М.Л.Титаренко* является одним из лидеров. Сегодня можно сказать, что такая школа сложилась и успешно работает, имея свои филиалы в России и за рубежом, а данное издание — один из интеллектуальных продуктов этой школы, получившийся, одновременно, и своеобразной энциклопедией Китая, и творческой лабораторией для апробации новых концепций и идей.

Работа ставит перед читателями фундаментальные вопросы современного Китая: в чем глубинный смысл, специфика и ресурсы китайского пути развития и модернизации? В каком направлении он движется и какие вызовы и угрозы стоят перед китайскими реформами? Универсален или уникален китайский опыт реформ в культурно-цивилизационном и политическом контекстах? Каковы геополитические контуры китайской политики реформ и особенности современного международного позиционирования Китая в глобальном и региональном измерениях? В чем смысл мировой полемики вокруг успехов и неудач Китая? Можно ли говорить о формирующейся "китайской угрозе" миру или это досужие рассуждения дилетантов от науки, не подкрепленные научными доказательствами? Эти и многочисленные другие острые и злободневные вопросы волнуют многих в мире, в том числе прежде всего в России, которая за последние годы не только укрепила свои отношения с КНР, но и, благодаря стараниям политиков и дипломатов Москвы и Пекина, превратила их в необратимое стратегическое партнерство, направленное в будущее.

Знаменательно то, что в рецензируемой работе, не умаляя заслуг других уважаемых авторов, есть один, который практически, изо дня в день на протяжении 20 лет строил и продолжает строить это грандиозное и непростое "здание" под названием "российско-китайское стратегическое партнерство" — посол России в Китае Игорь Алексеевич Рогачев. Он, как и десятки других ведущих российских и китайских дипломатов, начал возводить это "сооружение" на "руинах" былых отношений конфронтации и недоверия. Как отмечает сам И.А.Рогачев, он стал "непосредственным свидетелем и участником развития наших отношений в периоды их высших подъемов (1950-е и 1990-е годы) и спада (конец 1960-х — 1970-е годы)"

(с. 330). А его заключительная фраза, приведенная в данной книге, могла бы стать девизом жизни любого китаеведа: "Китай — это на всю жизнь" (с. 338).

Один из ключевых блоков рецензируемой работы — *экономический*. В мировую политологию прочно вошел термин "китайское экономическое чудо", под которым подразумевают успешную реализацию китайским руководством, начиная с 1978 г., стратегии реформ и открытости. Мировая экономика знала внешне схожие явления, связанные с "японским экономическим чудом" 60 — 70-х гг. XX в., развитием новых индустриальных стран "первой волны" (НИС — 1) — Сингапура, Южной Кореи, Гонконга², Тайваня в 1980-е годы и "второй волны" (НИС — 2) — Таиланда, Индонезии, Филиппин, Малайзии в 1990-е годы³, быстрым экономическим развитием ряда стран Латинской Америки (Бразилии, Аргентины, Чили). Вместе с тем очевидно, что китайская экономическая модернизация по масштабам, методам реализации, характеру преобразований, целям и ресурсам принципиально отличается от мирового опыта экономических "прорывов". Заслуга авторов экономического блока в том, что они вскрыли специфику китайской экономической модернизации, не похожей на все известные примеры, и являющейся, одновременно, принципиально новым вариантом экономического реформирования ранее отсталых или переходных экономик.

В одной из своих работ академик М.Л.Титаренко, характеризую специфику современных модернизационных процессов в КНР (концепция "социализма с китайской спецификой"), справедливо отмечал, что одна из фундаментальных причин китайских успехов — умелое "сочетание как стратегии догоняющего развития, так и стратегии использования сравнительных преимуществ. "Стратегия использования сравнительных преимуществ, — пишет он, — в КНР проявляется в ставке на использование огромных и дешевых трудовых ресурсов, привлечении прямых иностранных инвестиций"⁴. Данное положение получило дальнейшее развитие в ряде глав и разделов данного блока (Я.М.Бергер, В.В.Михеев, А.В.Островский, М.А.Потапов, Л.И.Кондрашева и другие).

Центральной проблемой любой экономической политики — проблема экономического роста. При всех колебаниях темпов экономического роста Китай неизменно выделяется своей динамикой на мировой арене. Как известно, на долю Китая

приходится всего 4% мирового ВВП, но в 2002 г. рост его экономики составил 17,5% мирового экономического роста, а рост обрабатывающей промышленности — 29% мирового роста данной отрасли. Главными рычагами государства для поддержания нынешних темпов роста являются: увеличение экспорта, стратегическое регулирование экономической структуры, активная финансовая политика, включая тактику опережающих инвестиций. Не секрет, что в финансовой сфере стабильность действующего китайского валютного курса обеспечивается административными средствами и значительными золотовалютными резервами. Однако после вступления КНР в ВТО финансовая система Китая столкнулась с давлением в пользу постепенной ревальвации юаня.

Авторы экономического блока провели, на наш взгляд, достаточно корректный анализ социального фактора, его взаимозависимости с экономикой Китая. Известна традиционная китайская формула: "сильное государство, богатый народ". Сегодня путь к реализации этой парадигмы пролегал через создание в Китае общества "сяокан" — общества средней зажиточности. Строительство такого общества, по замыслу китайских стратегов, позволит не только упрочить силу государства, но и превратить Китай из державы региональной, постепенно наращивающей свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в державу глобальную, способную "более активно и конструктивно" вести за собой мировое сообщество⁵. Обе части формулы неразрывно связаны между собой. Новое наполнение получает вторая часть формулы — "богатый народ". За годы реформ произошло существенное повышение жизненного уровня населения — от нищеты большей его части в конце 70-х годов XX в. — до показателей стран со средними доходами, увеличение образовательного уровня, ликвидации абсолютного обнищания⁶. Однако понятно, что полная гармонизация данной схемы — пока только цель китайского руководства.

Одна из проблем, стоящих перед китайской экономикой — повышение ее конкурентоспособности на международном рынке через дальнейшее реформирование внешней торговли и создание экономики "открытого типа". Процесс формирования такой экономики имеет в Китае уже некоторую историю и успешные результаты. Авторы П.А.Минакир и А.П.Горюнов справедливо отмечают, что реформирование внешней торговли в Ки-

тае позволило избежать неконтролируемой либерализации валютных операций, которые в странах СНГ и Восточной Европы, как известно, привели в условиях гиперинфляции к вытеснению национальных валют и изменению валютной структуры сбережений в пользу иностранной валюты. В целом система регулирования внешней торговли в Китае к настоящему времени стала значительно либеральнее и прозрачнее, чем в предыдущий период. Однако Китай сохранил часть инструментов административного регулирования в области внешней торговли, а также часть экономических регуляторов, позволяющих ему маневрировать в условиях либерализации внешней торговли и включения в глобальные экономические и интеграционные процессы. В Китае растет убежденность в том, что стране необходим курс, который обеспечил бы всестороннее, сбалансированное и устойчивое развитие экономики и социума, города и деревни, индустриализации и урбанизации, различных социальных слоев и разных регионов. Такой курс призван сочетать высокие темпы экономического роста с адекватным увеличением занятости, бережным использованием естественных ресурсов и защитой окружающей среды.

Профессор Ху Аньган точно сформулировал четыре целевых установки, которые органично вытекают из его концепции: 1) "экономический рост, 2) сильное государство, 3) богатый народ, 4) повышение международной конкурентоспособности" (с. 62). Как известно, Китай в ближайшие 15 лет (до 2020г.) предполагает увеличение в 4 раза объема ВВП; сокращение разрыва в комплексной мощи Китая и США с 3 до 2 раз; повышение международной конкурентоспособности и вхождение в первую десятку стран мира. Важным, на наш взгляд, представляется то, что Ху Аньган, сравнивая различные методики анализа негативных факторов воздействия на Китай, предложил свою типологию (классификацию) этих факторов и угроз, просчитав степень влияния каждой на ВВП и другие экономические параметры.

Это 4 типа и 8 видов наиболее важных негативных факторов. Во-первых, это институциональные факторы (включая скрытую и открытую безработицу), структурные преобразования, вступление в ВТО, неравномерность доходов, бедность и социальная нестабильность и коррупция. Во-вторых, отраслевые (или секторные) факторы (включая больных СПИДом), воздействие профессиональных и

прочих заболеваний на темпы роста, нехватка водных и энергетических ресурсов, особенно нефти и газа. В-третьих, финансовые факторы, а именно доля "плохих кредитов", отток капиталов за границу, долги госпредприятий. В-четвертых, факторы конфликтов (тайваньский и другие).

Суммируя экономическую часть, можно обозначить следующий ряд тезисов и проблем, перспективных, на наш взгляд, в плане дальнейших научных дискуссий.

1. Высокие темпы экономического роста, видимо, сами по себе не способны обеспечить устойчивое развитие, не способны разрешить нарастающие противоречия. В нынешних условиях экспортно-ориентированная модель развития Китая постепенно дополняется стратегией современного новоиндустриализма, которая подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование "новой экономики", базирующейся на знаниях и информационных технологиях.

2. Ближайшая задача для КНР — в противовес неолиберальным проектам постиндустриализма — найти оптимальные варианты рационального сочетания весомого участия государства в экономике и рыночных механизмов — в развитии экономики и постиндустриального общества. Реформа системы собственности — не самоцель, скорее метод, а изменения в системе собственности будут происходить и дальше при важнейшей регулирующей роли государства. Проблема в том, какая стратегия в конечном счете возобладает в долгосрочной перспективе (на ближайшие 50 лет развития). Можно ли говорить о перспективе полной либерализации Китая и встраивания его в мировую рыночную систему или о сохранении баланса (компромисса) между государственным (социалистическим) этатизмом и либеральным проектом?

3. Поскольку негативные факторы непродолжительного воздействия имеют разновременный и разномасштабный характер (т.е. они не могут работать одновременно), можно с уверенностью говорить об успешном применении Китаем избирательной тактики их нейтрализации или полного "купирования" на современном этапе. Вопрос в том, смогут ли неблагоприятные факторы долговременного ряда (рост энергетических потребностей, проблемы модернизации сельского хозяйства, экологические проблемы, противоречия между частным и государственным секторами, увеличение "плохих" кредитов, дисбаланс в развитии регионов, рост безработицы, демографические проблемы) приве-

сти китайскую экономику в среднесрочной или долгосрочной перспективе к системному, либо частичному экономическому кризису. В западной литературе на этот счет появилось много различных спекуляций (теория китайского "коллапса" и другие).

4. Можно ли напрямую увязывать внешние потенциальные конфликтные "вызовы" (в первую очередь тайваньский и северокорейский) с угрозой экономической модернизации? Учитывая важность проблемы "объединения Родины" и успешного завершения реформ, можно ли говорить о существовании оптимальных, либо взаимообусловленных сценариев решения этих задач (речь идет, прежде всего, о тайваньской проблеме) и гипотетическом воздействии крайних (силовых) сценариев на темпы внутренней модернизации? Рискнет ли китайское руководство поставить на карту успех китайских реформ в случае негативного развития тайваньских событий (одностороннего объявления независимости или иных провокационных шагов острова в отношении материка)? Вопросы эти далеко не формальные, однако, судя по некоторым новым шагам КНР по тайваньской проблеме, можно предположить, что нынешнее поколение китайских руководителей, возможно, найдет мирные политические, экономические и правовые рычаги включения тайваньского ресурса в реализацию стратегии общеазиатской модернизации, соответствующие текущей международной ситуации и необходимости сохранения режима безопасности в регионе.

Политический блок рецензируемой работы представлен широким спектром разноплановой тематики — от анализа идеологических новаций КПК, включая теорию "трех представительства" (Р.М.Асланов, Д.А.Смирнов), до партийной, административно-правовой, общественно-политической, оборонной и национальной проблематики (В.Я.Портыков, Ли Цзинцзе, Л.М.Гудошников, Н.Л.Мамаева, Г.А.Степанова, Б.Т.Кулик, Хэ Цзэнкэ, А.А.Москалев, П.Б.Каменнов и другие). Понятно, что особый интерес у читателей вызывают российские интерпретации концепции "трех представительства". В данном случае важно, что при анализе теории сделаны акценты: а) на доминировании "человеческого фактора" в процессе развития производства и технологий; б) на необходимости сохранения контроля государства над частной собственностью при дальнейшем развитии рыночной экономики в самой стране и интеграции Китая в мировое

хозяйство (Р.М.Асланов, с.180 — 181). Одновременно концепция создает идеологическую основу для интегрирования интересов новых социальных слоев в существующую структуру общественно-политических институтов на основе единения общенациональных интересов (Д.А.Смирнов, с.199).

Особое внимание, на наш взгляд, стоит обратить на любопытные выводы В.Я.Портыкова в его статье: "О проблемах совершенствования политической системы Китая", где он пишет, что "законсервировать нынешнюю политическую систему страны (КНР. — С.Л.) на неопределенно долгий срок невозможно. Рано или поздно, по собственной воле или под давлением обстоятельств, но обновлять ее, и достаточно серьезно, придется неизбежно" (с. 185). Заметим попутно, что для самого Китая лучше бы обновлять "по собственной воле", чем под "давлением обстоятельств", так как последнее можно интерпретировать достаточно широко, включая и кризисные "обстоятельства". Одновременно выводы В.Я.Портыкова дают возможность шире взглянуть на данную проблему и поставить на обсуждение, по крайней мере, три вытекающих из данного дискурса тезиса.

1. Каковы максимально-допустимые партийно-государственные и идеологические параметры и границы достаточно радикальной доктрины "институционального строительства", выдвинутой рядом китайских экспертов. И возможен ли частичный выход дискуссии (в форме тех или иных партийных решений) о сценариях эволюции КПК на политический уровень в плане перераспределения части функций и полномочий другим институтам.

2. Готово ли нынешнее китайское руководство к следующему XVII съезду (или значительно раньше) обнародовать стратегию дальнейшего развития и углубления теории "социалистической демократической политики" (совершенствования политической системы. — С.Л.), предложив новую "повестку" обновления политической системы и новые методы ее реализации. В частности, возможно ли расширение традиционной и уже частично апробированной на XVI съезде и других форумах "повестки", куда, как известно, входили пункты о совершенствовании функций собраний народных представителей (СНП) и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК); расширении "низов демократии"; укреплении социалистического порядка и т.д.

3. Самое главное — как будут сформулированы эти новые пункты, и если обновленная “повестка” рано или поздно появится, не вызовет ли она внутренний раскол в китайском руководстве между сторонниками курса на более радикальное обновление политической системы и представителями “традиционных подходов”. Судя по косвенным признакам, можно говорить, что дискуссия о темпах, методах и направлениях политического реформирования идет не только в китайском экспертном сообществе, но и на уровне политического руководства. В любом случае, диалектика данного процесса может и должна вывести китайских политиков и политологов на конструктивное и, одновременно, компромиссное решение, которое удовлетворило бы различные группы.

Проблематика блока международных отношения представлена широким спектром актуальных вопросов внешней политики Китая, ситуации в регионе Северо-Восточной Азии, российско-китайских отношений и других. С учетом недавних заявлений северокорейского руководства об одностороннем выходе из шестисторонних переговоров по урегулированию ядерного кризиса, вопросы безопасности на Корейском полуострове, глубоко и всесторонне рассмотренные академиком Н.А.Симония, профессором В.И.Денисовым и к.и.н. В.П.Ткаченко, особенно актуальны и значимы сегодня. В частности, всесторонний анализ, проведенный Н.А.Симония, позволяет взглянуть на данную проблему как с американского, корейского, так и с российского и китайского “углов”. Из статей, посвященных корейской проблематике, логично следует вывод о том, что северокорейский кризис не просто формально объединяет соседей КНДР, но и делает их стратегическими союзниками в деле разрешения ядерного кризиса. Причем особая роль в этом процессе отводится международным сообществом России и Китаю, последовательно выступающим за мирное урегулирование проблемы.

Крайне интересны в научном плане вопросы соизмеримости и сопоставимости российской и китайской стратегий в глобальном и региональном контекстах. Спектр этой проблематики, представленной в статьях А.Д.Воскресенского, В.Е.Петровского и А.Г.Ларина, достаточно широк: интеграционные объединения АТР (АСЕАН + 3, АТЭС) и роль в них Китая; позиционирование КНР в мире как набирающей силу “великой державы” и реакция

США.

Вызывает закономерный интерес изучение роли и места России и Китая в различных трехсторонних и многосторонних региональных системах, например, таких как “Россия — Япония — Китай”; “США — Россия — Китай”; “Россия — Индия — Китай”; “Россия — Центральная Азия — Китай”. Понятно, что все они достаточно условны и не являются институционально оформленными блоками, союзами или альянсами. Очевидно так же, что взаимодействие России и Китая в данных структурах не всегда совпадает по характеру, интересам, целям и методам. Так, в отношениях России с Японией и Китаем в последнее время на первое место вышел энергетический фактор (возможности экспорта по трубопроводам сибирской нефти и газа), который после определенной политической дискуссии в трех странах сведен до понимания необходимости диверсификации экспорта (для России) и импорта (для Китая и Японии) энергоносителей. Последствия событий в Центральной Азии — появление американских военных баз после 11 сентября 2001 г. — усилило беспокойство Пекина и Москвы, которые интенсивно развивают Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), призванную сбалансировать не только российско-китайские, но и интересы четырех центрально-азиатских государств (Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана). Перспективным в плане трехстороннего сотрудничества представляется “треугольник” Россия — Индия — Китай, хотя и здесь налицо разноуровневый характер взаимодействия, в котором китайско-индийское сотрудничество пока отстает от российско-китайского и российско-индийского партнерства. Однако в любом случае, все перечисленные комбинации усиливают возможности и ресурсы для России и Китая в плане их регионального и глобального позиционирования, углубления сотрудничества с “третьими силами” (отдельными государствами и международными институтами), отстаивания концепции “многполярности” и противодействия гегемонизму.

Особо ценным аспектом в данном разделе, на наш взгляд, является возможность получения “из первых рук” оценок ведущих западных ученых (Д.Лэмптона и Р.А.Скалапино, США) по ключевым международным вопросам и внешней политике Китая, дающих богатую пищу для размышлений. Исходя из американских текстов, можно представить два дискуссион-

ных тезиса для размышлений.

Во-первых, очевидно, что ведущими западными экспертами уже произведена переоценка степени угрозы Китая для США в сторону ее "уменьшения" и перевода военно-политической проблемы больше в экономическую плоскость (рост активного торгового сальдо Китая и др.). В частности, Д.М.Лэмптон, трактуя двусторонние отношения США и КНР, как "нормальные отношения между двумя великими державами" (с. 402), когда отдельные "трения ... уже не ставят под угрозу всю конструкцию" (с. 400), подчеркивает, что к настоящему времени эти отношения прочно "стоят на трех опорах" ... безопасности, экономике и культуре (с. 394). Другими словами, на экспертном и отчасти политическом уровнях в США явно подходят к новому качеству оценок китайско-американских отношений, иногда трактуемых, как "почти союзнические". Можно ли в этой связи прогнозировать дальнейшее стратегическое сближение США и КНР, с учетом возможности безболезненного (для Китая и США) разрешения северокорейского и тайваньского кризисов в среднесрочной (или долгосрочной) перспективе? Не окажется ли Россия на "обочине" американо-китайского стратегического партнерства через 30-50 лет, а, возможно, и раньше?

Во-вторых, возможно, что для России, Китая и США не столь важны различия в оценках и подходах к региональным проблемам (северокорейский кризис, урегулирование в Ираке, ближневосточный кризис, американские базы в Центральной Азии и другие), а также дискуссии о моделях мироустройства ("однополярность" или "многополярность"). В плане безопасности данные расхождения мы можем интерпретировать, скорее, как текущие. Стратегическую (долговременную) угрозу, на наш взгляд, несет американская идея превентивного применения силы, которая, как известно, вытеснила классическую доктрину "сдерживания" и занимает ключевое место в стратегии национальной безопасности США.

В этой связи возникает много вопросов о критериях и обязательных условиях превентивных действий, степени достоверности информации спецслужб, последствиях таких военных действий, а также опасности размытия и полного демонтажа международно-правовой системы, включая институты ООН и т.д. Возможно ли в этой связи трехстороннее (на экспертном и политическом уровнях) об-

суждение проблемы адаптации или корректировки принципа "превентивности" в условиях роста террористических угроз между представителями США, КНР, РФ, либо в более широком коллективном формате? Повысит или, наоборот, снизит уровень глобальной безопасности согласование национальных "повесток" безопасности? Возможен ли в принципе отказ американцев от пункта о "превентивности" либо его корректировка в будущем? Понятно, что речь вряд ли может идти о полноценном диалоге с нынешней американской администрацией, скорее всего, это проблема следующего десятилетия развития международных отношений.

Разделы "Философия", "Культура" и "История" представлены как традиционной классической тематикой (статьи А.Е.Лукьянова, А.И.Кобзева, С.Лоу, В.Ф.Феоктистова), так и работами, затрагивающими вопросы современной культурологической, религиозной действительности (Хэ Гуанху, А.В.Ломанов, Э.Тан, Г.В.Куликова и другие). Особенно интересна, на наш взгляд, прекрасно сделанная Л.С.Переломовым интерпретация проблемы традиций в современной политической культуре Китая, которая, как известно, сконцентрирована в канонической литературе и философских памятниках и является некоей "методологией" для современного китайского руководства. Многие вопросы древних китайских монахов и философов чрезвычайно остры и современны. Что есть человек? Какие нормы отношений должны преобладать в обществе? Как добиться оптимальных результатов в установлении стабильных взаимоотношений правителя и народа?

Принципиальное отличие китайской политической культуры от европейской заключается в особом статусе императорской власти. На протяжении 2000 лет императору не приходилось делиться своей властью с церковью. Он — Сын Неба — был воплощением высшей духовной и светской власти. Важно, что многие традиционные категории и понятия проецируются на современные процессы в китайском обществе. Так, современная программа построения гражданской нравственности в КНР базируется на традиционных моральных установках. Их современное прочтение следующее: 1) любовь к родине и исполнение закона; 2) четкое следование правилам поведения, искренность и доверие; 3) сплочение и дружелюбие; 4) трудолюбие, бережливость и самоусиление; 5) служение своему делу

(с. 584). В данном контексте интересна версия китайского ученого Чжан Байчуня, который органично увязывает традиционный философский контекст с поисками современной национальной идеи в Китае и России. В частности, он отмечает, что «задача национальной философии как раз и состоит в конструировании и познании национальной идеи. Мы убеждены, — говорит он, — что русские будут продолжать работать над своей национальной идеей, создавать свою блестящую культуру. Китайцы, также будут ... разрабатывать великую идею китайской нации, и это станет постоянной темой исследования для китайской философии» (с. 620).

Таким образом, совершенно очевидно, что колоссальные усилия редакционной коллегии под руководством главного

редактора С.Л.Тихвинского и заместителя главного редактора Р.М.Асланова, всего авторского коллектива дали выдающийся результат. Для российских читателей не одного поколения создано многоплановое, фундаментальное исследование, которому суждена долгая жизнь. Книга нужна дипломатам, ученым, политикам, студентам, всем интересующимся Китаем. Думается, что данная работа — один из важных «кирпичиков» в прочном здании российско-китайского стратегического партнерства. Китай стоит перед решением грандиозных задач и данное издание, несомненно, будет полезно китайскому руководству и ученым, послужит делу сотрудничества, соцветения и сотрудничества наших великих государств и цивилизаций.

© 2005

*С.Г.Лузянин,
д.и.н., профессор МГИМО (У) МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
президент Фонда поддержки
востоковедческих исследований*

1. В написании книги принимали участие 87 ученых и дипломатов — представители России, Китая, США, стран Западной Европы и Японии, в том числе: Чрезвычайный и Полномочный посол России в Китае И.А.Рогочев, академики С. Л.Тихвинский (РФ), Н.А.Симония (РФ), члены-корреспонденты РАН П.А.Минакир (РФ), В.В.Михеев (РФ), послы в отставке и профессора В.И.Денисов (РФ), Б.Т.Кулик (РФ), профессора Ху Аньган (КНР), Юй Суй (КНР), Ли Цзинцзе (КНР), Роберт А.Скалапино (США), Д.Лэмптон (США), Дж.Гарвер (США), Э.Тан (Великобритания), М.Бастид-Брюгьер (Франция), Тацуо Ямада (Япония) и многие другие, фактически составляющие «цвет» современного мирового китаеведения.
2. В 1997 г. Гонконг перешел под юрисдикцию КНР.
3. Экономический рост стран НИС — 2 был прерван азиатским финансовым кризисом 1997 г.
4. Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М., 2003. С. 177.
5. Ху Аньган. Большая стратегия Китая... Цит. по: Бергер Я.М. Проблемы устойчивого развития Китая // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004. С. 31.
6. Для сравнения, в Индии количество граждан, живущих за чертой бедности, превышает 300 млн чел., что несоизмеримо с китайскими показателями. Учитывая трудности проверки официальных статистических данных, тем не менее, очевидно, что: а) число нищих в Индии и Китае — разнорядковые величины, и в Индии их количество в десятки раз больше, чем в Китае; б) государственная социальная политика в КНР на поддержание и повышение уровня жизни реально существует, и она дает свои положительные результаты. В Индии же, на наш взгляд, целостная государственная программа социальной поддержки неимущих отсутствует. В этом смысле Индия и Китай — альтернативные типы социальной модернизации при их некоторой внешней экономической схожести в развитии интенсивных и технологичных экономик.

**Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина:
Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. М.:
Олма-Пресс, 2004. 479 с.**

С выходом в 2004 г. в свет монографии "Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век" российская научная общественность и широкие круги читателей получили возможность познакомиться с новым исследованием истории взаимоотношений СССР и Японии в годы Второй мировой войны. Автор — А.А. Кошкин, доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны, один из ведущих российских специалистов по современной Японии, автор и соавтор ряда научных трудов по истории Второй мировой войны и международных отношений.

Монографию отличает не только актуальность, но и комплексный характер исследования, объективный взгляд на исторические события, оригинальное толкование известных документов и ввод в научный оборот новых материалов и источников по рассматриваемой проблеме. Все это тем более важно, что по мере удаления от трагических событий истории человечества, связанных со Второй мировой войной, в западной и отечественной историографии появляются "исследования с новой трактовкой" предпосылок, хода, итогов этой войны, роли СССР, его дипломатии военного периода, в которых предпринимаются попытки не только "по-новому" оценить отдельные события того исторического этапа, но и пересмотреть их, а "новые исследовательские результаты" транспарировать на современные международные отношения, "оживить" их в современную действительность. В этом смысле весьма показательными являются российско-японские отношения, которые, по оценке автора, испытывают на себя влияние трагических событий ушедшего столетия и в силу "подчас противоположных подходов к истории взаимоотношений двух стран в годы войны" (с. 3)

В последние годы в японской исторической науке четко обозначилась тенденция к пересмотру и "новой трактовке"

политики Японии в XX столетии в отношении соседних государств — России, Китая, Кореи. "Новизна" состоит в том, что японо-русская война 1904 — 1905 гг. была обусловлена стремлением императорской Японии "освободить китайский народ от российского и западного гнета", что колониальное владычество Японии в Корее было направлено на "сохранение корейской государственности", а чудовищные преступления японских агрессоров в Китае были лишь "инцидентами, значимость которых переоценивается китайской стороной" и т.д.

Такой же "новый" подход используется и при оценке японской историографией обстоятельств подписания советско-японского пакта о нейтралитете и вступления СССР в войну против Японии. При этом, такие "новые подходы" японских историков к оценке советско-японских отношений в период Второй мировой войны зачастую становятся официальной позицией руководства страны, становятся основой дипломатической стратегии Японии на современном этапе (с. 3).

Монография А. Кошкина является продолжением авторского проекта по исследованию советско-японских отношений в предвоенные и военные годы, начато с публикации в Японии и в СССР соответственно в 1985 и в 1989 гг. монографии "Крах стратегии "спелой хурмы". Кто нарушил пакт о нейтралитете", где автор дал объективную картину военной политики Японии в отношении СССР накануне и в годы Второй мировой войны. В рецензируемой работе автор расширил исследовательские рамки за счет углубленного изучения взаимоотношений СССР с его союзниками по антигитлеровской коалиции — США и Великобританией.

В противовес многим японским и отечественным исследованиям, которые сводятся к оценке рассматриваемого периода в советско-японских отношениях лишь к пакту о нейтралитете и критике "экспансионистской политики Сталина", А. Кошкин рассматривает участие СССР в войне против Японии в контексте взаи-

моотношений союзников в целом, с учетом ситуации на всех театрах военных действий. Особое внимание автор уделяет анализу комплекса союзнических отношений не только в военной, но и в политической сфере, связанной с планами союзников по послевоенному устройству мира. Последнее является исключительно важным, поскольку цена вопроса — новый мировой порядок, а “уклонение СССР от выполнения своих союзнических обязательств по отношению к Японии могло привести к срыву этих планов коллективного обеспечения мира и безопасности народов” (с. 5). Именно комплексный подход позволил автору не только дать сбалансированные оценки сущности советско-японских отношений в рассматриваемый период, но и определил объективно-исторический взгляд автора на многие принципиальные позиции в двусторонних отношениях, которые прямо или косвенно продолжают воздействовать на состояние современных отношений между Россией и Японией.

Основные выводы представленной монографии сводятся к следующему.

1. Важнейшей политической и стратегической целью императорской Японии с конца XIX — начала XX вв. было устранение влияния России в Восточной Азии (японо-китайская война 1894-95 гг., японо-русская война¹ 1904-05 гг., участие в Первой мировой войне и др.).

2. Военная интервенция Японии на советский Дальний Восток (1918-22 гг.) — первая практическая попытка включить в состав “Великой японской империи” территории России. Эти же устремления сохранились и после установления в 1925 г. дипломатических отношений между СССР и Японией, с той лишь разницей, что предпосылкой для реализации таких стратегических планов становился захват Маньчжурии и всего Китая. Эти обстоятельства должным образом оценивались советским руководством, которое предпринимало все меры для недопущения развязывания крупномасштабной войны на советском Дальнем Востоке — дипломатические усилия для заключения пакта о ненападении, укрепление собственной обороноспособности и др. Главными факторами, не позволившими Японии начать в 30-е годы войну на севере, были усиление экономической и военной мощи СССР и затянувшаяся война Японии против Китая.

3. Агрессивные акции японских вооруженных сил на советско-маньчжурской

и маньчжуро-монгольской границах в 1938-39 гг. имели своей целью: с одной стороны, — оказать военное давление на СССР, угрозой большой войны заставить его руководство отказаться от помощи Китаю а с другой — продемонстрировать западным державам непримиримость в отношениях с Москвой, что должно было подтолкнуть США и Великобританию на продолжение политики “дальневосточного Мюнхена”. Кроме того, обострение японо-советских отношений должно было по расчетам японской стороны подтолкнуть Германию на военный союз с Японией, направленный, в первую очередь, против СССР. В конечном итоге, по условиям заключенного с Германией и Италией Тройственного пакта Япония взяла на себя обязательства поддерживать агрессивные действия своих новых союзников, в том числе и против СССР.

4. Реальная опасность ведения одновременно войны на Западе и на Востоке обусловило активизацию действий советского руководства по заключению пакта сначала о ненападении, а затем о нейтралитете.² Для советского руководства главная цель соглашения состояла в том, чтобы не допустить, хотя бы на время, вооруженного столкновения с Японией. Для японского руководства, которое откликнулось на активную позицию СССР, заключение такого пакта имело более широкое значение. Во-первых, японское правительство тем самым “рассчитывало реализовать свои цели, возможно, без войны. В Токио всерьез изучали ситуацию, когда в случае вовлечения СССР в войну на западе (японцы знали о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза) Япония могла бы угрозой разрыва пакта добиться от Москвы решения в свою пользу территориального вопроса (получение Северного Сахалина), заключения на выгодных условиях рыболовного соглашения, а главное — прекращения советской помощи Китаю” (с. 331). Во-вторых, пакт о нейтралитете был необходим Японии на период до принятия окончательного решения о нападении на СССР. В третьих, он был для Японии гарантией невмешательства СССР не только в войну в Китае, но и в случае вооруженного столкновения с США.

5. Переговорный процесс о заключении пакта о нейтралитете сопровождался параллельной выработкой политического решения о нападении на СССР летом 1941 г. в случае успеха немецких войск на

германо-советском фронте. Уже в июне 1941 г. японская сторона официально заявила, что основой внешней политики страны является Тройственный пакт, а не пакт о нейтралитете. Несостоявшееся нападение на СССР стало не результатом соблюдения советско-японского пакта о нейтралитете, а следствием провала германского плана "блиц-крига" и сохранения высокой боеспособности вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке. Однако реальная угроза агрессии со стороны Японии вынуждала советское правительство не ослаблять дальневосточную группировку своих войск, что серьезно осложняло положение СССР на западном фронте. Именно в этом состояла роль Японии в войне против СССР. Все это, с одной стороны, являлось грубейшим нарушением пакта о нейтралитете со стороны Японии, а с другой — лишало Токио права ссылаться на него и освобождало советское правительство от принятых на себя обязательств в отношении Японии.

6. Заявления И. Сталина на Тегеранской конференции о решении выступить против Японии после разгрома Германии оказало серьезное воздействие на весь дальнейший ход военной кампании на Тихом океане. Именно в этот период Япония предприняла различные маневры, чтобы "расположить" к себе советское руководство, выступить посредником для "замирения" СССР с Германией.³ Вступление СССР в войну против Японии было обусловлено настойчивыми обращениями руководителей США и Великобритании, которые считали, что это объясняется коалиционным характером Второй мировой войны и является закономерным в отношении активного участника противостоящей коалиции государств. Именно выполнение союзнического долга явилось главным правовым обоснованием вступления СССР в войну против Японии. Япония могла избежать вступления СССР в войну в случае своевременного принятия условий Потсдамской декларации. Однако этого не было сделано. Но именно вступление СССР в войну заставило японское правительство принять решение о капитуляции.

7. История сотрудничества СССР с США и Великобританией в обеспечении совместной победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией является ярким примером того, что, несмотря на политические и идеологические противоречия, при взаимном уважении интересов друг друга координация усилий великих держав

в достижении мира и безопасности народов возможна и эффективна. К сожалению, констатирует автор, тенденции сотрудничества уступили место политике "холодной войны", одним из реликтов которой стала искусственно и искусно созданная партнерами СССР по антияпонской коалиции т.н. "территориальная проблема" в советско-японских отношениях, которая в течение всего послевоенного периода и до сегодняшнего дня используется в равной мере США и Японией в качестве средства давления на Москву.

Вместе с тем представляется необходимым отметить, что обоснованно опрокинув устоявшиеся представления в истории советско-японских отношений в годы войны, автор не вполне четко определил свое отношение к "формальному мирному договору", ставшему сегодня одной из "главных проблем" двусторонних отношений. Однако, думается, что именно этот аспект в современных российско-японских отношениях носит принципиальный характер. К успехам японской дипломатии последних более чем 10-ти лет следует отнести "операцию" по внедрению в сознание многих российских политиков, дипломатов, экспертов, журналистов и широких кругов общественности стереотипа, заключающегося в том, что "мирный договор, прекращает формальное состояние войны между Россией и Японией и полностью нормализует двусторонние отношения". Этот стереотип встречающийся во всех российско-японских заявлениях последних лет "тянет за собой" другой — "заключение мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай позволяет достичь полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года." (Совместное заявление Президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о принятии российско-японского Плана действий, Москва, 10 января 2003 г.). Парадоксально, но факт — в одном Заявлении стороны опираются на два документа (Совместная декларация и Токийская декларация), носящие по своей сути, духу и направленности взаимоисключающий характер.

Хорошо известно, что Совместная декларация 1956 г. положила конец фор-

мальному состоянию войны между СССР и Японией, о чем официально заявил премьер-министр Японии И. Хатояма после подписания указанной декларации. Это — исторический факт и его невозможно опровергнуть. Кроме того, с международно-правовой, исторически-временной и содержательной в отношении состояния современных российско-японских отношений точек зрения очевидным является факт отсутствия “формального состояния войны” между Россией и Японией. Не могут находиться в “формальном состоянии войны” два государства, которые имеют активные и расширяющиеся политико-дипломатические, экономические, гуманитарные и военные контакты, которые сотрудничают в борьбе с международным терроризмом в том числе и на основе взаимодей-

ствия своих спецслужб.

Вместе с тем следует приветствовать идею заключения двустороннего широкоформатного договора, гарантирующего обоим сторонам мир, добрососедство, сотрудничество, взаимную безопасность и уважение национальных интересов друг друга. Договора, который сформулировал бы цели и задачи стратегического сотрудничества России и Японии в XXI веке на благо народов обеих стран. Именно такую надежду высказывает А. Кошкин в заключении своей работы. Хочется поздравить автора, российскую научную общественность и широкие круги читателей с выходом в свет добротного, исключительно информативного и весьма полезного нового научного исследования по истории российско-японских отношений.

© 2005

В. Павлятенко,
руководитель Центра исследований
Японии ИДВ РАН, к.и.н.

1. Следует с удовлетворением подчеркнуть: А. Кошкин одним из первых, если не первым, дает точное, корректное, отражающее существо событий определение вооруженному столкновению Японии с Россией в 1904-05 гг. — “японо-русская война” (с. 329). Тем самым А. Кошкин “опрокидывает” еще один традиционный штамп в истории двусторонних отношений (*русско-японская война*). Автор рецензии полностью разделяет эту точку зрения.
2. В процессе переговоров о заключении пакта о нейтралитете, учитывая не меньшую заинтересованность Японии в нем, советская сторона неоднократно ставила перед японскими представителями вопрос о компенсации в виде или “возвращения утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов” или их выкупа (с. 84, 86).
3. Следует обратить внимание на следующий весьма интересный факт: в обмен на сохранение СССР нейтралитета и его посредническую роль в переговорах о перемирии Японии с США и Великобританией, японская сторона рассматривала возможность уступки Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов (с. 276).

Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх. Пер. с кит. / Сост. и послесловие С.А.Торопцева, М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ван Мэн (р. 1934) принадлежит к старшему поколению китайских писателей, которому было суждено многое пережить и вынести. Сразу скажем, писатель сохранил оптимизм и творческую активность. Несмотря на возраст, новые книги из-под его пера выходят практические ежегодно. У нас в 1988 году выходило его "Избранное" (688 с.), тоже составленное С.А.Торопцевым, тиражом в 100 тыс. экз. Тогда этот тираж русского перевода далеко перекрывал тиражи китайских книг писателя, но все это уже в прошлом. Нынешний сборник у нас вышел тиражом в 1 тыс. экз., а последняя книга Ван Мэна на китайском языке "Воды жэньшэн чжэсюэ" ("Моя экзистенциальная философия") к 2003 году вышла десятую тиражами общим числом 212 тыс. экз.

Знаменитый писатель сейчас находится на самом гребне волны своего литературного успеха. Он издал собрание сочинений в десяти томах, получил четырнадцать литературных премий, в Пекине его произведения издали на шести языках, а за границей — в десяти странах, чаще всего в Японии, Италии и США. Он трудится во всех жанрах литературы, пишет рассказы и романы, статьи и эссе, литературоведческие исследования по классической литературе, юморески. Его многосторонность и жизнелюбие поразительны. Двадцать лет в ссылке, причем в отдаленном, с трудным климатом Синьцзяне, одарили его знанием уйгурского языка, и с 1985 г. его книги издаются на уйгурском языке! Писатель объездил чуть ли не весь мир, а в ноябре 2004 года посетил Россию. Рецензируемая книжка переводов была издана как раз к его приезду.

Китайские литературоведы согласны в оценке заслуг Ван Мэна. У него было два пика творчества: пятидесятые годы, когда его читали и критиковали всей страной, и восьмидесятые годы, когда он воскрес из литературного небытия полный свежих творческих сил. В этой книжке представлен именно этот, второй расцвет Ван Мэна конца 70-х и начала 80-х годов.

Российскому читателю легко и приятно читать эти вещи, они близки нам потому что Ван Мэн воспитан не только китайской, но и европейской литературой,

особенно русской классической литературой. И сам Ван Мэн и его герои — китайские интеллигенты разных поколений — хорошо знают советскую культуру, поэтов и писателей, наших музыкантов, напевают советские песни. Китаец у Ван Мэна любит морскими волнами, напевая песню Соловьева-Седого "Вечер на рейде": "И берег родной целует волна..." (с. 63). Сам Ван Мэн тоже воспринимает море через призму литературы: "Море, море! Горьковское — перед бурей? Или андерсеновское — яркое, фееричное? Или моря Джека Лондона, Хемингуэя, которых он когда-то иступленно переводил? Или, может быть, древнее море арабов из "Шехерезады" Римского-Корсакова?" (с. 68). Все это мы сами читали с детства, и нам не чужд юный Ма Вэньхэн, у которого "голова забита какими-то Жан-Кристофом, Жюльеном, госпожой Бовари..." (с. 114).

Но не только литературные радости объединяют нас с китайскими героями рассказов Ван Мэна. Когда он пишет: "Реабилитация! Придет ли день, когда за такими тарабарскими словечками китаец полезет в словарь старого языка?" (с. 69). Нам его чувства более чем понятны. А вопрос, который задает самому себе герой рассказа "Чалый" музыкант Цао Цяньли: "Какой же век на дворе?" (с. 31) — разве не переключается со знаменитым вопросом Бориса Пастернака: "Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?"

Герои рассказов Ван Мэна принадлежат к интеллигенции. Это студенты, доцент, музыкант, художники, отдыхающие в доме отдыха на море, писатель и переводчик иностранной литературы... Они же составляют его преданную читательскую аудиторию: "Знаю, знаю, как замотаны мои читатели. Будильник поднимает вас в шесть, час на утренний туалет и завтрак. А пампушек-то маловато, придется еще в очереди за лепешками постоять" (с. 57).

С тех пор уже прошло двадцать лет, а в нашем новом тысячелетии это громадный срок, особенно в Китае, который после многовековой неподвижности меняется ежечасно. Так что рассказы Ван Мэна о людях восьмидесятых годов сейчас уже воспринимаются как рассказы о прошлом. Тогда говорили о талонах на велосипеды

и продовольственных карточках, теперь есть очередь на отечественные телевизоры с плазменной панелью. Вот как изменился Китай за двадцать лет!

Тогда еще помнили времена, когда людям самим приходилось сжигать любимые книги. Десятилетий Ма Вэньхэн сжег "Семью" Ба Цзиня, "Рикшу" Лао Шэ, "Дворянское гнездо" Тургенева и "Вишневы сад" Чехова. Китайские и русские авторы вместе сгорели в одном огне (с. 102). Уже в восьмидесятые годы все, что происходило в те времена, казалось "прошлым перерождением", которое уже никогда — никогда! — не вернется, как заклятие повторяет Ван Мэн. Но сразу же возникла проблема поколений, разрыв между родителями, столь много претерпевшими, и новой, не изведавшей бед молодежью. Разрыв глубокий, переходящий в отчуждение. Пережитые испытания не придали старшим славы в глазах их собственных детей. "Много ли в мире отцов, достойных сыновнего уважения? — рассуждает юный студент, сын художника в рассказе "Глубины озера". — Своих родителей мы обычно считаем жалкими, устаревшими, трусоватыми, нудными, трудившимися впустую, прозябающими в безнадежно пошлой жизни. В общем-то, они, конечно, отстали от эпохи, от веяний времени, жизнь вот-вот отбросит их прочь, если уже не отбросила. Их головы, считаем мы, забиты никому уже не нужным опытом, старыми рецептами, надоедливим брюзжанием, делами давно минувших дней, списками погибших родных и друзей, номерами денежных вкладов, рецептом укрепляющей настойки..." (с. 142). В Китае действительно настала другая жизнь, и списки погибших не интересуют молодое поколение.

Перемены в китайской жизни так быстры, что у многих порождают чувство растерянности и нечто схожее с ностальгией по прошлому. Ван Мэн пишет: "Уже и Ханчжоу застроили небоскребами из стали и стекла... Долго ли пребудет над Сиху этот дух древнего покоя? Как ста-

нет дальше развиваться наша страна, наша жизнь, какие ждут нас перемены? И что в этом стремительно развивающемся мире сохранит свое непреходящее значение?" (с. 189) Как тут не вспомнить столь нам знакомое "Прощание с Матерой" Валентина Распутина с его пронзительной тоской по уходящему под воду прошлому? Разве не та же знакомая нота звучит в скорби Ван Мэна по исчезающем под застройкой пейзажем Сиху?

Но при всей начитанности Ван Мэна в русской и европейской литературе, он — китайский писатель, живо и непринужденно разговаривающий со своим читателем, в котором видит единомышленника и союзника не только по восприятию окружающего мира, но и даже в перипетиях литературной борьбы. Всегда оптимист, Ван Мэн верит, что умный читатель на его стороне в дискуссиях с умным критиком, который ехиден уже в силу своего профессионализма... (с. 26-27).

Хорошее впечатление от рассказов Ван Мэна в небольшой степени зависит и от высокого уровня литературного перевода на русский язык. С.А.Торопцев еще в 1988 г. издал свои переводы повестей Ван Мэна в составе "Избранного" и через четырнадцать лет обратился к переводам его рассказов, так что опыта переводчику не занимать. Заметим два сомнительных момента: неологизм к у п о в е д е н и е (с. 219), который неуклюже заменяет общепринятый медицинский термин "бальнеология" и произвольную смену заглавия у повести "Канадская луна" на невнятное "Зимние пересуды". Замена тем более неудачная, что в 1987 г. Ван Мэн опубликовал именно под этим заглавием сборник своих рассказов и повестей отдельной книгой.

Будем надеяться, что новые романы и эссе Ван Мэна, написанные за последние пятнадцать лет, тоже со временем привлекут внимание переводчиков и издателей и тоже будут представлены российскому читателю в русском переводе. Творчество Ван Мэна того заслуживает вне сомнений.

© 2005

А. Желоховцев,
кандидат филологических наук

1. Ван Мэн чжуцзо няньбяо [Летопись произведений Ван Мэна] / Ван Мэн цышшу: воды жэньшэн чжэсюэ [Ван Мэн рассказывает о себе: моя экзистенциальная философия], Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2003. С. 308-315.

Наши юбиляры

Игорю Николаевичу Коркунову 80 лет

6 декабря 2004 г. исполнилось 80 лет видному российскому ученому-китаеведу ведущему научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН кандидату экономических наук И.Н. Коркунову.

И.Н. Коркунов родился 6 декабря 1924 г. в семье служащего. Как и многие представители старшего поколения он является участником Великой Отечественной войны: по окончании средней школы в 1942 г. И.Н. Коркунов был призван в ряды Советской Армии и служил связистом отдельного гвардейского минометного дивизиона 328-го гвардейского минометного полка ("катюши"). Награжден орденом "Отечественной войны" II степени и многими медалями, в том числе "За победу над Германией". После демобилизации учился в Московском институте востоковедения (МИВ) на китайском отделении.

Приняв решение посвятить себя науке, И.Н. Коркунов поступил в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где защитил кандидатскую диссертацию по специальности "зарубежная экономика". С 1957 по 1961 г. работал в Институте китаеведения РАН, а с 1962 по 1970 г. — в Институте мировой социалистической системы, в должности старшего научного сотрудника.

В начале 1970-х гг. И.Н. Коркунов успешно трудился на дипломатическом поприще в качестве первого секретаря Посольства СССР в КНР. Работа в Китае позволила И.Н. Коркунову существенно обогатить свои знания в области экономики страны пребывания, глубже вникнуть в жизнь китайского общества, что послужило прочным фундаментом для последующего исследования различных аспектов экономической реформы в КНР.

С 1974 г. по настоящее время И.Н. Коркунов плодотворно трудится в Институте Дальнего Востока РАН в должности заведующего сектором, ведущего научного сотрудника. Основные направления исследований — эволюция стратегии социально-экономического развития КНР в условиях реформы, воз-

действие фактора интеграции страны в мировую экономику на изменение подходов к стратегии ее развития, проблемы экономической безопасности КНР, в том числе продовольственной безопасности; динамика и эффективность развития аграрной экономики.

В 80-90-е гг. основным направлением его исследований становятся социально-экономические проблемы развития современного Китая в условиях реформы, в том числе аграрного строя. В его публикациях в эти годы исследовались процессы преобразований в экономике страны и их последствия, позитивный и негативный опыт для России. Одна из ведущих тем исследований И.Н.Коркунова — также различные аспекты модернизации страны, переход от патриархального к современному обществу. Эта проблематика была отражена в подготовленных при участии И.Н.Коркунова монографиях “Экономика современной китайской деревни”. М., 1996; “Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития, М. 1991; “Экономическая реформа в КНР: первые десять лет”, М. 1989.

Одновременно И.Н.Коркунов являлся ответственным редактором ряда монографий и сборников.

И.Н.Коркунов активно участвует в научно-организационной работе. Итогом выполнения проектов РГНФ явилось опубликование монографий “Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР в 90-е годы” (1989) и “Продовольственная безопасность КНР и роль государственного регулирования”. (2002). Научные труды И.Н. Коркунова отличает глубокое понимание исследуемых проблем, что неизменно привлекает к ним внимание как коллег — ученых так и практиков, занятых в сфере российско-китайских отношений.

И.Н. Коркунов — замечательный товарищ, всегда готовый прийти на помощь всем, нуждающимся в ней.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” сердечно поздравляют Игоря Николаевича со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых творческих свершений.

Галина Вениаминовна Куликова

Ю. Лерню со дня рождения [К

Есть люди, над которыми не безвластно время. Более полувека назад связала Галина Вениаминовна свою судьбу с Китаем, поступив в 1952 г. на китайское отделение Московского института востоковедения. Китай стал ее призванием, а развитие и укрепление дружеских и добрососедских отношений с ним — главным делом ее жизни.

Умная, энергичная, инициативная и общительная студентка-отличница активно участвовала в общественной работе Института, живо откликалась на важные события в стране и мире. В составе студенческого отряда Галина участвовала в освоении целины, за что была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и медалью за освоение целинных и залежных земель.

Свою трудовую деятельность Г.В.Куликова начала в 1958 г. в Институте китайоведения АН СССР. В марте 1960 г. она перешла на работу в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД, ныне Росзарубежцентр) на должность секретаря-референта Центрального правления Общества советско-китайской дружбы (ОСКД).

За годы работы в ССОДе Галина Вениаминовна прошла путь от секретаря-референта до заведующего Отделом социалистических стран Востока, ответственного секретаря, а затем заместителя и первого заместителя председателя ОСКД (ОРКД).

Работая в ССОДе, Г.В. Куликова содействовала активизации движения советской общественности за дружбу, солидарность и сотрудничество с Китаем, Вьетнамом, Кореей, Монголией, Лаосом, Кампучией. Она была одним из активнейших организаторов и участников движения солидарности с борьбой вьетнамского народа против агрессии США. Неоднократно бывала во Вьетнаме, Лаосе, Кампучии, не раз попадая во время боевых действий в опасные для жизни ситуации. Деятельность Г.В. Куликовой в те годы была отмечена правительственными наградами ряда стран Востока.

Однако главным направлением работы Г.В.Куликовой в ССОДе и затем в Росзарубежцентре было и остается Общество советско(российско)-китайской дружбы. Во многом благодаря ее инициативной деятельности в непростой период советско-китайских отношений, даже в годы так называемой культурной революции в КНР, ОСКД продолжало активно работать. Все мероприятия Общества свидетельствовали об уважении народа нашей страны к уникальной культуре китайского народа, его славному революционному прошлому.

Эта благородная деятельность Общества сделала возможным возобновление в 1983 г., после почти 18-летнего перерыва, наших контактов с Китайским народным обществом дружбы с границей и Обществом китайско-советской дружбы.

С декабря 1989 по декабрь 2000 г. Галина Вениаминовна работала в Китае представителем ССОД и ОСКД, а затем Росзарубежцентра и ОРКД, советником Посольства СССР (после 1991г. — РФ) в КНР, а с 1998 г. еще и в качестве первого заместителя председателя ОРКД.

Своим примером Галина Вениаминовна убедительно доказала востребованность “народной дипломатии” в любой период дружественных связей между народами России и Китая. За годы работы в ОРКД и особенно во время командировки она обрела широкую известность и заслуженное уважение в Китае, достойно представляя в КНР наше Общество дружбы, российских китаеведов.

С 2003 г. Г.В.Куликова работает в ИДВ РАН старшим научным сотрудником. Она вернулась в коллектив китаеведов, вместе со многими из которых когда-то начинала свою трудовую деятельность и с которыми никогда не прерывала связи. Накопленный ею богатый опыт Галина Вениаминовна обобщает и реализует в своих статьях, выступая постоянным автором журнала “Проблемы Дальнего Востока”, ежегодников “Китайская Народная Республика” и ряда других изданий, продолжает активную деятельность в Обществе дружбы в качестве первого заместителя председателя.

Неутомимая плодотворная деятельность Галины Вениаминовны отмечена правительственными наградами ей присвоено звание Заслуженного работника культуры РФ.

Г.В.Куликова — человек твердых гражданских и патриотических убеждений, высоких моральных принципов. Друзья и коллеги ценят ее за доброжелательность, отзывчивость, готовность в любой момент прийти на помощь. Поэтому у нее так много друзей и в родном Отечестве, и за его пределами, особенно в Китае.

Коллеги и друзья Галины Вениаминовны желают ей крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов во всех начинаниях на ниве науки и в деле содействия развитию дружеских отношений между Россией и Китаем.

С юбилеем Вас, дорогая Галина Вениаминовна!

Дирекция Института Дальнего Востока РАН
Центральное правление Общества российско-китайской дружбы
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”

Николаю Петровичу Тебину 70 лет

13 января 2005 г. исполнилось 70 лет российскому японоведу Николаю Петровичу Тебину. Свою трудовую деятельность он начинал в еженедельнике "Экономическая газета", в отделе иностранной информации газеты "Социалистическая индустрия". Закалка и становление его как профессионала пришлись на годы работы в Редакции стран Азии ТАСС. Особое место в профессиональном росте журналиста-международника Н.П.Тебина, специализировавшегося по проблемам Японии, заняли десять лет работы корреспондентом ТАСС в Токио (с 1971 по 1976 гг. и с 1980 по 1984 гг.). Уже в те годы руководство Редакции оценивало в его информационных сообщениях новизну поднимаемых тем, глубокий и тщательный анализ проблем, а коллеги по перу всегда отмечали широту его познаний и интересов — экономика, внут-

ренняя и внешняя политика, культура, спорт.

В 1985 г., возвратившись из командировки, Н.П.Тебин перешел на работу в редакцию журнала "Проблемы Дальнего Востока". Эрудиция, знание изучаемой страны и региона в целом позволили ему быстро сформировать круг интересных, плодотворных авторов. Как правило, успешным были поиск и привлечение к работе в журнале молодых авторов из представителей Владивостока, Хабаровска и других дальневосточных районов. Многие из них проявили себя в науке, пройдя путь от аспирантов до кандидатов и докторов. Все они благодарны Н.П.Тебину за его доброжелательность, стремление помочь с первыми публикациями. Письма читателей журнала в редакцию свидетельствовали о большом интересе к публикациям, которые целенаправленно организовывал Н.П.Тебин. Организации харбинцев, рабочих и служащих КВЖД на своих встречах неизменно выражали ему признательность за рубрику "Русские в Китае", материалы которой были и остаются цементирующей силой "харбинского братства".

Высокая организованность и ответственность позволяли Н.П.Тебину сочетать работу в редакции журнала изысканиями в Центре исследований Японии ИДВ РАН (ЦИП) и с преподавательской деятельностью в Институте стран Азии и Африки МГУ, в Институте практического востоковедения, Институте иностранных языков. Десятки молодых японистов прослушали курсы лекций Н.П.Тебина по экономике и истории Японии, социально-политической системе и культуре страны. По откликам его учеников, в ходе занятий Николай Петрович не столько читал лекции по географии или истории, сколько учил "как

изучать" эти предметы. Его педагогический талант был заслуженно оценен многими, а трое его бывших студентов стали научными сотрудниками Центра исследований Японии ИДВ, где трудится их учитель.

Николай Петрович плодотворно работает как исследователь и постоянно публикуется в ежегодниках ЦИЯ ИДВ "Актуальные проблемы современной Японии", в коллективных монографиях Центра, в сборниках Ассоциации японистов "Японский опыт для российских реформ". Исследовательский "темперамент" Н.П.Тебин продолжает оставаться высоким — это и "Судебная система Японии", и "Подходы Японии к процессам глобализации", и "Демографические ресурсы Японии", "Японский опыт санации угледобывающей промышленности", "Черная металлургия: от рационализации до реструктуризации", "Практика применения смертной казни в Японии", "Плюсы и минусы "бесплатного" медицинского обслуживания в Японии" и др. Не забывает Н.П.Тебин и журналистику. "Япония сегодня", "Независимая газета", "Единая Россия", "Медицинская газета" — таков далеко не полный перечень изданий, где опубликовано около 50 материалов, подготовленных Николаем Петровичем на самые разные темы.

Дирекция Института Дальнего Востока, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" от всей души поздравляют Н.П.Тебина с юбилеем и желают ему долгой плодотворной работы во всех интересующих его областях.

№ 12345

Ганшин Георгий Александрович
2 марта 1925 г. — 5 февраля 2005 г.

5 февраля 2005 г. скоропостижно скончался кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН Георгий Александрович Ганшин.

Всю свою жизнь Георгий Александрович отдал служению отечественному китаеведению. В 1947 г. он окончил Московский институт востоковедения. В этом же институте окончил аспирантуру и получил степень кандидата экономических наук. Затем преподавал экономику Китая в Институте востоковедения, а с 1956 г. — в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). В 1957-1959 гг. был деканом восточного факультета МГИМО. В 1959 г. перешел на научную работу в Институт китаеведения АН СССР, где занимал должности старшего научного сотрудника, а затем заведующего сектором экономики.

В 1961 г. Г.А.Ганшин был направлен в Китай на дипломатическую работу в качестве первого секретаря Посольства СССР. Первую командировку в КНР окончил в ранге советника. После возвращения в 1966-1968 гг. работал инструктором Отдела заграничных командировок ЦК КПСС. В последующие годы работал в Посольстве СССР во Франции, в ЦК КПСС, Институте Дальнего Востока РАН.

Георгий Александрович — известный специалист по проблемам экономики Китая. Он — автор трех монографий, многих статей, научных докладов. Его научные и публицистические статьи по экономике Китая печатались на страницах известных отечественных периодических изданий, в том числе в журналах "Проблемы Дальнего Востока", "Народы Азии и Африки", "Мировая экономика и международные отношения", "Азия и Африка сегодня". Некоторые из них были переведены на иностранные языки и изданы в Китае, Японии, Франции и других странах. Г.А.Ганшин выступал с докладами на многих научных конференциях, симпозиумах и семинарах. Его работы всегда вызывали живой интерес читательской аудитории.

Георгия Александровича отличали такие черты, как огромное трудолюбие, скромность, верность долгу, внимание и отзывчивость к окружающим его людям, оптимизм. Он заслуженно пользовался всеобщим уважением. Все его научные труды отличали глубина исследования, новаторство, пытливость исследователя, любовь к изучаемой стране, забота об интересах Отечества.

Коллектив Института Дальнего Востока понес невосполнимую утрату. Светлая память о Георгии Александровиче Ганшине навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Феоктистов Виталий Федорович §
17 августа 1930 г. — 5 марта 2005 г.

5 марта 2005 г. скоропостижно скончался видный российский философ и педагог, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Виталий Федорович Феоктистов.

Всю свою жизнь Виталий Федорович отдал служению отечественному китаеведению. В 1954 г. он окончил Московский Институт востоковедения по специальности страновед по Китаю, а в 1963 г. — заочную аспирантуру при Институте философии АН СССР. Он выезжал в длительные командировки в Китай, принимал участие в работе советской делегации по пограничным вопросам с КНР. В Институте Дальнего Востока работал с 1968 г. на должностях старшего научного сотрудника, ученого секретаря, заведующего сектором, заведующего отделом и с 1992 г. заместителем руководителя Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии.

Жизнь Виталия Федоровича — яркий пример беззаветного служения отечественной науке, российскому государству и благородному делу воспитания и подготовки ученых-философов и востоковедов. Он внес свой вклад в развитие отечественной синологии. В.Ф.Феоктистов — один из авторов нового определения китайской философии как рационалистического поиска начал сущего, концепции о роли китайской философии в истории китайской цивилизации, разработчиков критериев определения национальных особенностей духовной культуры Китая. Его труды по истории китайской философии и социально-политической мысли Китая, в частности монографии о Сюнь-цзы и об эволюции идейно-политической платформы КПК, его научные статьи, а также емкие характеристики китайских философских учений в энциклопедическом словаре “Китайская философия” (1994 г.) по праву заслужили признание отечественной и международной общественности.

Виталий Федорович внес большой вклад в подготовку китаистов высшей квалификации. Его ученики плодотворно работают во многих вузах и научных учреждениях в России и за рубежом, продолжая традиции бережного отношения к философскому наследию Китая.

О признании многогранной научной и общественной деятельности Виталия Федоровича свидетельствует то, что он был избран членом Международного общества китайской философии (США), Советником Международной конфуцианской ассоциации (Пекин), постоянным членом правления Международной ассоциации иезуитики (Пекин), действительным членом Международной академии наук о природе и обществе (МАНПО). О его вкладе в развитие российско-китайских отношений, в изучение и пропаганду основ духовной цивилизации Китая говорится в присланной в ИДВ телеграмме соболезнования правления Международной конфуцианской ассоциации (Пекин. 11 марта 2005).

Виталия Федоровича отличали такие черты, как огромное трудолюбие, скромность, верность долгу, внимание и отзывчивость к окружающим его людям, оптимизм. В коллективе его любили и уважали.

Виталий Федорович имел правительственные награды.

Институт Дальнего Востока понес невосполнимую утрату. Светлая память о Виталии Федоровиче Феоктистове навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, профсоюзная организация ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.2.2005 г. Подписано к печати 21.03.2005 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 15,7 тыс. Уч.-изд. л. 14,5. Бум. л. 6,0
Тираж 992 экз. Зак. 100

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-gas.ru

Оригинал-макет © 2005 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.